

ОРАЗ
АБДУРАЗАКОВ

Шнага д'Артаньяна,
или
Тод сурстя

Ораз Абдуразаков
**Шпага д'Артаньяна,
или Год спустя**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Абдуразаков О.

Шпага д'Артаньяна, или Год спустя / О. Абдуразаков — «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-102244-0

Окончание легендарной трилогии Александра Дюма. Действие сюжета разворачивается вслед за событиями, описанными в романе «Виконт де Бражелон». Завершая «мушкетёрскую серию», автор предлагает читателю новую версию драматических обстоятельств Деволюционной войны между Францией и Испанией. Наряду с вымышленными героями в романе действуют подлинные исторические лица.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102244-0

© Абдуразаков О., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть первая	7
I. Старость Арамиса	7
II. О чём говорилось в письме графа д'Артаньяна	10
III. Чем были суперинтендант финансов и военный министр Франции в 1668 году	15
IV. Новый капитан королевских мушкетёров	19
V. Версальские слухи	24
VI. Утренний туалет Людовика XIV	31
VII. Финансовые затруднения господина Кольбера	37
VIII. О чём говорилось в письме герцога д'Аламеда	42
IX. Мария-Терезия Австрийская в тридцать лет	45
X. Иезуиты	48
XI. Иезуиты	51
XII. Приказ короля	56
XIII. Сделка	59
XIV. Замысел Арамиса вырисовывается	63
XV. О политике, стилистике и счетоводстве	66
XVI. О том, как Людовик XIV устроил судьбу Маликорна	72
XVII. Послы	79
XVIII. <i>Jésuite de robe courte</i> [2]	84
XIX. О том, как Маликорн приступил к исполнению королевской воли	89
XX. Фаворитки	94
XXI. Завещание д'Артаньяна	98
XXII. Пьер де Монтескью	104
XXIII. Встреча	106
XXIV. Первые три дня франко-испанского союза	109
XXV. Переезд	113
XXVI. Идея Кольбера	118
XXVII. Охота на волков	122
XXVIII. <i>Accipe hunc gladium cum Dei benedictione</i> [5]	128
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Ораз Абдуразаков

Шпага д'Артаньяна, или Год спустя

*Эту книгу я посвящаю моим детям: Мерану, Лейсан и Айлин.
Жизнь припасла для вас множество сюжетов. Возможно, не все
они безупречны, но одно несомненно: любой из них вам дано изменить к
лучшему.*

От автора

«Серьёзно?! История про мушкетёров заканчивается вот так?! И это всё?..» Примерно с такой тирадой тринадцатилетний я пришёл к отцу, перевернув последнюю страницу «Виконта де Бражелона». Тогда, в середине 90-х, папа не подозревал о как минимум 100 продолжениях романа Дюма разной степени популярности. Так что он лишь понимающе улыбнулся, развёл руками и ответил: «Сынок, если не нравится – допиши сам».

Что-что, а проза меня, начинающего поэта, вообще не привлекала, и, разумеется, дописывать или переписывать что-либо я тогда и не подумал. Положа руку на сердце, разочарование концовкой трилогии продлилось не так уж и долго: зарождалась эпоха книжного изобилия, и я поглощал без разбора все литературные новинки, до которых удавалось дотянуться. Во всяком случае, до тех пор, пока года через три в руки мне не попала книжица, довольно путано и бестолково описывающая похождения Атоса, Портоса и Арамиса накануне знакомства с отважным гасконцем. «Ну, если даже такое издают, то, может, и впрямь лучше дописать самому?» – подумал я без ложной скромности и... достал с полки всё те же «Десять лет спустя». Медленно и вдумчиво перечитывая самую объёмную часть мушкетёрской саги, я будто заново открывал для себя гениальный замысел Дюма. Нет, её финал больше не казался ни бледным, ни сканальным – вот только горький привкус несправедливости, памятный по первому знакомству с книгой, так меня и не покинул. Именно тогда и были сделаны первые наброски «Шпаги д'Артаньяна».

«Если что-то делаешь, то делай это хорошо!» – этому буддийскому принципу я старался следовать во всём, а потому обзор исторических материалов занял у меня пару лет, что сейчас, в эру Википедии и «поколения большого пальца», кажется просто безумной тратой времени. Я и сам, вспоминая себя тогда, осознаю как собственную расточительность, так и её неизбежность. Ну да, я познавал XVII век по увесистым словарям, справочникам, тем же историческим романам, однако именно эти трудности в том числе и стали для меня отличным стимулом приступить-таки к созданию продолжения – в конце концов, не зря же я убил столько времени на изучение эпохи Людовика XIV.

В 2002 году первая редакция книги была готова, а первые главы – даже опубликованы в журнале, в лучших традициях Дюма. А потом... потом случилось то, что, увы, нередко бывает в таком возрасте: меня с головой поглотила работа, а творчество пало в неравной борьбе с карьерой. И лишь пятнадцать лет спустя я не без внутренней дрожи сдул пыль с рукописи, завершённой ещё в студенческие годы.

Есть несомненные плюсы в том, что «Шпага д'Артаньяна» выходит в свет сейчас, а не в далёком 2002-м. За эти годы я успел побывать и в Версале, и в Лондоне, и на бельгийских полях сражений Деволюционной войны. Книга тем самым, бесспорно, выиграла в аутентичности, но... в глубине души я всё же надеюсь, что, читая её, вы услышите того мальчика, который четверть века назад явился к своему папе с томиком Дюма и возмущённым вопросом: «Серьёзно?! И это всё?..»

Пролог

Весной 1668 года прекрасная Франция оцетинилась штыками: Королю-Солнце шёл тридцатый год, и его «золотому веку» становилось тесно в родных пределах. В апреле корпус под началом графа д'Артаньяна вторгся в Нидерланды. А поскольку союз с англичанами и нейтралитет Испании развязали руки Людовику XIV, то французские войска, проглатывая крепость за крепостью, уже заставляли Европу задуматься над загадкой монарха, ещё каких-нибудь семь лет назад столь заурядного, а сегодня – подчинявшего себе армии, флоты и державы.

Впрочем, говоря об испанском нейтралитете, мы имели в виду лишь устную договорённость, достигнутую в ходе пребывания герцога д'Аламеда в Блуа полгода назад. Что до подписания соответствующего соглашения (ну конечно, его следовало прежде составить!), то эта честь выпала на долю преподобного д'Олива, о чём внимательный читатель, несомненно, помнит из заключительной главы романа «Виконт де Бражелон». Не забыл он, видимо, и о том, что упомянутый прелат стал даже временным генералом общества Иисуса... о, то было самым кратким назначением в истории ордена. Курьер, нагнавший иезуита у границы, передал ему высочайшее повеление немедленно вернуться в Мадрид: слабеющий Филипп IV желал видеть своего духовника подле себя в смертный час. Ужасная агония короля затянулась на месяцы, но ещё страшнее были её последствия: трон достался ребёнку – инфанту Карлосу. Шестилетний эпилептик, страдавший размягчением костей, то и дело бился в лихорадке и был так слаб, что не мог обходиться без молока кормилицы. С трудом передвигаясь на помочах гувернёра, отпрыск повелителей мира едва мог пролепетать несколько слов. То был роковой удар по Габсбургскому дому, и Арамису, вновь принявшему титул магистра, не без труда удалось удержать в повиновении мировую Испанскую империю. Однако в конце концов, послушные воле дона Рене, кастильские сановники создали Королевский совет, утвердивший регентшей Марианну Австрийскую.

Одним из первых действий нового правительства стало посольство в Версаль для переговоров о нейтралитете Испании во франко-голландском конфликте. И вновь всё тот же отец д'Олива поспешил во Францию, верный приказам Эскориала и напутствиям генерала. День его отъезда запомнился Арамису ещё одним событием: вестовой из Тарба доставил ему новость, уже облёкшую в траур дворянские фамилии Беарна. Великий д'Артаньян пал на полях Фрисландии, и это стало для бывшего мушкетёра куда большим потрясением, нежели уход Филиппа IV.

Наше повествование начинается через пять месяцев после того, как Небеса услышали последние слова отважного гасконца:

– Атос, Портос, до скорой встречи. Арамис, прощай навсегда!..

Часть первая

*История – это гвоздь,
на который я вешаю свои картины...*

А. Дюма

І. Старость Арамиса

Замок Аламеда поражал воображение соседей и случайных путников своей изысканной мрачностью. Казалось, даже птицы избегали ухоженного парка, овеянного пугающим величием абсолютной тишины. Редкие гости не задерживались надолго, но и они большей частью навещали сюда, исполняя волю Королевского совета или хозяина поместья.

Внутреннее убранство покоев подчёркивало страсть владельца к сибаритской роскоши. Однако особое впечатление производили безлюдные залы дворца: слуги старались не показываться в галереях без нужды, зная, что герцог предпочитает полное одиночество. Целыми днями просиживал он в библиотеке, а по ночам, измотанный бессонницей, выходил в парк в лазурном плаще французского мушкетёра, весьма нетривиальном для Кастилии. Ибо последний из отважной четвёрки лишь в таком одеянии, и только под неуловимым звёздным сиянием предавался грёзам.

А воспоминаний, скрытых под длинными белыми волосами, которые некогда с любовной нежностью перебирали пальцы прекрасных герцогинь, и впрямь хватило бы на множество томов исторических хроник, если бы автор чувствовал себя вправе изложить их на бумаге. Короли и королевы, великий Ришелье и скользкий Мазарини; Испания, Австрия, Англия – лишь он один знал теперь все хитросплетения генеалогических ветвей, дипломатических секретов, пороков и слабостей сильных мира сего. Да, этих тайн нельзя было доверить даже духовнику. Но Арамис и не нуждался в исповеди, поскольку мощь ордена возвышала его над миром, избавляя от общепринятых таинств и позволяя вершить судьбы людей и империй.

Старость, подкрадываясь незаметно, как пантера, и одним злобным рывком настигшая могучего и энергичного человека; старость, вызванная беспредельным отчаянием и рухнувшими надеждами честолюбивого епископа; старость, согнувшая его спину и посеребрившая голову, ничуть не коснулась ни гибкого ума, ни острого взгляда прелата. Именно она, неумолимая старость, делавшая грядущее столь туманным, побуждала его этой ночью размышлять о былом:

– Закат, – шептал старик, – как похож он на рассвет, и до чего же легко их перепутать. Где вы, мои рассветные дни? Был же и я молод... Пусть назовут это безумием, пусть, коль скоро это так: я-то лучше других знаю, что был безрассудно пылок. Зато жизнь моя была полна, а я, простой солдат, рвался сражаться с целым светом. Шевалье д'Эрбле не то, что юный Арамис: он твёрдо знал, чего хотел, бунтуя против обнаглевшего итальянца. Ваннский епископ... да что и говорить: нищая духом, прирастал я изощрённостью ума. А кем стал в итоге? Впрочем, известно кем... И генерал общества Иисуса, как прежде, мушкетёр де Тревиля, тоже может противопоставить себя всему миру – уже всерьёз. Только у него, совсем как у д'Артаньяна, нет больше аппетита. Да и стал ли я прежним? Нет, и это невозможно: слишком велика преграда между герцогом д'Аламеда и Арамисом. Слишком велика, чересчур тяжела... даже для Портоса.

Как обычно, с мыслью о дю Валлоне на него нахлынул целый сонм противоречивых чувств, и одинокая слеза, вскипев в огненном взоре, скатилась по окаменелому лицу прелата. Сейчас он не видел ни звёздного неба, ни раскидистой черноты деревьев – перед ним возвышался громадный утёс на морском песке.

– Вот и снова я ненавижу себя, презирая всю свою жизнь, – процедил Арамис сквозь зубы с невыразимой болью в лице. – Вернее заметить – всю жизнь после королевской службы. Быть может, я неправ... О, как играет нами судьба! Единственный предмет чести моей, гордости и славы не стоил мне ничего: ни заговоров, ни интриг, ни даже денег. Эта дружба была дарована мне свыше, а я, глупец, пренебрёг ею, забыв о товарищах почти на полвека. Чего ради? Во имя религии? Полно! Для Фронды? Ничуть. Ради Фуке либо ордена? Конечно, нет... Всего страшнее то, что я и сам не смогу ответить на вопрос всей жизни: зачем? Зачем я любил,

страдал, ненавидел, упивался счастьем? Почему остался один, отринув друзей? О, если бы я помнил наш девиз: «Один за всех и все за одного!». Ещё пять лет назад мы умиротворили бы Европу на долгие годы, управляя через послушных нашей воле государей Испанией, Францией и Англией. Снилось ли кому-то из владык земных то могущество, коим обладали и не воспользовались бывшие мушкетёры? Ах, д'Артаньян, ты называл меня, несчастного, душою нашего союза... Увы, душа до времени покинула могучее тело, и теперь довольствуется третью грезившегося величия, не желая, впрочем, и этой малости. Что мне Эскориал, Лувр и Виндзор, если нет со мной Атоса, Портоса и д'Артаньяна? Остайся на свете хотя бы Рауль!.. Клянусь, я воспрял и жил бы ради него. Я бросил бы к его стопам золото, дарующее свободу, и власть, дающую право на неблагодарность. Но нет, он слишком походил на отца и так отличался от матери, что не стал бы мстить. Да, бесчестному монарху посчастливилось вдвойне: он отравил жизнь самому благородному, а значит – наиболее безобидному рыцарю королевства и приручил лучшую шпагу Франции. И если второе обстоятельство спасло его от расплаты за вероломство, то память о первом вызывает к возмездию. Что спасёт Людовика Четырнадцатого сегодня, когда нет с ним храбрейшего из храбрых? Только одно – старость Арамиса... Да, я стар, я угас, я мёртв. Именно эти слова сказал я полтора года назад моему последнему другу, и они не стали меньшей правдой теперь, когда у меня не осталось друзей...

Герцог смежил веки и тяжело вздохнул. Образы дорогих его сердцу людей неизъяснимо влияли на него, разгоняя тяжкие думы и возвращая к реальности. И если минуту назад его посетила мысль о забвении, то сейчас преобразившееся лицо вновь являло собой портрет одного из величайших властителей, коим по сути и являлся Арамис. Подняв очи к небу, он отсалютовал клинком трём самым ярким точкам, произнеся на сей раз совершенно отчётливо и громко: – Благодарю вас, друзья мои! Знаю, что ещё не время. Придёт день, и наша плеяда воссоединится, а пока... пока у меня есть дела на земле.

Его голос, почти не изменившийся с возрастом, прозвучал неожиданно резко в сонной тишине парка. Жуткий образ величавого старца в мушкетёрском плаще, воздевшего шпагу к звёздам и беседующего с духами на залитой бледным сиянием аллее мог показаться стороннему наблюдателю воплощением древнего языческого жреца, не будь этот старец магистром самого ревностного и могущественного ордена апостольской церкви.

Неожиданно лунный свет, озаряющий тропину, померк, и Арамис, опустив голову, медленно вложил шпагу в ножны. Ночь продолжалась. Видение исчезло.

II. О чём говорилось в письме графа д'Артаньяна

Вернувшись в замок, герцог несколько минут стоял неподвижно в огромной зале, будто стараясь отвыкнуть от ночной свежести. Затем, сбросив с плеч мушкетёрский плащ и красную далматику, направился в библиотеку. Человек в монашеской рясе, ожидавший хозяина, стоя у письменного стола, едва успел обернуться на гулкий отзвук шагов, как на пороге выросла фигура Арамиса.

– Вы изумительно точны, преподобный отец, – приветливо молвил генерал иезуитов в ответ на почтительный поклон ночного гостя. – Признаться, я сомневался, что вы успеете к назначенному времени. Вы понимаете, – продолжал он, заметив движение монаха и властным жестом призывая того к молчанию, – ведь это не я торопил вас: вы сами указали срок приезда в письме. И я с восхищением убеждаюсь, что чудеса скорости не канули в небытие с гибелью д'Артаньяна.

– Вы слишком добры, монсеньёр, – отвечал монах с почтением, в котором не было и тени угодливости, обычной для служителей церкви. Едва уловимый акцент выдавал в нём жителя Вечного города, что не мешало популярному некогда римскому проповеднику активно влиять на судьбы Испании. – Средства нашего общества позволяют менять лошадей так часто, что я вернулся бы ещё вчера вечером, если б не счёл нужным собрать по пути некоторые сведения.

– Итак, – произнёс Арамис, усевшись за стол и приглашая собеседника последовать его примеру, – вы прямиком из Парижа?

– Прямиком из Версаля, монсеньёр.

– О, понимаю, – тонко улыбнулся сановный старик, – его христианнейшее величество, с молодых ногтей недолюбливая изменчивую Лютецию, в зрелом возрасте не даёт себе ни минуты отдыха между балами. Что ж, это поистине королевское занятие: так уж повелось во Франции ещё при его отце. Ведь вы застали там празднества, преподобный отец?

– Да, монсеньёр: ночи там не отличались от дней, разве что были несколько ярче, – бесстрастно сказал монах, обратив на генерала ясный взгляд широко посаженных глаз.

– Чего ещё ждать от молодого короля, – протянул герцог покровительственным тоном, в котором к тому же сквозило пренебрежение, – но ведь есть ещё, слава богу, господин Кольбер, который, полагаю, извёлся в ожидании отца д'Олива.

– Вы правы, монсеньёр: с министром я в основном и обсуждал детали соглашения, – подтвердил священник, внимательно глянув на генерала.

Но Арамис хранил молчание, вперив пронизывающий взор в собеседника и тем самым не давая тому остановиться.

– В течение трёх с половиной недель, – продолжал д'Олива, – мы составляли договор об испанском нейтралитете, и необходимо признать, что европейская карта в какой-то мере видоизменилась нашими стараниями.

– Я уверен, – холодно проронил герцог, – что вы не превысили своих полномочий, преподобный отец.

Д'Олива склонил голову в знак покорности и, промедлив короткое мгновение, отвечал:

– Моя вера и преданность делу ордена порукой моему послушанию. К тому же вовсе не условия договора – причина того, что моя миссия, вопреки ожиданиям, завершилась не к вящей славе Господа и католической Испании.

При этих словах кроткие очи монаха полыхнули недобрым огнём, и ответом на это была молния, блеснувшая в глазах Арамиса.

– Вопреки ожиданиям? – медленно повторил он самым безмятежным голосом, совладав с чувствами, – да так ли это, преподобный отец? Какая-нибудь приграничная крепость или полоса пашни не стоят того, чтобы хоронить под ними дружбу великих держав.

– Это верно, монсеньёр, и никто лучше меня не сознаёт ничтожности подобных разногласий. Но не замки и не земли явились камнем преткновения.

Иезуит умолк, уставившись на начальника и ожидая, что генерал, по своему обыкновению, выскажет некое предположение, пытаясь решить загадку: с возрастом Арамис обзавёлся такой привычкой. Но делал это лишь наверняка, а в эту минуту достойный прелат не мог представить причины срыва диалога. Поэтому он, придав лицу соответствующее выражение, сделал знак монаху продолжать.

– Когда формальности были улажены к общему удовольствию, – заторопился д'Олива, – а случилось это не без помощи и доброй воли господина де Лувуа, дело оставалось за малым – ознакомить с соглашением короля. Однако его христианнейшее величество не спешил скрепить конкордат своей подписью, откладывая это изо дня в день. А когда тянуть с ратификацией дальше стало невозможно, Людовик Четырнадцатый объявил о своём отказе.

Даже призвав на помощь всё своё самообладание, генерал не мог сдержать изумлённого возгласа. А проявив таким образом свои чувства хотя бы и в малой степени, он не счёл нужным таиться далее:

– Король отказался подписать договор?! Но это немыслимо: кто более него заинтересован в нейтралитете Испании? Кто, как не он, наградил меня орденом Святого Михаила за одно обещание устроить эти переговоры? Возможно ли то, о чём вы говорите, преподобный отец?

– Его величество дал мне аудиенцию, во время которой, проявляя крайнюю любезность и предупредительность, сообщил, что Франция в войне против Голландии руководствуется своими мотивами, во многом противоречащими запросам Мадрида. Что он желал бы активного участия Испанского королевства, наравне с Англией, в искоренении республик. Что он не может вознаграждать нейтральную позицию Карла Габсбурга столь же щедро, как братскую помощь Карла Стюарта.

– Вознаграждать!.. – гневно повторил Арамис.

– Именно так король это сформулировал. И вдобавок выразил надежду на всё тот же дружественный нейтралитет, который испанцы и без конкордата соблюдают полгода, посулив Мадриду участие в мирных переговорах.

Отец д'Олива умолк. Герцог пришёл в себя и какое-то время сидел будто в забытии. Наконец он произнёс:

– Всё это либо не имеет никакого смысла, либо таит в себе столь грозную подоплёку, что она не может быть высказана вслух. И поскольку я далёк от мысли, что Людовик Четырнадцатый лишился рассудка, то усматриваю в его словах намеренный вызов Эскориалу. Причины этого мы выясним, но осознаёт ли король, что, сойдясь с Испанией, он вступает в бой и с нашим святым орденом?

Преподобный отец, хоть и являлся вторым лицом в таинственном обществе Иисуса, и лучше других был осведомлён о возможностях иезуитов, всё же внутренне содрогнулся от этих слов, ставящих мощь ордена выше армий земных. От взгляда прелата не ускользнула реакция преемника и, невзирая на серьёзность момента, он мысленно улыбнулся такой впечатлительности.

– А как вёл себя при этом суперинтендант? – резким голосом спросил он.

– Господин Кольбер был весьма подавлен поведением суверена и напоследок уверил меня в своём горячем стремлении отговорить короля от необдуманных поступков.

– Вот как! Король не доверяет министру... – прошептал герцог д'Аламеда.

– Он также просил известить монсеньёра о своём стремлении встретиться с ним в Версале, – продолжал отец д'Олива, – и вручил мне письмо.

– Письмо? – оживился Арамис. – Письмо от Кольбера?

– Нет, письмо, оставленное у господина Кольбера с тем, чтобы его передали лично вам.

– От кого же оно? – с нескрываемым интересом осведомился герцог.

– От графа д'Артаньяна.

Арамис с изменившимся лицом выпрямился в кресле. Эта новость поразила его куда сильнее, чем известие о срыве переговоров. Не в силах вымолвить ни слова, он протянул руку за письмом. Передав начальнику конверт, посланник пояснил:

– Отправляясь на войну, господин граф поручил суперинтенданту в случае своей смерти переслать это письмо герцогу д'Аламеда. Но, когда стало известно о гибели маршала, господин Кольбер не решился прибегнуть к услугам почты и передал его мне из рук в руки, хоть и с большим запозданием.

Не решаясь распечатать конверт, Арамис держал его кончиками пальцев, словно боясь обжечься. Наконец, будто устыдившись минутной слабости, он вскрыл письмо и впился глазами в размашистый почерк д'Артаньяна:

«Дорогой друг.

Через два дня я отбываю в расположение армии, заранее предвидя успешную кампанию. Тем не менее, какое-то смутное беспокойство гнетёт меня, заставляя писать эти строки. Уверен, что вы поймёте меня: ведь и вы, сколь мне помнится, имели обыкновение сообщать своей кузине-белошвейке о вещих снах. Меня вовсе не мучают кошмары, друг Арамис, – просто я чувствую, что в этой войне буду убит. Зная это, я желаю сделать некоторые распоряжения, касающиеся моего имущества, довольно значительного даже для маршала Франции, коим я надеюсь всё же стать.

Завещание, заверенное королевским нотариусом, находится в тайнике за портретом Генриха IV в моём парижском доме. Я прошу вас, милый друг, использовать всё своё влияние, дабы эти предписания были исполнены неукоснительно.

Вас наверняка изумит текст завещания, и я тешу себя тем, что напоследок сумел вызвать ваше удивление, любезный Арамис. Возможно, мне следовало открыться вам несколько месяцев назад в Блуа, но что случилось, того не изменить. Надеюсь, что, назначив вас исполнителем моей последней воли, я искуплю тем самым свою вину перед вами.

Всегда ваш на земле и на небе д'Артаньян».

Закончив чтение, Арамис почувствовал, что лоб его, несмотря на прохладу, покрылся испариной. Смирившись со смертью друзей, он никак не ожидал получить весточку от одного из них спустя столько времени. Поистине, эта ночь была чередой испытаний для разума и сердца генерала иезуитов...

– Господин Кольбер ничего не говорил о содержании письма? – ровным голосом спросил он отца д'Олива.

– Он высказал предположение, что это письмо является последней волей маршала.

– Что ж, суперинтендант редко ошибается, – умехнулся прелат.

Он был уверен, что догадка министра осталась лишь догадкой, не подкреплённой поиском доказательств. Что-то подсказывало герцогу, что Кольбер не посмел вскрыть письмо д'Артаньяна, хотя с другими церемонился куда меньше.

– Вы упомянули о том, преподобный отец, что задержались в дороге. Это имеет отношение к срыву переговоров?

– Самое прямое, монсеньёр. В Мадриде я попросил брата Нитгарда устроить мне тайную встречу с кардиналом Херебия, которого вы, без сомнения, помните.

– Он, кажется, являлся одним из соискателей звания генерала ордена, – сухо произнёс герцог. – О, я начинаю понимать, что вы имеете в виду, преподобный отец.

– Не так ли, монсеньёр?

– Продолжайте.

– Его высокопреосвященство был несказанно рад вновь оказаться полезным нашему обществу. Учитывая посредничество Великого инквизитора, он немедленно сообщил мне подробности, проливающие свет на некоторые события и обстоятельства. Так, например, стали совершенно очевидны причины, побудившие Людовика Четырнадцатого отказаться от прежних намерений.

– У кардинала, видимо, прекрасные осведомители, – небрежно заметил Арамис.

– То же самое говорил и прежний глава ордена, – охотно согласился иезуит, – он вполне одобрял действия кардинала, платившего жалованье слугам французского короля за доставляемые сведения. Однако в разговоре со мной его высокопреосвященство пожаловался на стеснённость в средствах...

– Он будет получать требуемые суммы из нашей кассы, – перебил его герцог. – В том случае, разумеется, если эта информация окажется ценной.

– Судите сами, монсеньёр: он за несколько минут разъяснил мне то, что я тщетно пытался постичь всю дорогу от Версаля.

– Вернее, он изложил вам свою версию.

– Но версия, подкреплённая столькими фактами и нюансами, может оказаться единственно верной, монсеньёр.

– Объяснитесь, преподобный отец.

– Охотно. Во время вашего визита во Францию Людовик Четырнадцатый готовился к войне с Голландией. Он уже тогда был уверен в поддержке английского флота и хотел только одного – заручиться нейтралитетом Испанского королевства.

– Этот нейтралитет я ему обещал, – кивнул герцог, невольно вспомнив беседу с Кольбером в Блуа.

– Да, монсеньёр, но от чьего имени?

– Разумеется, от имени его католического величества, – спокойно ответил Арамис.

– Но через девять месяцев после вашего обещания произошло событие, разрушившее ряд ваших начинаний, монсеньёр.

– Вы говорите о смерти Филиппа Четвёртого, не так ли?

– Я говорю о смерти отца французской королевы, монсеньёр.

– Но разве моё влияние и могущество ордена умерли вместе с монархом? То, что я обещал от имени Филиппа Четвёртого, я обещал вновь от имени Карла Второго устами вдовствующей королевы и Правительственной хунты. Разве не это – лучшее свидетельство твёрдости наших намерений?

– О, вы безусловно правы, монсеньёр, но намерения его христианнейшего величества оказались далеко не столь тверды.

– Иными словами, союз с Испанией Людовик связывал исключительно с личностью Филиппа Четвёртого?

– Именно так, монсеньёр.

– И он не желает сковывать себя обязательствами перед Королевским советом, правящим от имени наследника?

– Монсеньёру открыто истинное положение вещей.

– Быть может, вы сумеете объяснить и причину этого нежелания?

– Его высокопреосвященство утверждает, что король Франции отказался подписать конкордат из опасения признать тем самым права хунты и других регентских институтов на власть.

Едва уловимое облачко омрачило чело бывшего ваннского епископа, скривившего губы в ядовитой усмешке:

– А если подумать, в хунте могут отыскаться люди, способные усомниться и в правах самого Людовика Четырнадцатого на французскую корону, – прошептал Арамис.

Затем продолжал, обращаясь к собеседнику:

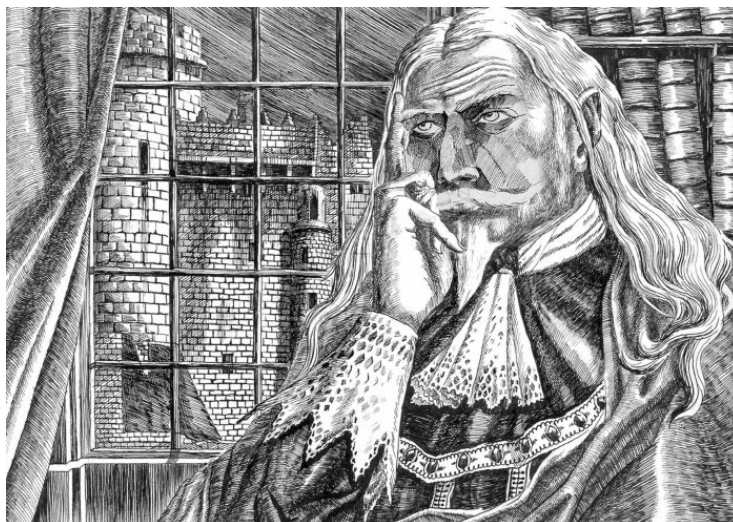
– Итак, кардинал Херебиа всерьёз рассматривает возможность агрессии против Испании?

– Его высокопреосвященство даже упомянул о том, что подробный политический план Людовика Четырнадцатого на этот счёт он передал вашему предшественнику в тот день, когда...

– Да, я помню, – задумчиво оборвал его генерал.

Монах затих, давая начальнику возможность сделать выводы. Молчание длилось довольно долго, после чего герцог д'Аламедра обратился к ночному гостю:

– Часа два осталось до рассвета. Ваша комната готова, преподобный отец. Передохните.

Отец д'Олива бесшумно удалился. Арамис остался один.

«Мой царственный пленник развил, однако, неплохой аппетит, – усмехнулся он. – Едва удержав собственный трон, он точит зубы на чужие престолы. Ну, что ж, королёк, поглядим, куда заведут тебя раздутые амбиции. Ты похоронил ещё не всех четырёх мушкетёров, а я пока не уладил земных дел д'Артаньяна, чтобы последовать за ним...»

Размышляя таким образом, он взял со стола кипу бумаг, без труда отыскав нужный документ и с головой погрузился в изучение объёмистого донесения кардинала Херебиа.

III. Чем были суперинтендант финансов и военный министр Франции в 1668 году

В одном из просторных версальских кабинетов, казавшемся на удивление тесным благодаря громоздкой мебели, никак не вязавшейся с роскошью мраморного камина и расписных потолков, за огромным столом чёрного дерева, заваленным гроссбухами, сидел мрачного вида человек. Удалённость галереи от шумных салонов, по которым сновали бесконечные вереницы придворных, обеспечивала полную тишину, необходимую хозяину кабинета. В конце концов, покой он ценил никак не меньше, чем герцог д'Аламеда.

В настоящее время он склонился над ворохом отчётов Ост-Индской компании, а потому взору вошедшего без стука молодого человека лет тридцати, одетого в прекрасный лиловый костюм, предстала только макушка косо сидевшего парика. Потом хозяин кабинета поднял голову, и его чёрные глаза привычно испытующе взглянули на визитёра. Почти сразу лицо его смягчилось, а сам он постарался придать своему низкому хриплому голосу дружелюбные интонации:

– А, это вы, господин де Лувуа! Благодарю вас, что постарались явиться так скоро.

– Я узнал, что вам было желательно встретиться со мною, монсеньёр, – спокойно отвечал молодой человек с легко уловимым почтением, которое даже он, военный министр Людовика XIV, должен был оказывать всесильному господину Кольберу.

Итак, в этом неудобном кабинете, среди многочисленных шкафов и бюро, встретились два фактических руководителя внутренней и внешней политики Франции. И если один из них уже успел проявить себя в качестве государственного мужа, то второму только предстояло пройти тернистый путь от членства в Совете до места в истории. Однако уже теперь, спустя лишь несколько месяцев со своего назначения, Франсуа Мишель де Лувуа был одной из ярчайших фигур царствования Людовика XIV. А для того чтобы достичь этого положения в то время, когда свет Короля-Солнце затмил сонм придворных светил, мало было славы талантливого полководца. Пожелай Лувуа довольствоваться ею, он мог бы занять любую нишу между Тюренном и Гишем. Но он, будучи сыном самого Летелье и возглавив усилиями последнего военное ведомство, тут же оценил обстановку и приложил все старания, чтобы намертво привязать себя к новому назначению сложнейшей паутиной всевозможных реформ. К чести его необходимо признать, что нововведения в целом были направлены на усиление французской армии, хотя большинство генералов придерживались иного мнения. Что до солдат, то пехотинцы сыпали проклятиями и возносили горячие молитвы, требуя от небесного командования низвергнуть хоть какой-нибудь огонь на голову бездельника, заставляющего их маршировать в ногу не только на парадах.

Но, несмотря на всю сложность взаимоотношений министра с подчинёнными, двор упорно твердил о том, что, будь Лувуа назначен годом раньше и не лишись армия маршала д'Артаньяна в самый судьбоносный момент кампании, Франция извлекла бы из этой войны гораздо больше выгод. Что до хозяина кабинета, то суперинтендант финансов пользовался не большей любовью при дворе, чем Лувуа в войсках. При этом же он делал своё дело куда лучше, а результаты его деятельности были пока куда нагляднее, чем успехи будущего «железного министра». Если при Фуке из приблизительно восьмидесяти четырёх миллионов годового дохода лишь тридцать один миллион поступал в казну, то всего за семь лет деятельности Кольбера эти поступления утроились.

И хотя доходы государства были в конечном счёте доходами правящего класса, сами дворяне не только не были признательны «господину Северному Полюсу», как прозвали министра за его холодность, но и всеми доступными и безопасными для себя способами стремились выразить ему своё пренебрежение. Но поразительнее всего было то, что всемогущий чинов-

ник с непонятной робостью относился к сословному предубеждению: он был достаточно смел, чтобы сокрушить такого колосса, как Фуке, но терялся перед нахальством самого мелкого дворянчика. Ибо Фуке, несмотря на громадное состояние и политический вес, был при всём том таким же безродным выскочкой, как он сам, имевшим, правда, непозволительную дерзость сделаться богаче обладателей древних фамильных гербов. Что поделаться, у каждого свои слабости, и Кольбер всего лишь платил дань чванному веку.

Несмотря ни на что, с членами Совета Кольбер держал себя как начальник, вполне оправдывая своё негласное звание первого министра. А потому, широким жестом пригласив Лувуа расположиться в кресле, так повёл разговор:

– Мне стало известно, господин де Лувуа, что очередная ваша инициатива не встретила понимания его величества.

– Вы, по-видимому, осведомлены об этом лучше меня, сударь, – не моргнув глазом, сказал Лувуа, – его величество до нынешнего дня поощрял все мои начинания.

– О, я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях, господин де Лувуа, – улыбнулся Кольбер, – и вы могли заметить, что я употребил слово «понимание», а не «поощрение».

– Если мне соблаговолит уточнить, о какой инициативе идёт речь... – озадаченно начал молодой министр.

– Да пожалуйста, сударь, – пожал плечами суперинтендант, – я говорю о вашем предложении отменить практику продажи офицерских должностей, ослабляющую армию во время военных действий. Отменить вовсе либо согласовывать каждое назначение с военным ведомством, то есть непосредственно с вами.

– Ах, это, – облегчённо вздохнул Лувуа, – но уверяю вас, монсеньёр, что вы ложно осведомлены: его величество полностью одобрил эту мысль.

– Ну разумеется, разумеется, – изрёк Кольбер тоном, сочетавшим недоумение, усталость и почти неприметное раздражение. Едва изменившимся голосом он размеренно произнёс:

– Однако ранее у меня сложилось твёрдое убеждение в том, что оттенки любого рода в ходу при дворе, и дворяне отменно понимают значение каждого слова. Поэтому я позволю себе вновь напомнить вам о разнице между одобрением и пониманием, ускользнувшей, видно, от вашего внимания, господин де Лувуа.

Заканчивая фразу, хозяин кабинета сделал такое ударение на частице «де», означающей принадлежность к высшему сословию, что Лувуа, и без того порозовевший от последних слов, просто вспыхнул. Кольбер тем временем продолжал:

– Знаете ли вы, сударь, о новом назначении, сделанном его величеством сегодня?

– Нет, мне ничего об этом не известно, ваше превосходительство, – покачал головой военный министр.

– Это понятно – патент подписан немногим более часа назад. Впрочем, учитывая характер назначенного, вы сможете узнать эту новость у любого лакея, когда выйдете отсюда.

– Но, так как вам, сударь, видимо, есть что добавить к этому известию, я предпочитаю услышать его от вас, – попытался улыбнуться Лувуа.

– С превеликим удовольствием, сударь. Но прежде позвольте спросить вас: подразумевались ли в числе офицерских должностей и те из них, что принято называть придворными?

– Непременно, и даже прежде других.

– Это понятно. Значит, в их число входит и должность полковника швейцарцев?

– Конечно.

– И начальника охраны?

– Бесспорно.

– А также должность капитана королевских мушкетёров?

– О, разумеется, монсеньёр. Но к чему все эти расспросы?

– Меньше всего я жажду попусту отнимать ваше драгоценное время, господин де Лувуа. Но, как вы справедливо заметили, я счёл своим долгом первым уведомить вас о том, что одна из высших офицерских должностей Французского королевства...

Лувуа напрягся в ожидании.

– ...должность, которую считают выше пэрства... – продолжал Кольбер, словно не замечая реакции собеседника.

Лувуа окаменел.

– ...должность, дающую право первенства над маршалами Франции... – невозмутимо скандировал суперинтендант.

Лицо министра покрылось мертвенной бледностью.

– ...и которую много лет занимал покойный граф д'Артаньян...

– Не может быть! – вскричал Лувуа.

– ...была куплена бароном де Лозеном.

– Этим гасконским проходимцем, – прошептал молодой человек, стиснув зубы.

– Может, и так, – кивнул Кольбер, сочувственно глянув на товарища по Совету. – Однако мне достоверно известно, что он достойно проявил себя на королевской службе. А что касается родословной, так ведь оба его предшественника – де Тревиль и д'Артаньян – тоже были гасконцами.

– Я говорил вовсе не об этом, – ледяным тоном отвечал Лувуа, – и упаси меня Бог глумиться над происхождением земляка Генриха Четвёртого. Просто я не могу понять, почему король встретил мою инициативу с одобрением, но без... понимания.

– А тут я могу вас просветить, – оживился Кольбер, – барон сейчас в милости, а королю свойственно известное... не легкомыслие, конечно, а скорее великодушие, когда речь идёт о его любимцах. Я даже не удивлюсь, если король сам оплатил патент де Лозена. Припоминаю, что два дня назад его величеству срочно потребовались сто пятьдесят тысяч ливров.

– Но в секрете от меня... – сокрушался Лувуа.

– О, да вы счастливее, сударь, что ещё способны расстраиваться из-за этого. На моём веку были неожиданности поважнее назначения какого-то волокиты. Да вот, кстати, совсем недавно – три недели назад – разве вы не помните?

Лувуа пришёл в себя и спокойно выдержал пронизательный взгляд Кольбера.

– Если вам будет угодно напомнить мне, о какой неожиданности идёт речь...

Кольбер отвёл взор, понимая, что момент упущен, и в душе молодого вельможи придворная осторожность взяла верх над оскорблённым самолюбием министра.

– Я говорю о визите испанского посла, – бросил он нарочито равнодушно.

– Иезуитского священника?

– Для меня не столь важны религиозные убеждения послов, сколько их политические мотивы, – небрежным и вместе с тем назидательным голосом протянул суперинтендант финансов его величества.

– И эти мотивы?..

– Абсолютно соответствуют интересам французской короны. Вам ли этого не понимать, господин де Лувуа?

– Я не входил в подробное рассмотрение политических устремлений Испании в этой войне, – смутился Лувуа.

– В этом и не было необходимости, – сухо заметил «господин Северный Полюс». – Война с Голландией – торговая война, и любые дружественные инициативы соседних держав должны рассматриваться с наибольшей благосклонностью, оставляя приоритет за финансовыми расчётами.

– Что вы и сделали, монсеньёр.

– Не без вашей помощи, любезный господин де Лувуа.

– О, мои заслуги в этом столь скромны... Впрочем, король всё равно не подписал конкордат.

– Вот в этом и заключена одна из тех неожиданностей, к которым вам предстоит ещё привыкнуть на своём посту. С первой из них вы столкнулись сегодня, милостивый государь, – отчеканил Кольбер.

Лувуа внимательно посмотрел на сидевшего перед ним человека. Что-то в интонациях и поведении Кольбера вызывало его на более откровенный разговор. Он недаром считался одним из самых ловких придворных, а будучи ещё и военным, умел распознавать поле для манёвра. Поэтому, глядя прямо в глаза министру, он спросил:

– Неужели нет никакой возможности избежать подобных неожиданностей либо, если таковая всё-таки свершилась...

– Исправить её, не так ли? – подхватил Кольбер, улыбаясь скорее глазами, чем губами. – Что ж, сударь, отвечу вам откровенно: предупредить некоторые поступки его величества нельзя. Но попытаться повлиять на них – пожалуй, да, если...

– Если?.. – поощрительно переспросил Лувуа.

– Если ради этого вовремя объединятся два заинтересованных и умных человека, – твёрдо закончил Кольбер.

– Значит, ещё возможно лишить Пегилена должности?! – воскликнул молодой человек, выдавая себя в порыве восторга.

Это обстоятельство даже постороннего человека могло бы уверить в личной неприязни Лувуа к Лозену. Что говорить о Кольбере, виртуозно сыгравшем на чувствах военного министра?

– Безусловно, – кивнул он.

И, выдержав паузу, продолжал:

– Равно, как и уверить короля в неизбежной необходимости союза с Испанией.

– Но посол уже уехал, – запнулся Лувуа, – и вряд ли испанцы пожелают...

– Я сам улажу все разногласия с Эскориалом и постараюсь лично загладить обиды, нанесённые грандам, – внушительно проронил Кольбер. – Для этого мне была необходима лишь уверенность в вашей поддержке, господин де Лувуа.

– Считайте, что вы её получили, монсеньёр, – с достоинством отвечал военный министр, – вот моя рука.

Кольбер с чувством пожал холёную руку молодого министра своей холодной ладонью. Их взгляды встретились, и каждый понял, что заручился надёжной опорой.

IV. Новый капитан королевских мушкетёров

Версаль гудел, как потревоженный улей. Повод к тому и впрямь представился нешуточный, особенно для той эпохи, когда благосклонный взор короля или банкетка во время приёма могли неделями служить предметом завистливых дворцовых пересудов. Счастливицы, первыми подхватившие новость, преисполненные, как водится, сознанием собственной значимости, даже не замечали, что о них, скромных глашатаях августейшей милости, успели уже позабыть. Мужественные кавалеры и хрупкие красавицы, принцы и челядь бурно обсуждали новое назначение. Имя барона де Лозена, королевского любимца, витало в воздухе:

– Подумать только, Пегилен – капитан мушкетёров! – со смехом повторяла великолепная маркиза де Монтеспан. – Какое повышение для миньона! А что вы скажете об этом, Луиза? – весело осведомилась она у подруги.

Вскинув на красавицу грустный взгляд огромных голубых глаз, Лавальер отвечала:

– Мне кажется, король всегда милостив и щедр с теми, кого любит.

– Ну разумеется, – с беспечной жестокостью, присущей лишь детям да удачливым соперницам, подхватила Атенаис, – ведь недаром его величество сделал вас герцогиней. Королевская щедрость и впрямь не имеет границ!

С этими словами она победно воззрилась на вмиг побледневшую Луизу. Несчастливая, полагавшая, что сегодняшняя суэта дарует ей краткую передышку от насмешек и сплетен, совершенно пала духом. Никто, правда, не смел пока открыто выступить против бывшей фаворитки, ожидая, когда сам монарх устами своего Меркурия изволит дать сигнал к травле. Но Людовик медлил, не оставляя, впрочем, места даже слабой надежде на воскрешение былых чувств. А Луиза, в свою очередь, давно смирилась с равнодушием царственного возлюбленного, и сама страстно мечтала уехать в родные края, подальше от придворных интриг и новых увлечений Людовика XIV. Поэтому она, сославшись на головную боль, удалилась в свои апартаменты, провожаемая смехом Атенаис. Проходя мимо кучки придворных, она услышала, как маркиз д'Оллонэ воскликнул, обращаясь к друзьям, окружившим главного ловчего:

– Я уверен, господа, что мушкетёрский плащ будет к лицу Лозену. По-моему, для гасконца это вообще самое подходящее платье.

– Что до меня, – заметил бледный дворянин, сверкая жёлтыми, как у кошки, глазами, – то пусть эту накидку носит кто угодно, лишь бы это был человек благородный. Барон всё же не выскочка, коим являлся д'Артаньян...

– Вы не правы, господин де Вард, – прервал его пылкий Фронтенак, – а ваша тяга к злословию заставляет вас перешагнуть известную границу. Покойный маршал был выдающимся человеком, и вряд ли барон ставит целью превзойти его подвигами.

– Уж не вздумалось ли вам поучать меня, сударь?! – вскинулся де Вард.

– Никоим образом, милостивый государь. Однако хочу заметить вам, что вы имели тысячу возможностей выяснить свои отношения с графом д'Артаньяном при его жизни вместо того, чтобы тревожить духов. Припоминаю даже, – возвысил голос Фронтенак, заметив нервное движение де Варда, – что подобное объяснение между вами имело место во время свадьбы Месье, и вы должны быть удовлетворены им, чёрт возьми, либо...

– Либо?! – вскричал де Вард.

– Либо можете требовать удовлетворения у меня, а ещё лучше – у нового капитана королевских мушкетёров.

– Не думаю, сударь, – ядовито процедил молодой граф, – что ваша готовность распоряжаться чужой шпагой придётся по вкусу господину де Лозену.

– Как и ваше злословие в адрес д'Артаньяна – его величеству, – хладнокровно парировал Фронтенак.

Едкая фраза застряла в горле у Варда после этой лютой угрозы... Метнув на противника взгляд, полный неутолимой злобы, он отошёл в сторону. Свидетели этой сцены, ожидавшие кровавой развязки, вздохнули с облегчением, не питая, впрочем, иллюзий по поводу выражения лица де Варда и понимая, что этот разговор будет рано или поздно иметь продолжение.

Тем временем Фронтенак невозмутимо продолжал:

– Что касается плаща, то по новым нормам этикета дворяне, занимающие придворные офицерские должности, освобождены от ношения формы. Господин д'Артаньян в последние годы носил её скорее по привычке.

– Это значит, что барон сегодня ослепит нас каким-нибудь особенно роскошным нарядом, – рассудил д'Оллонэ.

– Костюмом из синего бархата, расшитым золотом, – уточнил Фронтенак.

– Вот как! – удивился главный ловчий. – Вы так хорошо осведомлены о планах барона, господин маркиз?

– Нисколько, – улыбнулся тот, – просто я могу видеть то, что происходит за вашей спиной, сударь.

Д'Оллонэ обернулся и увидел того, на ком уже около минуты было сосредоточено внимание двора. Барон де Лозен, шествовавший по залу в сопровождении графа де Сент-Эньяна – бессменного адъютанта короля, казался самым счастливым человеком во Франции. Отвечая поклонами на поздравления и улыбки дам, он двигался к той части зала, в которой собрались его друзья. Добравшись до цели, он в самых изысканных выражениях приветствовал их.

– Знаете ли, дорогой барон, – сказал де Бриенн, когда шум несколько поутих, – вы дефилируете с такой торжественностью, будто вам не терпится скорее испытать своё назначение и объявить: «Сударь, именем короля вы арестованы!»

– В тот день, когда я приду за вами, сударь, постараюсь устроить это как можно более буднично, – отшутился барон.

– Боже мой, – воскликнул юный де Лувиш. – Неужели теперь именно вы, милостивый государь, будете преследовать несчастных дуэлистов?

– И правда, – со смехом поддержал его д'Оллонэ, – учитывая вашу репутацию, вы должны будете чувствовать себя при этом весьма неловко, господин де Лозен.

– Три срока в Бастилии за уличные поединки – отличная рекомендация для получения патента на капитанское звание, – глубокомысленно изрёк Фронтенак, вызвав новый взрыв смеха.

– Однако во всём этом, господа, есть и светлые стороны, – защищался Лозен, стойко выдерживая град шуток, сыпавшийся на него со всех сторон. – Например, если мне вздумается теперь скрестить с кем-нибудь шпагу, хотя бы даже на Гревской площади, едва ли меня постигнет участь господина де Бутвиля. Думаю, мне даже не придётся в четвёртый раз воспользоваться гостеприимством бастильского коменданта.

– Почему, господин барон? – наивно спросил де Лувиш.

– Да потому, сударь, – от души расхохотался новоиспечённый капитан мушкетёров, – что для этого я должен буду арестовать себя сам!

– Но это, должно быть, не единственная светлая сторона, – вставил Фронтенак, – иначе я назову вас самым большим бессребренником при дворе.

– О, я далёк от этого, сударь. Жалованье капитана составляет сорок тысяч ливров в год.

– Бесподобно! – воскликнули разом Бриенн и Лувиш.

– Да, недурно, – согласился и д'Оллонэ, – однако это счастье должно было вам чего-нибудь стоить, дорогой барон?

– Есть немного, – уклонился от ответа Лозен.

В эту минуту маленький паж, пробравшись сквозь толпу, окружившую героя дня, вручил ему записку. Бегло пробежав её глазами, капитан просиял и обратился к собравшимся:

– Прошу извинить меня, милостивые государи.

– О, не стесняйтесь, господин барон, – улыбнулся Фронтенак, – вероятно, не мы одни хотим поздравить вас с этим назначением.

Раскланявшись, Пегилен поспешил было удалиться, но у дверей столкнулся с де Вардом, ожидавшим случая перемолвиться с бароном. Холодно ответив на почти шутовской поклон молодого человека, Лозен спросил:

– Вероятно, я могу быть вам полезен, граф?

– Хотел лишь засвидетельствовать вам своё почтение и присовокупить свои поздравления к уже полученным вами от этих господ. Только что я имел честь высказать им своё мнение о том, что вы больше подходите для этой должности, нежели ваш предшественник.

– Я, право, смущён вашими словами, любезный господин де Вард, но, к стыду своему, вынужден констатировать, что вы преувеличиваете мои скромные достоинства. И главное моё стремление – не посрамить звания преемника господина д'Артаньяна, которого я ставлю выше всех известных мне дворян.

Добив де Варда ослепительной улыбкой, свойственной лишь ему одному, барон быстро направился к одной из уединённых галерей в то самое время, когда из неё выходил военный министр. Пегилен сдержанно поклонился. Лувуа побледнел. Его рука опустилась на эфес шпаги. Он скривил губы и не ответил на поклон.

В любое другое время щепетильный гасконец не преминул бы обратить внимание на вызывающее поведение Лувуа. Сейчас, однако, его увлекала более могущественная сила, не давая остановиться ни на миг. А потому он прошёл мимо принявшего угрожающую позу министра со спокойствием, которое сделало бы честь даже олимпийским небожителям и графу де Ла Фер.

Миновав коридор, барон очутился в нише, которая, как и десятки ей подобных, служила передней чьих-то апартаментов. Судя по расположению комнат в одной галерее с кабинетом Кольбера и покоями герцога Ангулемского, занимавшая их особа принадлежала к королевской семье. Лишним подтверждением тому послужило лёгкое замешательство, охватившее обыкновенно решительного дворянина, и те лихорадочные усилия, с которыми он пытался поправить безукоризненно сидевший парик.

Открыв наконец дверь, де Лозен проник в гостиную, где перед большим зеркалом сидела сама Великая Мадемуазель – герцогиня де Монпансье. Принцессу причёсывали к вечернему приёму. На столике перед ней лежали драгоценности, которые она поочередно примеряла. Увидев в зеркале Пегилена, дама с обворожительной улыбкой обратилась к нему:

– Я счастлива видеть вас у себя, барон. Вы, однако же, не балуете меня своим вниманием. Это не очень любезно со стороны такого галантного кавалера.

Пегилен стоял как громом поражённый. В голове у него невольно промелькнула мысль о том, что если бы сегодня утром кто-нибудь поведал ему, что, дочь Гастона Орлеанского станет упрекать его в холодности, он не счёл бы обретение патента столь уж непомерной радостью. Тем не менее, мгновенно овладев собой, он отвечал самым нежным голосом:

– Мог ли я в самых дерзких мечтах предположить, что ваше высочество соблаговолит удостоить меня взглядом?

– Разумеется могли, господин де Лозен. Особенно теперь, когда получили столь блестящую должность, – как говорят, лучшую должность королевства. Мой кузен, видимо, весьма расположен к вам. Поздравляю от всего сердца, милый капитан!

– О, сударыня, если бы, помимо августейшего покровительства, я смел бы надеяться на вашу дружбу...

– То что тогда, сударь? – улыбнулась принцесса.

– Я почёл бы себя счастливейшим из смертных! – воскликнул барон, сам поражённый искренностью, прозвучавшей в его голосе.

– Эту дружбу я вам охотно предлагаю, барон, – сказала герцогиня, взмахом руки отпуская камеристок.

Она повернулась к Пегилену, глядя ему прямо в глаза. В эту минуту Великая Мадемуазель казалась восхитительно молодой и прекрасной, несмотря на возраст, значительно перекрывавший жизненный опыт капитана. От намётанного ока барона не ускользнул блеск карих глаз герцогини, и он решил развить успех:

– К несчастью, это невозможно, ваше высочество.

– Невозможно? Что вы говорите, сударь?

– Я говорю о том, что дружба между ничем не примечательным гасконским дворянином и принцессой королевской крови...

– Полно, господин барон. Право, не узнаю вас в этом самоуничижении. Что невероятного в такой связи? Ведь считаетесь же вы одним из ближайших друзей самого короля.

– Это так, сударыня, – без тени смущения продолжал Пегилен, – но любовь короля – это счастье, в то время как ваша дружба...

– Не останавливайтесь, господин де Лозен! Чем вы находите мою привязанность, в отличие от королевской? Отвечайте же, договаривайте: моя дружба – это...

– Мечта, ваше высочество! – пылко вскричал барон. – Мечта столь великая и столь несбыточная для меня, что я теряю голову!

– Значит, барон?..

– Но я не смею, не смею! – восклицал капитан мушкетёров как бы в порыве восторга.

Госпожа де Монпансье начала терять терпение. Лозен, почувствовав перемену в её настроении, поспешил сменить тактику:

– Сударыня! Я приношу клятву верности к стопам вашего высочества. Моя дворянская честь и незапятнанное имя порукой тому, что в любое мгновение я пожертвую по вашему слову жизнью с улыбкой на устах. И не будет для меня более радостной участи, чем умереть за вас, пролить всю кровь – каплю за каплей, благословляя ваше имя. Прошу вас верить, что отныне я – ваш самый преданный слуга!

– Друг, милый барон, не слуга, а друг, – поправила его взволнованная таким проявлением чувств герцогиня, – будьте для меня не паладином, а самым нежным другом.

– Сударыня, я ваш душой и... телом.

– И оставьте, молю, ваши нелепые предубеждения. В конце концов, вы – один из самых блестящих рыцарей Франции, а я – всего лишь скромная внучка Генриха Четвёртого, единственная заслуга которой в том, что ей посчастливилось родиться на ступенях трона.

Барон чувствовал, что принцесса не решается довести своё рассуждение до конца. А ему хотелось выжать весь сок из плода этого свидания, и потому он промолвил:

– Ваше высочество слишком высоко стоите надо мной, чтобы не простить ошибки, вызванной лишь избытком почтения к вам.

– Мне нечего прощать вам, барон, – возразила Великая Мадемуазель, – однако я предполагаю в вас большую смелость и... предприимчивость. Видно, что я до сих пор не знала вас хорошенько.

– Никого это не огорчает больше, чем меня, сударыня. Тем усерднее буду я стараться исправить сие прискорбное упущение.

Было очевидно, что ответ его пришёлся по вкусу принцессе, и Пегилен мысленно поздравил себя с этим.

– Надеюсь, что с этой минуты ничто не сможет помешать нам заново открывать друг друга, господин де Лозен.

Барон поклонился чуть не до самого пола и ответил:

– Кто же может запретить что-либо вашему высочеству?

– Вы правы, сударь. Никто и ничто, кроме королевской воли.

«О, если только за этим дело, можете не беспокоиться, мадемуазель...» – подумал Пегилен. Вслух же произнёс:

– Да разве станет король мешать дружбе?

– Он довольно часто этим занимался в прежнее время, – заметила герцогиня де Монпансье, – да неужто вы не помните, барон?

«Я-то помню, но хочу услышать от вас, моя дорогая», – мысленно отвечал капитан, продолжая хранить молчание.

– Да взять хотя бы Генриетту и беднягу де Гиша, – вздохнула принцесса, – как заставил их страдать король!

Ловушка захлопнулась. Принцесса сама указала пример, которому должен был следовать королевский фаворит. Торжествующий Пегилен произнёс:

– Но его величество сам и положил конец этим страданиям. К тому же он слишком ценит меня, чтобы обойтись со мной, как с Гишем.

Говоря это, он влюблённо посмотрел в сверкающие очи герцогини, и та, к его бесконечному удовольствию, не отвела взгляда.

– Итак, милый друг, мы увидимся на сегодняшнем представлении? – томно спросила мадемуазель де Монпансье.

– Я стану переживать тысячу смертей в ожидании вечера, – заверил Пегилен, целуя протянутую ему руку.

– Но куда же вы?

– Мне показалось, что вы велели мне удалиться, сударыня.

– Вам это только показалось. Я ещё не закончила.

– О, ваше высочество!

– Король был милостив с вами?

– Его величество лишь осчастливил своего преданного слугу.

– Берегитесь, сударь, вы заставляете меня ревновать к королю! Я не могу быть столь же щедрой, как его величество, но... – и, сняв с пальца алмазное кольцо, она сама надела его на палец де Лозена.

Барон, не в силах более сдерживать переполнявшие его чувства, бросился на колени и осыпал руки принцессы пылкими поцелуями.

«Чёрт возьми! – думал он при этом приятном времяпрепровождении. – Должность господина д'Артаньяна уже приносит мне удачу...»

V. Версальские слухи

Пегилен ликовал не напрасно, ибо Великая Мадемуазель по своему положению считалась третьей дамой королевства. Давным-давно гордая принцесса даже сочла неподходящей партией принца Уэльского. Когда же Карл II взойшёл на престол, уже она не была ему достойной парой. Одно время руки её упорно, но безуспешно домогался король Португалии. Тем не менее Людовик XIV не только не дал согласия на этот брак, суливший немалые выгоды, но и в дальнейшем никак не устроил судьбу кузины. Вот почему вышло так, что в сорок один год Анна-Мария-Луиза де Бурбон, герцогиня де Монпансье по-прежнему оставалась самой знатной и богатой невестой во Франции.

У Короля-Солнце, впрочем, было немало причин недолюбливать сестру. Прославленная фрондёрка, именно она некогда первой отдала приказ стрелять по королевским войскам. Мятежная натура, доставшаяся ей в наследство от Гастона Орлеанского и не дававшая ей ни минуты покоя в прошлом, тем самым отрезала путь к счастливому будущему. Простив наравне с прочими вожаками Фронды свою кузину, Людовик ничего не забыл, и за ошибки молодости принцесса расплачивалась вечной опалой.

Всё это было доподлинно известно королевскому фавориту, но Лозен, самонадеянный, как два гасконца, рассчитывал превозмочь немилость монарха. Возможные последствия подобной попытки рисовались ему, впрочем, в совершенном уже тумане, но кому при дворе была неведома бесшабашность барона на дуэли и за карточным столом!

Таким образом, в течение одного лишь часа сложился треугольник, общей целью которого было превозмочь волю сильнейшего государя Европы. Не подлежит сомнению то, что государь, проведав о таком намерении, немало удивился бы его дерзости. И уж конечно, пришёл бы в совершенную ярость, узнав, что сие преступное легкомыслие проявили трое его приближённых.

Правда, в этом заговоре, который лишь с известной натяжкой можно было назвать заговором, так как не все его участники были связаны между собой, рознилось решительно всё – от чувств, составляющих намерения заговорщиков, до средств, к которым они прибегали в их осуществлении. Так, Кольбер, будучи достойным преемником Ришелье и Мазарини, исходил из подлинно государственных интересов, угадываемых им не столько в соглашении с Испанией, сколько в союзе с иезуитами. С тех пор как отец д'Олива уехал из Версаля ни с чем, перед мысленным взором министра ежечасно возникал огненный образ Арамиса, повергая его в трепет. При этом он надеялся на политическую мудрость и прозорливость Людовика XIV, полагая, что лишь размолвка с Лавальер послужила причиной эмоционального срыва переговоров.

Лувуа, в свою очередь, руководствовался, помимо голоса уязвлённого достоинства военного министра, и даже прежде того, ненавистью к барону де Лозену. Ненависть эта не имела видимой причины. Уместнее всего было объяснить её несходством характеров и той интуитивной неприязнью, которая зачастую возникает между яркими и сильными натурами. Такому огоньку, тлеющему под спудом светских приличий и врождённой сдержанности, нетрудно было превратиться в бушующий пожар, когда в него подлили масла придворной ревности. А поскольку сам Людовик редко вникал в тонкости взаимоотношений своих дворян, дело однажды дошло до поединка, в результате которого Лозен был легко ранен в грудь. Дуэль двух фаворитов, считавшихся к тому же превосходными фехтовальщиками, наделала много шума, дав пищу огромному количеству толков и пересудов, хотя и не имела последствий для участников. В осуществлении своих намерений Лувуа всецело полагался на гений Кольбера и его влияние на монарха.

Наконец, планы капитана мушкетёров были наиболее размытыми и неопределёнными, ибо ему самому было неясно, какую именно пользу он сможет извлечь из благосклонности

принцессы. Однако он твёрдо решил не отступать ни перед чем, любой ценой вернув герцогине де Монпансье братскую привязанность короля. Рассчитывал он при этом лишь на августейшее благоволение к его персоне. И следует признать, что такой расчёт, при всей своей кажущейся зыбкости, был для того времени куда надёжнее, чем все остальные.

Итак, патриотизм, ненависть и честолюбие – три сильнейших человеческих чувства – намеревались вступить в схватку с непреложной волей Короля-Солнце. Одному либо двум из них неминуемо суждено было потерпеть поражение, но возможный триумф затмевал все прочие соображения, заставляя идти на риск.

В то самое время, когда окрылённый Пегилен покидал покои Великой Мадемуазель, по Версалию разнеслась весть о том, что из Сен-Клу прибыл брат короля. И потому барон, возвращавшийся к друзьям, вошёл в зал одновременно с блестящей свитой Филиппа Орлеанского. Де Гиш и Маникан немедленно отделились от товарищей и поспешили к Лозену. Они поздоровались с непринуждённой искренностью друзей, давно не видавших друг друга.

– Однако, Гиш, ты стал редким гостем при дворе. Того и гляди, зачахнешь в провинции.

– Ах, я научился наслаждаться нашими скромными увеселениями. Теперь я нахожу их куда более изысканными, нежели пышные торжества в Сен-Жермене или Фонтенбло.

– Довольно странно слышать подобные речи от Граммона. Ты, верно, шутишь, друг мой!

– Нисколько, Пегилен. Со времени последней своей опалы я страшусь двора.

– Ба! Да ведь с тех пор прошло уж года полтора. Король совершенно об этом позабыл, уверяю тебя.

– Оно и к лучшему. Постараемся же не напоминать ему ни о чём.

– Как угодно, де Гиш. Но, если ты только пожелаешь, я берусь примирить тебя, друга моего детства, с королём. Согласен?

– Весьма признателен, но это излишне. Я действительно не собираюсь возвращаться ко двору, разве что вместе с... принцем.

«Вон оно что, – подумал гасконец, пристально глядя на друга и припоминая беседу с герцогиней, – ты-то, конечно, не вернёшься в Версаль без принца. Чёрт побери, почему не сказал он сразу: «Разве что вместе с принцессой!»

Вслух же он искренне произнёс:

– Я понимаю тебя.

– Очень рад этому. Но разреши теперь и мне полюбопытствовать.

– Изволь.

– Отчего у тебя такой цветущий вид? Ведь верно, Маникан, Пегилен прекрасно выглядит?

– У господина барона превосходный костюм, – тоном знатока заметил по обыкновению разодетый Маникан.

– Благодарю вас, господин де Маникан, – учтиво поклонился де Лозен.

– А ведь и правда, великолепный камзол, – оценил наконец и де Гиш, – но по какому же поводу, друг мой? Не говори только, что ты отдаёшь дань почтения творчеству Мольера, так наряжаясь на его спектакль: это сделало бы честь твоему вкусу, но никак не оригинальности.

– Не скрою, – усмехнулся барон, – что не в этом кроется причина моего счастливого вида. Как высоко ни ценил бы я гений господина Мольера, я не стал бы... но погоди! Ты действительно ничего не знаешь?

– Клянусь тебе в этом, – заверил его Гиш, сообразив, что есть новость, которую он должен бы знать.

– Тогда сообщи мне, когда ты в последний раз дрался на дуэли.

– К чему этот вопрос, мой дорогой?

– Просто ответь мне.

– Это легко, – сказал де Гиш, пожимая плечами, – после памятного поединка с де Вардом я вёл исключительно мирный образ жизни.

– Отчего же? – любопытствовал Лозен.

– Я тогда чудом избежал Бастилии, – объяснил граф, с благодарностью взглянув на Маникана, – и не хотел повторно искушать судьбу.

– Вот оно что! Как же, как же... Припоминаю, что капитан королевских мушкетёров проявил тогда недюжинное усердие в расследовании происшествия.

– Так оно и было. Господин д'Артаньян в точности воссоздал картину случившегося, и если бы не Маникан...

– Опала показалась бы тебе счастьем, не так ли? Но оставь эти предосторожности, друг мой, и живи полной жизнью! Дерись, сколько пожелаешь, только не проси меня быть твоим секундантом.

– Зачем ты говоришь мне всё это?

– Затем, что мне жаль тебя, Гиш. Ты скучно проводишь свои дни, а я дарю тебе возможность безнаказанно сражаться на дуэли.

– Безнаказанно?

– Именно так.

– Но как это возможно?

– Да просто новый капитан мушкетёров не станет выказывать чрезмерного рвения в изучении твоих стычек.

– А что, уже назначен новый капитан?

– Думается, да, коль скоро я тебе об этом толкую.

– И давно?

– Сегодня. Ты прибыл как нельзя более кстати, чтобы поздравить его.

– Не премину сделать это, ибо преемник маршала не может не быть достойным дворянином.

– Гм! Надо думать, ты прав.

– Так это твой друг, Пегилен?

– Ещё бы, да к тому же самый лучший.

– Не очень-то ты любезен сегодня...

– Увы, Гиш, ты слишком меня забросил, чтобы сохранить право им называться. Уж с этим-то мы неразлучны.

– И кто это?

– Да кто же, если не я сам! – воскликнул барон, раздражаясь хохотом.

– Ты – капитан королевских мушкетёров? Ты?

– Почти четыре часа.

– И уже обещаешь всем и каждому своё снисхождение? Не слишком дальновидно с твоей стороны, друг мой. Послушай моего совета и прекрати раздачу индульгенций: такая должность обязывает к известной сдержанности.

– Чёрт меня побери, если ты не прав. Я обязательно учту твои слова. Но неужели это всё, что ты хотел мне сказать?

– Всё. Исключая, разумеется, мои поздравления, господин капитан! – и де Гиш заключил друга в объятия.

В эту минуту к ним подошли Фронтенак и де Лувиш, уставшие дожидаться Пегилена.

– Так вот ради кого вы нас бросили, барон! – воскликнул Фронтенак. – Вот уж не думал, что у вас принято вызывать друг друга записками, господи.

– Записками? – удивился де Гиш, не имевший возможности оценить шутку по достоинству.

Но Лозен рассмеялся с таким непринуждённым видом, что он тут же забыл об этом.

– Как поживают принц с супругой, дорогой граф? – спросил де Лувиш.

– Благодарение Богу, их высочества пребывают в добром здравии, виконт. Этим вечером у вас будет возможность удостовериться в этом.

– Его высочество смирился с изгнанием шевалье де Лоррена?

Де Гиш невольно вздрогнул, услышав это имя, и пристально посмотрел на Лувиша. Но взгляд юного виконта был столь чист и бесхитростен, что он тут же отбросил всякие подозрения.

– Говорят, шевалье сейчас в Риме, – равнодушно заявил он.

– В Риме! – разом вскричали все.

– Что же в этом странного, господа? Разве базилика Святого Петра – не лучшее место для покаяния?

Эти слова были встречены бурным смехом. Фронтенак намеревался было развить мысль, высказанную графом, но его прервал трубный голос камергера:

– Его величество король Франции и Наварры Людовик Четырнадцатый!

Шум разговоров и смех, царившие в зале, немедленно смолкли. Как по команде напудренные парики повернулись в сторону дверей, в которые вошёл король, сопровождаемый несколькими придворными. Заметив в их числе и Лувуа, о чём-то беседующего с Сент-Эньяном, Лозен поторопился присоединиться к королевской свите.

– А вот и наш капитан, – улыбнулся Людовик. – Надеемся, барон, мы не слишком поторопились прервать ваше торжество? Ведь всё это оживление вызвали именно вы, не так ли?

– Ваше величество изволите шутить надо мной, – поклонился Пегилен, – ибо лишь король может так взволновать своих подданных.

– Пусть будет так, господин де Лозен. Значит, эти господа были взволнованы королём, поскольку нашей рукой подписан ваш патент.

– По чести, так, государь.

– Мы сделали достойный выбор, – убеждённо заявил король. – Но оставим это, господа. Скоро начнётся представление, а пока – развлекайтесь!

И Людовик направился к столу, за которым к нему немедленно присоединились брат, принцесса Генриетта и герцогиня де Монпансье. Лозен не решился следовать за ним, и лишь издали отвесил Великой Мадемуазель изящный поклон.

Придворные, лишённые на время общества высочайших особ, вновь погрузились в обсуждение новостей. Среди них особое внимание привлекала пара, уединившаяся на балконе.

– Вы совершенно несносны! – восклицала девушка, обращаясь к невозмутимого вида дворянину, стоявшему подле неё.

– Постараюсь не измениться, сударыня, ибо именно таким вы меня любите.

– Избыток самонадеянности возмещает отсутствие чуткости в вашем сердце. Не думайте, что я и дальше стану терпеть ваши поучения!

– Это воздух Версаля заставляет вас бунтовать. Положительно, принцу не стоит часто наведываться к брату. В противном случае я откажусь его сопровождать.

– И лишитесь должности? – с неожиданным беспокойством спросила девушка.

– Что делать! – философски заметил её собеседник. – Своё спокойствие я ценю значительно выше. Нужно либо жить при дворе, либо прочно обосноваться в Сен-Клу. Но вести кочевую жизнь и постоянно переживать перемены вашего настроения – это выше моих скромных сил.

– Вы способны покинуть меня! – со страхом вскричала дама, в которой читатель мог узнать Монтале, фрейлину принцессы. – Всё-таки вы чудовище, Маликорн!

– Ничуть. И вам прекрасно известно, милая Ора, что только вы и удерживаете меня в доме герцога. Не понимаю, почему не захотели вы стать фрейлиной королевы вместе с подружками. Луиза ведь предлагала это устроить.

– Я не желала покинуть госпожу Генриетту, – с вызовом отвечала Монтале. – А ведь вам, кстати, прекрасно известна судьба этих самых подруг: одну из них король покинул ради второй. Или, может, вам хотелось бы и меня видеть королевской фавориткой?

– Не говорите так, Ора! Вы были совершенно правы, не приняв покровительства Лавальер. Но зачем же теперь восстанавливать против себя решительно всех, утешая её в изгнании?

– Снова вы об этом! У вас действительно нет сердца, Маликорн. Луиза отвергнута, она страдает. Как я могу не посочувствовать ей?

– Превосходное слово «сочувствие»! А главное – насколько меткое: не в бровь, а в глаз. Итак, мадемуазель де Монтале, всемогущая фрейлина принцессы, отправляется излить бальзам живительного сочувствия на сердечные раны несчастной, беспомощной госпожи де Ла Бом Ле Блан де Лавальер, герцогини де Вожур. Очень уместно, трогательнейшая история...

– Не будьте злым, господин де Маликорн, – приложив пальчик к его губам и умильно глядя ему в глаза, проворковала Монтале, – вы знаете, что я не могу долго спорить с вами.

– Что-то вы против обыкновения покладисты, – буркнул взволнованный Маликорн.

– Как же иначе? Ведь вы сами сказали, что я люблю вас именно таким.

– Ага, да это лишь затишье перед бурей, – пробормотал он.

– Луизы нет сейчас в зале, и, если я пройду к ней, никто этого не заметит...

– Вот оно что!

– Вам не придётся долго ждать меня, обещаю.

– Боже мой! – устало произнёс молодой человек, вздев руки к небу.

– Спасибо, господин де Маликорн! – воскликнула, удаляясь, Монтале.

– Надеюсь, никто не уличит её в дружеской привязанности к Лавальер, – задумчиво сказал Маликорн. – Если эта дружба прежде сулила шпагу коннетабля, то сегодня вполне сойдёт за оскорбление величества...

И, вздохнув, отправился разыскивать Маникана. Он нашёл его в обществе де Гиша и Фронтенака. Лица друзей были исполнены такого возбуждения, что Маликорн немедленно догадался: речь шла либо о женщинах, либо о политике. Здесь и впрямь обсуждались пресловутые переговоры с испанцами:

– Что бы ни говорили злые языки, я целиком разделяю позицию маршала д'Артаньяна, – горячился Фронтенак.

– Насколько я знаю, господин маршал настаивал на морском союзе с Англией и договоре о нейтралитете с Мадридом, – уточнил де Гиш.

– Именно так, граф.

– Это весьма разумно: ведь ни к чему вести войну сразу на двух фронтах.

– Однако теперь существует реальная угроза такой войны.

– Вот как! Договор не был подписан?

– Об этом я, как и все, знаю немного: посол почти не покидал кабинета Кольбера вплоть до отъезда. Известно лишь, что король отказался скрепить подписью уже составленный трактат.

– Видимо, на то были веские основания. Наверняка испанцы поставили условия, несовместимые с нашей честью.

– Такое и вправду могло случиться, дорогой граф. Но есть причины полагать, что дело не только в этом.

– Неужели? Что же это за причины?

– Если бы у посла были непомерные запросы, договор вовсе не дошёл бы до его величества.

– Это правда.

– К тому же министр с тех пор стал ещё более хмурым и, если это только возможно, – более чёрным.

- Вы говорите о господине Кольбере?
- Да, граф.
- Действительно, трудно представить, чтобы Кольбер огорчился из-за отказа от унизи-
тельных условий.
- Вот потому и ходят всякие слухи, – подхватил Фронтенак.
- Слухи? – вмешался Маникан. – Так, так... Дворцовые сплетни, господин маркиз, не
так ли?
- Не совсем, – улыбнулся Фронтенак. – Просто с некоторого времени все упорно говорят
о войне...
- В этом нет, однако, ничего удивительного, – развёл руками Маникан.
- О войне с Испанией.
- Бог мой, но с какой же стати?
- Пока не знаю.
- Скажите, маркиз, – осведомился де Гиш, – ведь эти слухи стали распространяться после
отъезда посла?
- Примерно тогда.
- А этот посол был помимо всего прочего...
- Монахом-иезуитом.
- Вот и вся разгадка, – пожал плечами Гиш.
- Вы полагаете? – изумился Фронтенак, переглядываясь с Маниканом.
- Ну, конечно. Король обидел орден, а во дворце немало иезуитов. Отсюда и угрозы, и
слухи о войне.
- Чёрт возьми! – выдохнул поражённый Фронтенак. – Я бы ни за что до такого не доду-
мался. Когда же научусь я распутывать эти клубки?
- Для этого вам надо бы пожить с полгода в Сен-Клу, – вежливо заметил Гиш.
- Вы правы, граф, вы правы. Но позвольте мне уйти: я хочу поделиться этими соображе-
ниями с главным ловчим.
- Пожалуйста, господин маркиз, – поклонился де Гиш, и только тут заметил Маликорна,
скромно стоявшего в стороне. – О, господин де Маликорн, вы, я вижу, тоже не рады посещению
Версаля?
- Не очень, граф. Я нахожу, что двор много потерял с отъездом принца.
- Разумеется, здесь теперь не хватает нас, – важно заявил Маникан, выпятив грудь и
подняв тем самым кружевное облако своего жабо едва не до бровей.
- Всё же сейчас мы здесь, – сказал граф. – Постараемся же хорошо провести время.
- И он удалился, оставив приятелей вдвоём. Взглянув друг на друга, они одновременно
спросили:
- Вы слышали новость?
- И оба, сражённые совпадением, замолкли. Затем Маликорн молвил:
- Что ж, говорите первым, милый друг.
- Охотно. Король сегодня назначил нового капитана мушкетёров.
- Это пустяки.
- Пустяки, вот как! Вы, замечу, непомерно взыскательны по части сообщений, друг мой.
И вам даже не интересно узнать, кто он?
- Совершенно неинтересно.
- Нет, позвольте! Это господин де Лозен.
- Чего ещё было ожидать? Вместо одного храброго гасконца король поставил другого –
чуть менее храброго, зато куда более гасконца. Повторяю: это пустяки, дорогой друг!
- Послушаем вашу новость.
- Вот она: король сделал Луизу де Лавальер герцогиней, да ещё и признал её дочь.

- Восхитительно! Это значит, что ваша протезе снова на коне?
- Ничуть. Говорят, её со дня на день отлучат от двора.
- Бедняжка Луиза! Бедный Маликорн! Вот и плакали ваши двадцать пистолей. Радуйтесь, что, по крайней мере, мадемуазель Монтале не доставляет вам хлопот.
- О, не говорите так, друг мой.
- Что я слышу? Вы несчастны?
- Напротив, я очень счастлив. Но именно счастье, оказывается, самое хлопотное из дел.

VI. Утренний туалет Людовика XIV

Утренний туалет Людовика XIV являл собой торжественный церемониал, подчинённый строжайшим правилам дворцового этикета. Присутствовать при этом священнодействии было высочайшей милостью, которой удостаивались немногие. «Избранники рая», как называли при дворе этих счастливых, в большинстве своём были определены раз навсегда не столько заслугами, сколько правом рождения.

После ухода медиков, гардеробмейстеров и цирюльника следовал выход принцев крови. Этим утром перед королём склонились Филипп Орлеанский, принцы Конде, Конти и герцог Ангулемский. Глядя на них, Людовик облачился в платье, поданное камергером. Затем обратился к герцогу Орлеанскому:

– Мы рады снова лицезреть вас поутру, брат. Вы не балуете нас своим вниманием: скоро дойдёт до того, что мы будем вынуждены сами наезжать в Сен-Клу, чтобы повидать вас с принцессой.

При упоминании о супруге красивое лицо принца затуманилось. Однако он без промедления отвечал:

– Если милость вашего величества простирается до такого упрёка, то мы с принцессой готовы более не покидать вас.

– И вы согласны пожертвовать своим уединением?

– Нет такой жертвы, которую я не принёс бы безропотно на алтарь служения королю.

– Мы тронуты вашими словами. Но ведь вы, кажется, вполне счастливы в Сен-Клу?

– Вполне, государь. Ведь, где бы я ни находился, я всегда остаюсь вашим преданным слугой и любящим братом.

– Тогда не о чем больше говорить. Если вы довольны, то довольны и мы. Мы ценим вашу привязанность к нам, Филипп, но не можем позволить вам отречься ради неё от семейной гармонии и друзей.

– О, друзья...

– Забудем об этом. Просим только не покидать двор до переезда в Фонтенбло. Мы отправимся туда с первым снегом.

– Могу ли я обратиться со смиренной просьбой к моему брату?

– Бог мой, ну разумеется. О чём вы хотите просить нас? Говорите смелее.

– Один из моих лучших друзей имел неосторожность навлечь на себя ваш гнев.

– Да неужели?

– Именно так, государь. Мне доподлинно известно, что он искренне раскаялся и жаждет лишь одного: броситься к ногам вашего величества с мольбой о прощении.

– Уж не о господине ли де Гише ведёте вы речь? – улыбнулся король, прикидываясь простаком. – Полноте, ведь мы давно простили его. К тому же именно вы, брат мой, вызвали у меня предубеждение против него, и раз теперь самолично просите, то мы не видим никаких препятствий.

– Но, государь...

– Мы прощаем вашего друга, Филипп. К тому же за него просил и барон де Лозен.

– Признателен вам, однако...

– Графу можно от души позавидовать: у него прекрасные заступники.

– Это не Гиш.

– Не он? – деланно изумился Людовик. – Но мы не видим, за кого ещё вы можете так хлопотать.

– Я прошу за шевалье де Лоррена.

– И напрасно.

– Напрасно, государь?

– Да, совершенно напрасно. Шевалье не только не появится никогда в вашем доме, но и вовсе не вернётся во Францию. Это давно решено, брат, и мы сожалеем, что вы высказали единственную просьбу, которую мы вынуждены отклонить.

– Неужели для него нет никакой надежды?

– Абсолютно никакой. Месяц назад мы уже отказали в этой милости его отцу – графу д'Аркуру. Господин де Лоррен слишком долго злоупотреблял вашей дружбой, чтобы сохранить надежду и дальше ею пользоваться. Мы удивлены тем, что вы продолжаете тайно с ним сноситься.

– Я, ваше величество?

– Иначе откуда могли вы узнать, что он преисполнен раскаяния? О, мы не виним вас, Филипп. Но ответьте: в каких краях смягчилось это злобное сердце?

– Но...

– Это ваш друг, понимаю. Но надеюсь, что с той минуты, когда мы открыли вам свои подлинные чувства к этому человеку, он перестал им быть, не так ли?

– Да, государь, – еле слышно проронил униженный принц, вызвав презрительную усмешку на губах Конде.

– Где же он? – настаивал король.

– В Риме.

– Что ж, прекрасно. Это достаточно далеко, чтобы больше не думать о нём. У вас нет иных пожеланий, Филипп?

– Нет, государь.

– Тем лучше. В таком случае, продолжим!

И король велел впустить вторую группу избранных. Через пару минут герцоги и пэры, толкаясь, развернули парчовый жилет, принятый у первого спальника. С ними вошли двое фаворитов – Сент-Эньян и Лозен. Король одарил миньонов улыбкой и продолжил церемонию.

В опочивальню вошли члены Совета и государственные секретари. Людовик скользнул взглядом по Лиону, и воззрился на Кольбера с Лувуа. Суперинтендант и военный министр держались сегодня вместе, что показалось королю странным. По выражению глаз Кольбера он заключил, что тому необходимо сказать о чём-то крайне важном. Король сделал знак, который министр истолковал верно, терпеливо склонив голову.

После входа дипломатов и духовенства спальня заполнилась людьми до отказа. Людовик по обыкновению счёл нужным поинтересоваться свежими сплетнями. В ответ сразу несколько голосов сообщили ему о крупном карточном выигрыше госпожи де Шуази и ссоре между Фронтенаком и де Вардом.

– Ссора? – нахмурил брови монарх. – Надеюсь, ничего более, господа?

– Нет, государь, – поспешил заверить его Сент-Эньян, – они просто поспорили.

– Из-за чего же, сударь?

– Ваше величество, я в затруднении...

– Предметом спора стала дама?

– О нет, государь.

– В таком случае мы не видим причин утаивать что-либо.

– Вы правы, государь. И если я смутился на мгновение, то лишь из опасения сообщить вашему величеству не вполне достоверные сведения, ибо сам я там не присутствовал.

– Однако вы всё же осведомлены о сути дела?

– Думаю, в достаточной степени, государь. Кажется, они повздорили по поводу плаща.

– Из-за одежды?!

– О, государь, из-за плаща господина де Лозена.

– Мы всё же не понимаем.

– Речь идёт о голубом плаще.

– А, вот оно что! Вы слышите, барон, ваш плащ сеет раздоры среди наших подданных. Они, что же, завидуют Лозену?

– Нет, государь. Кажется, господин де Вард имел неосторожность заявить, что мушкетёрский плащ идёт барону более, чем кому-либо...

– Что с того? Полагаем, он вполне прав.

– Ну а господин де Фронтенак придерживается на сей счёт иного мнения, чем и вызвал размолвку.

– Удивительно, однако на этот раз мы всецело на стороне де Варда. А что думает сам хозяин плаща? Скажите, барон.

– А я, с позволения вашего величества, возьму сторону Фронтенака, ибо он выступил подлинным рыцарем чести.

– Маркиз выступил рыцарем чести, отрицая, что вам идёт ваш мундир, сударь?

– Примерно так, государь, – ответил Пегилен с лёгкостью, дозволенной лишь фаворитам.

– Это не очень понятно, но мы полагаемся на ваше чутьё и щепетильность, капитан.

– Благодарю ваше величество.

Король напоследок окинул взором явившихся, взял на заметку отсутствующих и сказал:

– Прошу вас оставить нас, господа, мы проследуем в часовню.

Толпа в спешке, не исключавшей известного порядка, покинула опочивальню. Людовик задержал Кольбера и Лувуа.

– Сударь, – обратился он к суперинтенданту, – вам есть что сообщить?

– Ваше величество, я собирался поставить вас в известность о положении дел на Мадагаскаре.

– Что, уже явился посланник от Монтегю? – взволнованно спросил король.

– Посланника не будет ещё долгое время, государь, поскольку экспедиция господина Монтегю находится в крайне затруднительном положении.

– Экспедиция не удалась? По каким же причинам, господин Кольбер?

– Причины просты, государь: суда Монтегю были безупречны ещё во Франции. Легко представить, что сделали с этими кораблями штормы южных морей. К тому же Мадагаскар оказался вовсе не тем райским садом, которым он рисовался воображению наших прославленных флотоводцев, понятия не имеющих о сиханаках. И вряд ли стоило нарекать колонию Островом Дофина, едва заняв крохотный плацдарм на побережье.

Людовик вскинул голову, уловив в словах Кольбера пренебрежительные нотки. Но сполохи царственных очей бесследно канули в черноту глаз министра, и властелин, совладав с собой, бесстрастно произнёс:

– Как видно, Господь забыл всё то хорошее, что я для него сделал... Мы, разумеется, вышлем им помощь. Но откуда стали известны эти подробности, сударь, если от самого адмирала не было никаких вестей?

– У моряков своя почта, государь. Встречные корабли обмениваются информацией и письмами. Сведения об экспедиции были доставлены португальским галионом, зашедшим две недели назад в Байонну.

– Португальцы! Но это же почти испанцы! А задумывался ли господин Монтегю о том, что передача вестей через португальского капитана является государственной изменой?

– Отчего же, ваше величество? Разве мы находимся в состоянии войны с Испанским королевством?

– Нет. Однако эта страна – наш традиционный соперник и в Европе, и за океаном. Капитанам нашего военного флота следовало бы об этом помнить.

– Осмелюсь заметить вашему величеству, что год назад, когда экспедиция отправилась в плавание, мы были в прекрасных отношениях с соседями, а при дворе как раз находился посол Филиппа Четвёртого – герцог д'Аламеда.

– Нечего сказать, отличный пример дружбы и верности!

– Кажется, именно эти качества и ценит в герцоге господин д'Артаньян. Да и ваше величество нашли возможным пожаловать ему орден Святого Михаила.

Король закусил губу, а Кольбер продолжал:

– К тому же, государь, традиционный соперник тем легче может стать верным другом, чем сильнее были до того накалены страсти.

– К чему вы клоните, сударь?

– О, я всего лишь предполагаю, что в союзе с испанцами мы чувствовали бы себя гораздо лучше как на континенте, так и в южных широтах.

– Европа и так подчиняется нашей воле.

– Пока это так, ваше величество, но может настать день, когда некая коалиция воспротивится этой воле. А второго маршала д'Артаньяна нам будет не найти.

– О какой коалиции вы толкуете? Кого не устрашает победная поступь наших войск? Какая морская держава сравнится с Англией? Или вы забыли уже о судьбе Армады?

– С тех пор минуло почти столетие, ваше величество. Как бы то ни было, Кастилия с Голландией могут, объединившись, представлять собой серьёзную опасность. Не лучше ли вовремя предупредить её?

– Мы с удовольствием замечаем, что вы разбираетесь во внешней политике ничуть не хуже, чем в счетах казначейства, господин Кольбер. Ну что ж, положим, что это так. Каким образом намерены вы упредить угрозу подобного союза?

– Свядав одну из сторон соглашением с нами.

– Мне кажется, что мы с вами занимаемся препирательствами, милостивый государь. Под «одной из сторон» вы, несомненно, понимаете Испанию, ибо невозможно предположить союз с враждебными нам Нидерландами. Но как можно говорить о конкордате, в подписании которого уже было отказано? Посол, вероятно, ещё не доехал до Эскориала, а вы говорите о том, что мы были не правы.

– Возможно, это так, ваше величество.

– Допустим. Вы не знаете причин, побудивших нас отвернуться от Мадрида, но, даже если предположить, что мы изменили решение, ничего поделать со случившимся, полагаем, уже нельзя.

– Позволю себе не согласиться с вами, государь.

– Вы сегодня чересчур часто себе это позволяете, господин Кольбер. Однако... мы слушаем вас.

– Прошу прощения у вашего величества за известную вольность, но вы сами велели мне говорить.

– Это так, сударь.

– Значит, мне будет дозволено сказать, что я мог бы, возникни в том надобность, умиротворить испанцев и вновь пригласить посла.

– Того же самого?

– Или иного, государь: это не будет иметь решающего значения. Главное – то, что срыв первой миссии никак не скажется на условиях трактата, составленного прежде.

– Трактата, отвергнутого нами!

– Вы сами признали, государь, что причины вашего отказа кроются не в пунктах договора. И если с тех пор вы пересмотрели свои взгляды, то теперь с лёгкостью его подпишете.

– Сударь, вы забываетесь!

- Мои слова продиктованы исключительно заботой о славе и могуществе вашего величества, – с достоинством поклонился Кольбер, – я всего лишь финансист.
- Вот и оставайтесь им, господин Кольбер, и не тревожьтесь по поводу армейских дел: для этого у нас есть военный министр.
- Упаси меня Господь от того, чтобы я ставил себя в этих вопросах выше господина де Лувуа. Его мнение для меня почти столь же непреложно, как и воля вашего величества.
- Вот как? – удивился король, озадаченный неожиданной покладистостью суперинтенданта. – И вы согласитесь с его суждением?
- Беспрекословно.
- Каким бы оно ни было?
- Безусловно, так как оно, разумеется, будет направлено на благо государства, которое я ставлю гораздо выше своего самолюбия.
- Мы рады это слышать, сударь. Но берегитесь, ибо это, кажется, как раз тот случай.
- Нет ничего зазорного для меня в том, что мои доводы будут опровергнуты таким крупным политиком, как господин де Лувуа.
- О, не беспокойтесь на этот счёт, сударь! Если вы уступите логике военного министра, вы поступите не хуже других; вы поступите, как король, – любезно сказал Людовик.
- Кольбер почтительно склонил голову, а король обратился к молодому министру:
- Итак, сударь, каковы, по-вашему, истинные цели и призвание французской короны в создавшейся ситуации?
- Государь, если мне будет позволено высказать собственную точку зрения...
- Именно этого мы и желаем.
- Вашему величеству известно, что я принимал участие в составлении договора с Испанским королевством.
- Мы даже помним, что настаивали на вашем участии. Разве могло быть иначе? – улыбнулся король, принимая это вступление за признание своего превосходства.
- Преподобный отец д'Олива, на мой взгляд, проявил при этом предельные уступчивость и предупредительность, дозволенные послу. Даже речи не было о том, чтобы в какой-то мере пострадала честь нашей страны.
- Разве могло быть иначе? – надменно повторил Людовик XIV.
- Ни в коем случае, государь, – поспешно согласился Лувуа, несколько обескураженный реакцией короля. – Однако, чем меньше разногласий возникло при разработке договора, тем больше удивления вызвал последующий отказ.
- А! – воскликнул король, поражённый единством мыслей двух политиков, которых едва ли можно было упрекнуть в избытке привязанности друг к другу.
- Ему ничего не было известно о вчерашнем сговоре в кабинете министра финансов, иначе он понял бы, что, разговаривая поочерёдно с Кольбером и Лувуа, он, по сути, беседует с Кольбером в разных ипостасях.
- Сегодня Франция благодаря победам маршала д'Артаньяна находится в зените могущества, так что вольна заключать союзы и расторгать их по своему усмотрению. Следует воспользоваться этим положением, государь, и обеспечить надёжное будущее, ибо всё может измениться в любой момент.
- Воспользоваться положением, говорите вы, господин де Лувуа? Потрудитесь же объяснить, каким образом?
- Охотно, государь. В союзе с Англией мы сильны, но, если включить в этот союз Испанию, мы станем непобедимы. И напротив, если не сделать этого, мы можем стать вполне уязвимы, ибо к содружеству Испании с Голландией незамедлительно примкнут и австрийские Габсбурги, и Лотарингия, и Бавария, не говоря уже о Швеции. Франции придётся нелегко, когда она окажется одна против всей Европы.

– Вы вдруг забыли об английском флоте, сударь, – спокойно заметил король.

– Англия, государь, на беду представляет собою остров, отделённый от наших забот Ламаншем. Его величество Карл Второй сможет поддержать нас на море, но будет бессилён помочь против сухопутных полчищ, когда те хлынут сразу со всех сторон.

При этих словах молодого министра Кольбер пристально поглядел на Людовика. Лицо короля, казавшееся бесстрастным, выдавало тем не менее напряжённую умственную работу. Наконец он пришёл к какому-то решению и с доброжелательной улыбкой сказал:

– Итак, господин де Лувуа, вы считаете необходимым заключение договора с испанцами?

– Я считаю, государь, что господин суперинтендант оказал бы огромную услугу вашему величеству, устроив повторные переговоры.

– Вы слышали, сударь, – повернулся король к Кольберу, – я разбит наголову. Пошады, господа!

– О государь, разбиты не вы, а ваши враги.

– Тем лучше. Позаботьтесь же об этом: напишите в Мадрид.

– Не замедлю сделать это, ваше величество. Но могу ли я быть твёрдо уверен?..

– Господин Кольбер, – строго заметил Людовик, – вы, кажется, требуете от своего короля каких-то иных гарантий помимо его слова?

– Нет, ваше величество.

– В таком случае принимайтесь скорее за послание. Нам не терпится воспользоваться тем завидным положением, которое доставил нам господин д'Артаньян. Ведь вы так изволили выразиться, господин военный министр?

Молодой вельможа почтительно склонился перед повелителем, а Людовик удовлетворённо продолжал:

– Сопровождайте нас в часовню, господин де Лувуа, а вас, господин Кольбер, мы желаем видеть у себя сразу после обеда.

Заметив лёгкое замешательство Кольбера, король уточнил:

– Нам нужно переговорить с вами относительно переезда в Фонтенбло.

Сказав это, он вместе с министрами покинул опочивальню и направился в сторону дворцовой часовни сквозь живой коридор, составленный столпившимися придворными.

VII. Финансовые затруднения господина Кольбера

По окончании обеденного застолья король удалился в свои покои. Ровно через пять минут ему доложили о приходе суперинтенданта.

– Я ожидал вас, господин Кольбер, – сказал Людовик тоном радушного хозяина, который мог заставить насторожиться и менее опытного царедворца.

– Я весь к услугам вашего величества, – отвечал министр.

– Вы уже работаете над посланием?

– Завтра утром я буду иметь честь представить на рассмотрение вашего величества проект письма.

– Не подумайте, что я усомнился в вашей исполнительности. Просто мне хотелось уточнить одну деталь, упущенную было мною из виду.

– Спрашивайте, государь.

– Кому именно будет адресовано письмо?

– Ваше величество желает знать, через кого я собираюсь добиться возобновления переговоров?

– Думаю, мне необходимо это знать.

– В мои намерения вовсе не входило скрывать что-то от короля, ибо я в этом деле являю собой лишь орудие его воли. И не далее как завтра ваше величество узнали бы имя адресата.

– Мне угодно знать его заранее, сударь. Будьте любезны сообщить его немедленно.

– Одно лишь слово, государь.

– Говорите, – разрешил король.

– Может ли это имя повлиять на ваше решение?

– Относительно заключения договора?

– Относительно величия и счастья Франции, государь!

– Нет, сударь, – после минутного замешательства молвил Людовик, – у меня есть только одно слово, и я его уже дал.

– В таком случае я спокоен.

– Вот именно: будьте спокойны, господин Кольбер, и назовите интересующее меня имя. Это хотя бы член хунты?

– Более того, государь, он – её душа. Без этого человека не принималось ни одно важное решение в последние годы царствования Филиппа Четвёртого.

– А! – с нескрываемым презрением воскликнул король. – Так это один из приближённых покойного монарха? Ах, господин Кольбер, я ожидал от вас большей разборчивости в политических связях. Ваш корреспондент – один из временщиков?

– Во все нет, – покачал головой Кольбер, напоив свой голос вдвое большим презрением, – я никогда не посмел бы вступить в переговоры с недостойным, ибо говорить я могу лишь от имени вашего величества. Мне дорога честь моего короля!

Людовик, не выдержав твёрдого взгляда суперинтенданта, отвёл глаза.

– Человек, интересующий ваше величество, не временщик, что, впрочем, вытекает из его девиза: «Patiens quia aeternus».

– «Терпелив, ибо вечен», – задумчиво перевёл Людовик, – решительно, мне необходимо знать его.

– Вы его знаете, государь, – спокойно заявил Кольбер.

– Знаю, вот как?

– Прекрасно знаете.

– Любопытно.

– Это именитый испанский гранд.

- Я думаю, чёрт возьми!
- Его зовут герцог д'Аламеда.
- Герцог д'Аламеда! Ваннский епископ!
- Да, бывший ваннский епископ. Вы могли бы ещё добавить: Арамис. Так, кажется, звался герцог в бытность свою мушкетёром на службе отца вашего величества.
- Да, Арамис – один из четырёх знаменитых.
- До чего же печально это звучит, государь: ведь трёх из них уж нет в живых.
- И вы утверждаете, сударь, что господин д'Эрбле – фактический правитель Испании? Простите, но не бредите ли вы?
- Государь, я в здравом уме.
- Член Королевского совета – ещё куда ни шло, советник её величества – допускаю... Но едва ли от него зависит слишком многое.
- Однако полтора года назад ваше величество общались с ним так, будто он располагает немалым влиянием в Мадриде.
- Повторяю вам, сударь, что он представлялся мне одним из временщиков, которых было чересчур много после господина Оливареса. И я, при всём своём отвращении к людям подобного сорта, не склонен был пренебрегать их могуществом либо умалять его. Но теперь, после смерти моего тестя... О нет, не думаю, что герцог имеет реальное влияние.
- Уверю ваше величество, что именно теперь, в период междуцарствия...
- Господин Кольбер!
- Государь, так я определяю время до совершеннолетия Карла Испанского. Итак, повторяю, с установлением регентства герцог д'Аламеда, напротив, обрёл куда большую власть, нежели когда-либо, ибо ныне он – единственный дееспособный источник власти, берущей начало от божественного права.
- Что вы говорите, сударь! Единственным источником божественной власти в Испанском королевстве остаются наследник престола и королева-мать, а в случае их скоропостижной кончины, что не редкость в этом роду...
- В этом случае, государь?..
- Король понял, что увлёкся, и поспешил исправить положение:
- Впрочем, мы ушли в сторону. Потрудитесь объяснить, господин Кольбер.
- Охотно, государь, но для этого мне придётся вернуться в прошлое.
- В прошлое?
- Да, лет на семь назад.
- А! – невольно вскрикнул побледневший король, взглядом пытаясь вырвать тайну из самого сердца собеседника. – Ваши воспоминания о герцоге простираются на семь лет назад?
- Именно так, государь.
- Людовик прикрыл глаза, ощутив приступ внутренней дрожи. Перед ним промелькнули образы его брата-близнеца и Фуке, томящихся в темнице. Затем снова посмотрел на чёрную фигуру, стоявшую перед ним, и мгновенно успокоился: Кольбер не мог знать роковой тайны.
- Что ж, вернёмся в прошлое, сударь, – попробовал улыбнуться он.
- Я припоминаю, что семь лет назад беседовал с одной из прежних приятельниц Арамиса. Вы понимаете, государь, что, называя герцога д'Аламеда его боевым прозвищем, я лишь стараюсь быть точным.
- Не беспокойтесь, сударь. Итак, эта женщина была любовницей герцога в те времена, когда сам он был мушкетёром Арамисом?
- Верно, государь. Эта дама сообщила мне много любопытного из жизни своего возлюбленного.
- Видимо, что-то компрометирующее?

– Наоборот, ваше величество, чрезвычайно лестные вещи. В её устах Арамис уподобился античным героям, воспетым Гомером.

– Понимаю. Влюблённые глаза в каждом могут различить Аякса.

– Скорее Улисса, ваше величество. Однако, справедливости ради, должен добавить, что целью этого рассказа было погубить ваннского епископа.

– О, женское коварство! Ну скажите, может ли быть что-либо прекраснее любви красавицы?

– Затрудняюсь с ответом, государь.

– Но вы, вероятно, сумеете ответить мне, есть ли что-то более ужасное, чем месть оскорблённой женщины.

– По чести, нет ничего ужаснее, ваше величество: та дама воистину была исчадием ада.

– Её имя, сударь, – потребовал король тоном, не терпящим возражений.

– Мария де Шеврёз.

– Да неужели?! Вы встречались с герцогиней? Но позвольте, семь лет назад она давно лежала в могиле.

– По-моему, государь, она была достаточно жива для того, чтобы свести в могилу многих других.

– А вы, сударь, знали ли вы о том, что Шеврёз ненавистна мне, как была ненавистна и моему отцу?

– Я слышал об этом.

– Выходит, вы знали – и тем не менее тайно сносились с ней!

– Поверьте, государь, что это было сделано мною с единственной целью сокрушить ваших недругов.

– Слова, сударь, пустые слова! – запальчиво восклицал Людовик, перед которым снова встала тень его брата Филиппа.

При этом он с такой силой сжал кулаки, что Кольбер, не подозревавший истинной причины королевского гнева, невольно содрогнулся и прерывистым голосом произнёс:

– Мне казалось, я приложил достаточно усилий для того, чтобы мои слова не подвергались беспочвенному сомнению. Мне казалось, что я верный слуга короля и его дела. Но если это не так, если я заслужил его немилость, то готов...

– Довольно, господин Кольбер! – прервал его король, справившись с восставшими было призраками и взяв себя в руки. – Поверьте, я ценю вас по заслугам и прошу извинить мою несдержанность.

– О государь, не мне, смиреннейшему из ваших подданных, прощать ваше величество.

– Забудем это, господин Кольбер, забудем. Я с нетерпением жду, когда вы расскажете мне то, о чём поведала вам герцогиня.

– Она высказала уверенность в особом положении герцога д'Аламеда.

– При дворе Филиппа Четвёртого?

– Более того, государь.

– В Испании и Австрии?

– В христианском мире вообще.

– О чём же она говорила?

– Герцогиня де Шеврёз утверждала, что ваннский епископ – генерал иезуитов.

– Генерал ордена?! Он? Невозможно!

– Вы лучше меня знаете, государь, что слово «невозможно» было не в ходу у четырёх мушкетёров.

– Но он француз.

– Я думал об этом. Герцог довольно долго прожил в Мадриде и в совершенстве владел испанским; налицо два соблюденных условия для получения кастильского подданства.

– Это похоже на правду, но каким же образом?..

– На этот счёт я осведомлён не лучше вас, государь, да и сама герцогиня знала немногое.

Как мы можем видеть, суперинтендант не счёл нужным упомянуть в разговоре с королём о письме, полученном в самом начале голландской кампании, в котором Арамис совершенно недвусмысленно заявлял о своём статусе. Кольбер умолчал и о том, что герцог открылся ему ещё в Блуа во время памятных переговоров.

Людовик довольно долгое время хранил сосредоточенное молчание, а затем заговорил, как бы размышляя вслух:

– Если это соответствует истине, то герцог д'Аламеда – действительно повелитель Испании, коль скоро иезуит Нитгард – фаворит королевы, министр и Великий инквизитор. Я понимаю теперь, почему и посол был иезуитским проповедником. Господи помилуй, да что же это за страна и как терпят испанцы, что хунтой заправляют француз, немец и... кажется, этот д'Олива – итальянец?

– Ваша правда, государь, преподобный отец – уроженец Генуи, а его полное имя – Джованни Паоло д'Олива. И всё же главный среди них – француз, а значит, действовать следует через его светлость. Ваше величество согласны с этим?

– Разумеется, согласен, господин Кольбер, разумеется.

– В таком случае я потороплюсь с письмом, и нынче же вечером...

– Не стоит, сударь, – остановил его король, – это послание, в свете всего сказанного ранее, должно быть тщательнейшим образом продумано и взвешено. Посему не спешите.

– Повинуюсь, государь.

– Помните, что я вам сказал. А теперь мне хотелось бы поговорить с вами о менее важных делах.

– Я весь внимание.

– О, сударь, не лукавьте, – рассмеялся Людовик, – ибо вы давненько не уделяли своего драгоценного внимания тому, о чём я собираюсь беседовать с вами.

– Что же это, государь?

– Я знаю, что вы не любитель светских развлечений и не одобряете пышных торжеств. Но близится зима, а с нею – переезд в Фонтенбло, и тут никак не обойтись без празднества.

Помрачневший Кольбер лишь сдержанно кивнул. Король тем временем продолжал:

– Мне известно, что вы считаете безумствами траты на подобные увеселения. Но поверьте, сударь, что они не менее побед французского оружия возвышают нас в глазах Европы. Пышность двора говорит о могуществе и величии престола. Это не столько мои развлечения, сколько развлечения дворян и всего народа. Это хорошая политика, и вы, надеюсь, не станете спорить с очевидностью.

– Не стану, ваше величество, но...

– Вы говорите «но», сударь?

– Будет ли мне позволено уточнить?

– О да, господин Кольбер, прошу вас.

– Во сколько примерно обойдётся празднество в Фонтенбло?

– Что-то около четырёх миллионов.

– Четыре миллиона, государь?!

– Вы находите, что это слишком много?

– Однако, думаю, вы и сами согласитесь...

– Не соглашусь, сударь. Это – дело решённое, а я волен сам распоряжаться своей казной, не так ли?

– Хочу заметить, что эти деньги могут пригодиться вашему величеству в случае войны.

– Полноте, сударь! О какой войне можно говорить теперь, когда мы миримся с испанцами?

– Договор ещё не подписан.

– Ба! Так будет подписан, право слово...

– Пока рано говорить об этом с уверенностью.

– Это – ваша забота, – возразил король, – вы сами приняли сей груз. Я же, за неимением поля брани, которого лишает меня ваша дипломатия, стану множить свою славу с помощью балов и фейерверков. И оставьте, прошу вас, свою извечную бережливость. Вы не были столь экономны, когда речь шла о деньгах господина Фуке. Тогда вы обожали королевские безумства и не скромничали в расходах.

Похолодевший министр едва нашёл в себе силы для ответа:

– Четыре миллиона будут переданы в распоряжение вашего величества в ближайшее время.

– Я не тороплю, – милостиво сказал король, – просто не желаю ставить вас в затруднительное положение неожиданными требованиями. Вы предупреждены заранее, сударь. Будьте же готовы внести эти деньги по первому моему слову.

Кольбер поклонился, то есть попросту уронил голову на грудь.

– Это всё, ваше величество?

– Да, вы можете быть свободны, господин Кольбер.

Ещё никогда суперинтендант финансов не выходил от короля в столь мрачном расположении духа. Трубные звуки сменила барабанная дробь. Триумф превратился в поражение. Кольбер был повержен.

VIII. О чём говорилось в письме герцога д'Аламеда

Лёгкость, с которой Людовик XIV взял верх над Кольбером, умело используя его же доводы, вывела из равновесия обычно невозмутимого министра. Едва достигнув своего кабинета, «господин Северный Полюс» превратился в огнедышащий вулкан, дав волю обуревавшим его чувствам. Вся ярость его, впрочем, сосредоточилась на гроссбухе, которому злой судьбой было уготовано подвернуться под руку разбушевавшемуся суперинтенданту и быть брошенным о стену. Моментально успокоившись, Кольбер мысленно выбрал себя за несвойственное буйство и бережно подобрал гроссбух. Затем сел за рабочий стол и погрузился в тяжкие раздумья.

А поразмыслить было над чем. Четыре миллиона ливров, затребованные королём, возможно, не показались бы Кольберу чрезмерной суммой, располагай он ею. Но в последний год события явно складывались не в пользу французской казны. Военные расходы усугубились банкротством Ост-Индской компании, уничтожившим солидную доходную статью. Перестройка скромного охотничьего замка Людовика XIII в Версале обходилась в десять-двенадцать миллионов ежегодно, составив в итоге колоссальную сумму в триста миллионов. А если присовокупить к этому бремя содержания огромного двора и бесчисленные торжества, венцом которых обещало стать празднество в Фонтенбло, начинало казаться чудом, что суперинтендант до сих пор выискивает где-то средства для обеспечения прочих государственных нужд, не связанных непосредственно с августейшими утехами.

Кольбер знал, разумеется, о предстоящем переезде двора в другую резиденцию, как и о неизбежных тратах на балы и приёмы. Он даже с присущей ему щедростью выделил для этого миллион триста тысяч ливров, отложив ещё двести тысяч на непредвиденные обстоятельства. Однако названная королём цифра превращала все его старания в ничто, повергая в ужас всемогущего министра. Эта цифра полыхала огненными языками перед затуманившимся взором Кольбера, сводя с ума и заставляя забыть обо всём прочем. Европейское равновесие, Англия, Испания – всё утратило своё значение, и даже пугающий образ Арамиса уступил место мучительному вопросу: где раздобыть денег?

– Это моё... Во, – прошептал Кольбер побелевшими губами.

Как он понимал теперь страдания затравленного Фуке, уничтоженного беспрестанными требованиями золота! Как винил себя за то, что развил в юном Людовике поистине королевское расточительство, стоившее когда-то свободы утончённому хозяину Во-ле-Виконта. Но это же несправедливо, что та же напасть преследует теперь его самого: в конце концов, могущество Фуке стоило тому всего лишь моря пота да бесчисленных спекуляций, тогда как ему, Кольберу, досталось куда дороже – ценою затоптанных идеалов, подлости и предательства.

Ну, не мог же он заявить королю, что в казне нет больше денег на танцы. Его величество пожелал получить их, а на столь прямо высказанное стремление суперинтендант обязан ответить наличными – возражения тут неуместны. Не имело значения и то, что из этих четырёх миллионов по меньшей мере половина предназначалась на любовные похождения Короля-Солнце, а также на его фаворитов: сумма была оглашена, а всякое отклонение от неё являлось актом неповиновения и приравнивалось к оскорблению величества. Да, суверен имел полное право чувствовать себя оскорблённым, узнав, что истратил больше, чем мог себе позволить, – эту аксиому абсолютизма Кольбер усвоил слишком хорошо, чтобы пытаться противиться неизбежному.

Несмотря на все усилия, суперинтендант не находил выхода из тяжелейшего положения. Все счета на полтора года вперёд были уже не только учтены, но и оплачены, и в этот период не ожидалось никаких существенных поступлений. Из остатков, которые, впрочем, тоже имели своё назначение, невозможно было составить требуемой суммы.

Как раз в то время, когда в голову министра, вытесняя сумятицу лихорадочного и бесплодного поиска вариантов, стала закрадываться мысль об отставке, дверь кабинета приоткрылась и секретарь разложил на столе утреннюю корреспонденцию. Машинально выбрав из стопки депеш первую попавшуюся и скользнув по ней равнодушным взглядом, который, казалось, в это мгновение мог бы оживить лишь вид груды золота, Кольбер неожиданно замер. Крупная дрожь прошла по всему телу, губы беззвучно шевельнулись, а пальцы судорожно разжались, выпустив письмо, запечатанное чёрным воском. Кольбер узнал печать ордена Иисуса, равно как и имя пославшего письмо, горделиво красовавшееся на конверте. Мелкий почерк, некогда повергавший в сладостный трепет прелестную Мари Мишон, теперь, полвека спустя, заставлял содрогаться суперинтенданта финансов Людовика XIV.

Совладав с собой, Кольбер вновь взял письмо и торопливо распечатал его. Под буквами «AMDG»¹ и крестом Арамис написал нижеследующее:

«Господин Кольбер.

Нас немало удивили результаты переговоров, порученных преподобному д'Олива Королевским советом. Скорбная кончина Его католического Величества Филиппа IV остерегла меня от передачи послу титула генерала ордена, что было бы весьма опрометчиво в сложившихся обстоятельствах. Тем не менее я пребываю в уверенности, что сей факт не мог повлиять на процесс подписания конкордата. Полагаю, что иные причины сыграли роль в принятии Его христианнейшим Величеством решения об отказе.

Отец д'Олива сообщил мне о вашем желании встретиться со мною. Настоящим письмом уведомляю вас о том, что я, временно воздержавшись от разглашения итогов переговоров, выезжаю во Францию. Я располагаю всеми необходимыми полномочиями от правительства Его Величества, чтобы исправить ошибки, которые могли иметь место.

Что до письма маршала д'Артаньяна, то предположение, высказанное вами, оказалось верным, и второй целью моего визита в Версаль является желание уладить дела моего покойного друга.

Надеюсь, г-н Кольбер, на то, что вы разделяете моё стремление связать наши державы прочным союзом, ибо это отвечает общим интересам Франции и Испании. Прошу вас подготовить почву для возобновления переговоров и рассчитывать на мою дружескую признательность.

Герцог д'Аламеда».

Прочитав послание, суперинтендант огромным носовым платком утёр пот, выступивший на лбу, и несколько минут просидел без движения, уставившись в одну точку, осмысливая слова герцога. Затем лицо его неожиданно просветлело, он в третий раз схватил письмо и вслух, смакуя каждое слово, перечёл последние строки:

– «Прошу вас подготовить почву для возобновления переговоров и рассчитывать на мою дружескую признательность».

Убитого отчаянием министра было не узнать – теперь он просто сиял. Выпрямившись в кресле и обретя обычный уверенный вид, он удовлетворённо произнёс:

– Возобновление диалога – это чудесно, клянусь душою, но дружеская признательность – это просто восхитительно! Бесподобно! Бог мой, знали бы вы, как я на неё рассчитываю, дорогой Арамис. Будьте уверены, я подготовлю для вас превосходную почву.

Сказав это, он понизил голос до почти беззвучного бормотания, и последующие слова различить было невозможно. Но и без того стало ясно, что суперинтендант, по крайней мере

¹ «Ad majorem Dei gloriam» – «К вящей славе Господней» (лат.)

в этот раз, изыскал для себя возможность не лишиться должности. А этого ему пока что было вполне довольно.

IX. Мария-Терезия Австрийская в тридцать лет

Отпустив суперинтенданта, король надменно улыбнулся, не разжимая губ. Он был вполне доволен собою и тем поражением, которое только что нанёс проницательному министру. Ловушка, с любовным тщанием подготовленная монархом в утренние часы, казалась ему вполне достойной его особы и приемлемой в общении с приближёнными. Как бы то ни было, он поступил по-королевски, дав Кольберу почувствовать себя победителем, сумевшим внушить своему суверену политический ход, который он, Людовик, и сам сделал бы если не сегодня, так завтра. Заключение договора с Испанией входило в планы Короля-Солнце, но, раз уж представился случай вновь подчинить своей воле ускользящего из-под влияния короны суперинтенданта, отчего же было не воспользоваться таким случаем, притворившись, будто поддался убеждениям? А если прибавить к удовлетворённому самолюбию четыре миллиона ливров, которые король истребовал с чистой совестью, заведомо упредив все возможные возражения со стороны Кольбера касательно предстоящих военных расходов, то он, по собственному мнению, имел право чувствовать себя героем не менее д'Артаньяна, взявшего за месяц дюжину крепостей.

Внезапно на ум Людовику пришли случайно брошенные им некогда слова, навеки ставшие универсальной формулой абсолютизма. Тогда он, семнадцатилетний юноша, примчался из Венсенского леса и как был, прямо в охотничьем костюме, явился на заседание парижского парламента, где в самой резкой форме запретил всякое обсуждение королевских эдиктов. Теперь, тринадцать лет спустя он, сильнейший владыка христианского мира, с удовольствием повторил ту самую запальчивую фразу:

– Вы напрасно думаете, будто государство – это вы!.. Нет, государство не вы, а я!

Сказав это, он вновь мысленно перебрал все события этого дня. Видимо, это сопоставление побудило его принять решение, в свою очередь сподвигшее короля на определённые действия. Ибо он вызвал лакея и приказал ему:

– Ступай известить её величество о том, что мы намерены нанести ей визит в её покоях.

Промедлив несколько минут, он быстрым шагом направился в сторону комнат королевы, не замечая угодливых поклонов придворных.

Мария-Терезия Австрийская ожидала царственного супруга, сидя в кресле и глядя прямо перед собой спокойным и ясным взором, в котором невозможно было прочесть даже намёка на нелёгкую участь французской королевы. Судьба её была обычной августейшей судьбой, а жизнь подчинялась традиционным канонам, издревле диктующим свою волю особам, отмеченным божественной дланью. Детство дочери Филиппа IV и Изабеллы Французской прошло вдали от Эскориала, поэтому брак с молодым прекрасным королём показался ей мечтой, волшебной сказкой, и она с восторгом встретила её. Пышность двора, первоначальное внимание и нежность Людовика пленили сердце инфанты, однако последовавшие затем грозы и треволнения опустошили его, оставив место лишь горечи да отчуждению.

Возвышение Лавальер Мария-Терезия приняла с достоинством дочери повелителей мира. В этом её поддерживала и вдовствующая королева, также знавшая немало страданий в супружеской жизни. Но со смертью Анны Австрийской и закатом звезды прежней фаворитки её смирение стало иссякать, уступая справедливому негодованию, которое не могло, впрочем, излиться сквозь панцирь истинно королевского величия, большинством окружающих ошибочно принимаемого за робость. На те малочисленные упреки, которые она всё же позволяла себе высказывать, Людовик неизменно отвечал: «Ведь я же бываю у вас почти каждую ночь, сударыня. Чего ещё вам желать?»

Этой ночью король не посетил опочивальню жены, и Мария-Терезия встретила рассвет с заплаканными глазами, истерзанная отчаянием: маркиза де Монтеспан оказалась куда более

опасной соперницей, нежели была Лавальер. Но сейчас прекрасные очи королевы, направленные на супруга, были сухи и исполнены спокойствия. Людовик, ожидавший бури, хотя бы даже и лёгкой, был удивлён таким приёмом и поцеловал руку жены с невольным почтением. Мария-Терезия приняла это изъявление нежности с горьким чувством в душе и улыбкой на устах.

– Сударыня, – обратился к ней король, – я рад видеть вас в добром расположении духа. Вы чудесно выглядите сегодня.

Мария отозвалась улыбкой на комплимент, а Людовик продолжал, вскинув голову:

– Этим утром я принял решение, которое, возможно, покажется небезынтересным и вам.

Несчастливая королева вопросительно взглянула на него, ожидая очередного подвоха. Людовик уловил оттенок страха в этом взгляде, но не смог верно определить его природу. А не сумев сделать этого, увлечённо и безмятежно продолжал:

– Вам известно, Мария, что при дворе около месяца назад гостил ваш соотечественник. Этот монах, явившийся в Версаль с посольством, принёс уверения в почтении и преданности Совета Кастилии французской короне.

Королева вспыхнула, различив в словах мужа открытое пренебрежение к её родине.

– Испанцы, по-видимому, сильно нуждаются в таком могущественном союзнике, как Франция: очень уж настойчиво этот иезуит добивался заключения договора об их нейтралитете.

– Однако, как мне помнится, ваше величество сами высказывали желание подписать такое соглашение.

– Я?

– В разговоре с господином д'Аламеда...

– Герцог д'Аламеда, – назидательным тоном молвил король, – несколько неверно истолковал мои слова. Я лишь заметил, что был бы не против подобного конкордата... при определённых обстоятельствах. О, мне следовало бы знать, что Испания не преминет ухватиться за это и попытается поймать меня на слове. А этот проповедник ещё посмел представить дело так, будто делает нам огромное одолжение. Нечего сказать, великое счастье – заручиться нейтралитетом столь грозного соседа. Будто и не бывало никогда ни Рокруа, ни Ланса!

Из пунцового лица Марии-Терезии сделалось мертвенно-бледным, она едва слышно пролепетала:

– Мне казалось, преподобный д'Олива – очень тонкий и воспитанный человек.

– Для генуэзца, переметнувшегося к испанцам, – возможно. Ах, сударыня, не бледнейте так при каждом моём слове. Вы – такая же внучка Генриха Четвёртого, как и я; вы – французская принцесса.

– Ваше величество женились не на французской принцессе, а на инфанте австрийского дома. Я – дочь Испании в той же мере, как вы, Людовик, будучи внуком Филиппа Третьего, являетесь сыном Франции.

– Ну хорошо, не будем об этом, – согласился пристыженный король, – я уверен, что вы простите меня, если пожелаете дослушать до конца. Итак, вы помните, что к моменту начала переговоров наша армия уже достигла многих поставленных целей. Посольство господина д'Олива во многом утратило тем самым свою значимость. И будь он хоть папой или генералом иезуитов... Кстати, Мария, вы не знаете, кто сейчас является генералом ордена?

– Это тайна, ваше величество, в которую женщин не посвящают.

– Даже дочь испанского короля?

– Вы сами сказали, что я отчасти французская принцесса. А став королевой Франции, я окончательно утратила связь с Испанией.

– Это, в конце концов, не важно. Значение имеет лишь моя воля. А я отказался тогда подписать конкордат, потому что чувствовал себя достаточно сильным для этого. Вы согласны?

– Воля вашего величества священна.

– Так и есть. Но этим утром два человека противопоставили сей священной воле свою собственную. Итог – моя воля пала.

– Неужели?..

– Да, вообразите себе: пала, как голландские бастионы.

– Кто же эти двое, ваше величество? – спросила поражённая королева.

– Суперинтендант и военный министр. Невероятно, но сегодня они пели в один голос, будто сговорились. И верите ли, они сумели склонить меня к союзу с Испанским королевством.

Мария-Терезия подняла свою очаровательную головку и с новым чувством посмотрела на Людовика. Гордость за свою страну и нежная благодарность светились в её тёмных глазах.

– Хотя переговоры с регентшей и её правительством – совсем не то, что с вашим царственным родителем, Мария, я всё же пойду на это. В настоящее время господин Кольбер трудится над письмом герцогу д'Аламеда, который, говорят, пользуется немалым влиянием в Мадриде.

С этими словами он впился пытливым взором в лицо королевы, стремясь уловить её реакцию. Но вновь не увидел ничего, кроме кроткой признательности.

– В ближайшие дни я скреплю своей подписью конкордат, составленный ранее, и тогда прочный мир свяжет наши державы на долгие годы. Надеюсь, господин д'Аламеда не предъявит, разобидевшись, новых условий своему бывшему суверену.

– О, ваше величество, господин герцог такой прекрасный человек, что не станет...

– И даже так! Да вы, кажется, накоротке с этим прекрасным человеком.

– Мой отец писал мне о нём много хорошего, да и тогда, в Блуа, он показался мне достойнейшим дворянином.

– А в своих письмах к вам отец не упоминал о положении, занимаемом герцогом д'Аламеда при испанском дворе?

– О, разумеется. Герцог был одним из его советников, – просто отвечала Мария-Терезия. Людовик выругался про себя, вслух же сказал:

– Я думал, что вам будет приятно услышать эту новость, Мария, поэтому поспешил уведомить вас о ней. Надеюсь, вы не сердитесь за моё неожиданное вторжение?

Вновь лицо королевы побелело: она уловила скрытую иронию.

– Мне приятен каждый визит вашего величества; я желала бы всё время проводить подле вас.

– О, это было бы весьма утомительно, сударыня! – со смехом воскликнул король. – Политика и придворные забавы не для таких нежных созданий, как вы. Занимайтесь себе своим вышиванием, а мне оставьте охоту, танцы и государственные заботы.

– Если вы этого желаете...

– Я этого желаю. А сейчас позвольте проститься с вами.

– До вечера, ваше величество?

– Нет, до завтра.

– До завтра?

– Да, сударыня. Сегодня я ужинаю со своими дворянами.

– Но после ужина...

– До завтра, сударыня, до завтра!

И Людовик, едва прикоснувшись надменной усмешкой к белоснежной руке королевы, покинул её апартаменты. Мария-Терезия порывисто отвернулась к стене, и большое венецианское зеркало, укреплённое в нише, вернуло отражение восхитительной женщины, поражающей застывшей красотой, горделивой осанкой и печальными глазами. То были глаза самой несчастной королевы на свете.

Х. Иезуиты

Монсеньёр, нам следовало бы поехать другой дорогой, через Сен-Клу.

– Нет, это слишком долго, а мне нужно поспеть в Версаль как можно скорее. Однако, скажу я вам, французские дороги и по сей день оставляют желать много лучшего...

Таковыми фразами обменивались путники, трясясь в карете, запряжённой четвёркой превосходных лошадей. Дверцы кареты украшал герб, увенчанный герцогской короной. Колёса экипажа были сплошь покрыты жидкой грязью.

Дорога и впрямь была ужасной. Глубокая колея от колёс тысяч телег с материалами для отделки Версальского дворца, ежедневно сновавших одним и тем же маршрутом, наполнилась липкой жижей. Несмотря на всё почтение к августейшей воле, путешественники, по незнанию или по необходимости ездившие этой дорогой, все до одного сыпали столь отборными ругательствами, что небесам становилось жарко.

К их числу, разумеется, не относились Арамис и отец д'Олива, коих легко было распознать по краткому диалогу, приведённому в начале главы. Два достойных прелата принимали тяготы своего путешествия как должное, проявляя долготерпение, которое сделало бы честь и Его Святейшеству.

– Клянусь честью, моё письмо ненадолго опередило меня! – воскликнул Арамис, сверкнув взором, вместившим былую весёлость юного мушкетёра.

– Оно, должно быть, попало в руки господина Кольбера дней десять назад, – согласился монах, – но позволю себе заметить, что, возможно, следовало бы сначала получить от него ответ, а уж потом, уяснив его намерения...

– Э-э, преподобный отец, вы чересчур рассудительны и к тому же не знаете этого человека так, как я. Уверен, что его намерения не противоречат интересам ордена. Что бы ни случилось, мы лишь принимаем любезное приглашение господина суперинтенданта, не более того. Хуже-то уж не будет, а?

Д'Олива с плохо скрытым изумлением внимал начальнику, стараясь постичь причину разительной перемены, произошедшей с тем воплощением суровой сосредоточенности, которое обычно являл собою генерал. Сейчас герцог жадно всматривался вдаль: казалось, он стремится не пропустить ни одного холма, ни единого деревца. Да и то сказать – ведь они были до боли знакомы ему с тех счастливых времён, когда он с отважными друзьями взметал пыль с этой самой дороги в бешеной скачке, соревнуясь в скорости с пулями и клевретами кардинала. Щёки Арамиса горели румянцем, рука крепко сжимала эфес шпаги.

Словно почувствовав недоумение спутника, Арамис обернулся к нему и с улыбкой продолжил:

– Поймите, преподобный отец, что это, вероятнее всего, мой последний визит на родину. Сам Господь сподвиг меня на это дело, послав неудачу вашей миссии: душою я был и остаюсь французом, что не мешает мне печься о благе Испании. Поэтому не удивляйтесь моей радости, быть может и чрезмерной.

– Слушаю, монсеньёр, – кивнул иезуит.

Поняв, что генерал всецело поглощён изучением родных пейзажей, он решил было вздремнуть и даже начал уже приводить свой замысел в исполнение, как вдруг негромкое восклицание вырвало его из объятий Морфея.

– Что случилось, монсеньёр? – встревоженно спросил он.

– Там отряд, – отвечал герцог д'Аламеда, указывая на дорогу.

Отец д'Олива высунул голову из экипажа и действительно заметил всадников, стремительно приближавшихся к ним.

– Да это серые мушкетёры, – заметил Арамис ровным голосом, зорко вглядываясь в даль.

Оценив обстановку, он со спокойным видом откинулся на сиденье, жестом велел монаху сделать то же самое. Через минуту экипаж остановился, у самой дверцы раздались цокот копыт и громкое ржание, а некто с гасконским акцентом задорно воскликнул:

– Именем короля!

Величественным жестом холёной руки отодвинув занавеску, Арамис выглянул в окошко и произнёс:

– Что угодно вам и вашим людям, господин офицер?

– Имею ли я честь говорить с герцогом д'Аламеда? – осведомился молодой человек с такой обезоруживающей улыбкой на открытом красивом лице, что холодный тон Арамиса невольно смягчился:

– Да, сударь, это моё имя. Будет ли мне позволено узнать ваше?

– Барон де Лозен, капитан мушкетёров его величества к услугам вашей светлости. Мне приказано сопровождать вас до Версаля, – представился всадник, отвесив собеседнику изящный поклон.

– Весьма польщён. Его величество оказывает нам большую честь, – учтиво молвил Арамис.

– Равно, как и мне, – отвечал Пегилен, не желая уступать испанскому гранду даже в любезности.

– Я с удовольствием замечая, что преемником господина д'Артаньяна стал достойнейший дворянин Франции, и к тому же его земляк, – впервые улыбнулся герцог д'Аламеда.

Слегка опешивший Лозен не сразу нашёлся, что ответить этому вельможе, по всей видимости превосходно осведомлённому о положении дел при французском дворе. А когда открыл рот, было уже поздно – занавеска задёрнулась, и герцог воскликнул:

– В путь, господа!

Капитан скомандовал мушкетёрам, и они выстроились двумя рядами у обеих дверец кареты. Сам Пегилен возглавил кавалькаду, направившуюся в сторону сверкающей на солнце громады.

– Ну, преподобный отец, – вполголоса обратился герцог к иезуиту, – что я вам говорил? Такие почести не оказывают послаам, с которыми намереваются обойтись, как с вами.

– Ваша правда, монсеньёр. Мне не высылали эскорта, – подтвердил д'Олива.

– Мушкетёры лучше всяких слов говорят о том, что Людовик Четырнадцатый изволил пересмотреть свои убеждения и пойти навстречу нашим требованиям. Разве не так?

– О, монсеньёр, быть может, это не совсем верно, – покачал головой проповедник.

Арамис с минуту изучающе смотрел на него, а затем, словно прочитав мысли собеседника, тихо рассмеялся:

– Bravo, преподобный отец! Великолепно! Ваши рассуждения безупречны, и у меня, как и у д'Артаньяна, будет достойный преемник. Итак, вы тоже полагаете, что королевская милость – отвлекающий манёвр?

– Думаю, в этом нет ничего невозможного.

– И вы правы, – утвердительно склонил голову генерал ордена, – король, даже подписав конкордат, ни минуты не будет связан им. Я знаю его христианнейшее величество с дурной стороны: он не замедлит нарушить клятву в удобное для себя время. А в том, что на сей раз он скрепит договор своей подписью, я не сомневаюсь.

– Однако мне не совсем понятно...

– Что, преподобный отец? Говорите, я буду счастлив просветить вас, если это в моих силах. Надо же мне почувствовать, что ещё не время совершенно отойти от дел, и я могу быть полезен ордену и лично вам.

– О, монсеньёр! – укоризненно воскликнул монах.

– Не стоит скромничать, преподобный отец. Вы превосходный политик, и срыв вашего посольства ничуть не роняет вас в моих глазах. Иначе ведь и быть не могло – теперь я это понимаю.

– Я именно об этом и хотел спросить, монсеньёр. Для чего было французскому королю отказывать мне в том, что он потом сделал бы для вас?

– По той простой причине, что Людовик Четырнадцатый – не менее великий политик, чем вы. Более того, он – ученик Мазарини. Он-то понимал, что поспешное согласие на основные наши условия неминуемо возбудит среди членов Королевского совета сомнения в искренности и твёрдости его намерений. А спектакль с отказом и последующим согласием был необходим, чтобы продемонстрировать добрую волю и готовность идти на уступки. Согласитесь, она многих подкупает – королевская уступчивость.

– В самом деле...

– Но не нас с вами, преподобный отец. Поэтому настоятельно рекомендую вам держать уши и глаза открытыми при дворе солнцеподобного величества.

– Конечно, монсеньёр. Но зачем нужен нам этот документ, если заранее известно, что король не намерен соблюдать его?

– Для многого, преподобный отец. Прежде всего, это даёт известный выигрыш во времени, – рассудительно молвил Арамис, – кроме того, в случае одностороннего расторжения трактата у нас будет возможность предъявить европейским дворам доказательства вероломства Людовика Четырнадцатого.

– Это всё, монсеньёр?

– Нет, есть и третья причина. Учитывая все обстоятельства, мне было крайне необходимо снова попасть во Францию в ранге посла. Это даст мне возможность хорошо послужить делу ордена и апостольской церкви. У меня сохранились здесь несведённые счёты, и я опасаясь возмутить души покойных друзей, оставив их и себя неотмщёнными. Да простит мне это Господь! – мрачно заключил Арамис.

– Аминь... – пробормотал отец д'Олива.

В эту минуту карета остановилась – кортеж достиг дворцовых ворот.

XI. Иезуиты (Продолжение)

Мы прибыли, монсеньёр! – вскричал разгорячённый скачкой Лозен.

Не дождавшись ответа и увидев, что занавески даже не шелохнулись, он взмахнул рукой, и карета покатила ко дворцу...

Здесь следует, пожалуй, уточнить представление читателя о том сооружении, которое со временем стало олицетворением не только могущества Бурбонов, но и абсолютизма вообще. Надо сказать, Версаль в 1668 году ещё не имел столь грандиозного величия, как в наши дни. Но уже тогда бывший охотничий замок, перестроенный Лево, по праву считался уникальным архитектурным шедевром. Его фасад был обращён в сторону огромного регулярного парка, созданного гениальным Ленотром. Всевозможные украшения, декоративные маски, вазы – всё было позолочено и сверкало, как драгоценности в шкатулке.

Арамис и д'Олива вышли у самой лестницы, ведущей ко двору обители Солнца. Преподобный отец вздрогнул от неожиданности открывшейся перед ним картины: до того резко отличался летний Версаль, принимавший его совсем недавно, от того унылого великолепия, которым дворец становился поздней осенью. Каскады фонтанов и водопадов внезапно иссякли, опустел бассейн, да и бесчисленные цветочные клумбы производили тягостное впечатление. Античные статуи работы Жирардона казались грозными безмолвными стражами, охраняющими вход в потерянный рай.

Единственным, что по-прежнему радовало глаз, было солнце, дарившее свой прохладный свет обильной позолоте. Но, стоило послам достигнуть верхней ступени, светило, словно по волшебству, целиком скрылось за внезапно налетевшим грозным облаком. Против воли священник покосился на медальный профиль герцога д'Аламеда, который с момента приезда обрёл свою прежнюю холодность.

Во дворе царил большое оживление, навеявшее Арамису воспоминания о приёмной господина де Тревиля: и тут и там небольшими кучками стояли мушкетёры. Но будто для того, чтобы развеять иллюзию преемственности благородных традиций, всюду сновали лакеи в разноцветных ливреях и рабочие в тёмных блузах, волочившие за собой гулкие тачки. Да и сами мушкетёры явно разнились с былыми преторианцами скованностью движений и настроженными взглядами в сторону окон при каждом неосторожном или громком слове.

«Всё мельчает» – вспомнилась прелату горькая фраза д'Артаньяна, часто повторяемая им в последние годы.

Арамис всей кожей ощущал на себе любопытные взгляды придворных. Он и впрямь выделялся из толпы своим строгим испанским костюмом чёрного бархата, отделанным серебряными галунами. Облачённый в великолепный парик, он казался по-прежнему молодым и изящным благодаря вновь обретенной безупречной осанке и лёгкой походке. Со шпагой, рукоятка которой была усыпана бриллиантами, и воинственным блеском чёрных глаз, таивших все опасности мира, он скорее походил на полководца, чем на церковного иерарха.

Следует оговориться, что, несмотря на весьма колоритный облик Арамиса, окружающих больше занимал шествовавший немного поодаль монах, памятный им в качестве испанского посла. Герцога, приехавшего полтора года назад, успели позабыть: тогда в Блуа все были увлечены едва занимавшимся романом короля с Атенаис де Монтеспан. Однако появление во дворе суперинтенданта, также одетого во всё чёрное, немедленно развеяло все предубеждения: сам Кольбер с приветливой улыбкой, никем из присутствующих доселе не виданной на его лице, направился прямо к Арамису. Сановники раскланялись друг с другом, и Кольбер пригласил гостей в свой кабинет.

Нечего и говорить, что, едва троица скрылась в галерее, все взоры приковал к себе начальник эскорта. Пегилен с видом человека, пресыщенного вниманием двора, с деланным безразличием отвечал на расспросы.

– Скажите, барон, ведь это тот самый иезуит, что недавно был уже здесь? – осведомился маркиз де Лавальер – брат опальной фаворитки.

– Да, это бывший испанский посланник. Как видите, он не смирился с постигшей его неудачей и вновь явился во всеоружии.

– А этот мрачный вельможа рядом с ним? Я, кажется, видел его раньше. Он держит себя как принц... – заметил придворный, утопающий в кружевной пене.

– Вы угадали, господин де Маникан: сей благородный идалго – именитейший гранд Испанского королевства, герцог д'Аламеда.

– Отчего-то это имя мне незнакомо, – задумчиво молвил де Бриенн, слышавший знатоком геральдики и помнивший наперечёт древнейшие фамилии Франции, Англии и Испании.

– Вполне возможно, маркиз: его светлость взыскан милостями Филиппа Четвёртого, который, несмотря на свою прижимистость, не был, как известно, скуп с одарёнными людьми.

– Ну, так его титул немногого стоит. По мне, баронство, насчитывающее двести лет, лучше герцогства, которому нет и двадцати, – заявил де Вард.

– Полноте, милостивый государь, – сухо прервал его де Лозен, – вы наносите оскорбление человеку, который не может требовать сатисфакции, будучи послом.

– Послом?! – воскликнули сразу несколько голосов.

– Именно так. Герцог д'Аламеда – посол Эскориала.

Маникан протиснулся сквозь толпу и шепнул де Гишу:

– Ещё один... Что это могло бы значить?

– Может, хоть этому улыбнётся счастье, – развёл руками де Гиш.

Тем временем в центре круга, образованного столпившимися придворными, развернулись интересные события. Побелевший от ярости де Вард обратился к Пегилену:

– Вам, кажется, вздумалось осадить меня, барон?

– Нисколько, граф, – резко ответил Пегилен, – я лишь заметил, что ваша дерзость к немногому вас обязывает.

– Ну, так она может обязать меня к большему. Не угодно ли?

– Остановитесь, сударь! – вмешался подоспевший Фронтенак, радуясь случаю проучить де Варда. – Господин де Лозен совершенно справедливо указал вам на невозможность дуэли между вами и послом. Вы же вместо того, чтобы образумиться, намереваетесь усугубить своё положение. Как это похоже на вас: злословить по адресу покойников и стариков.

– О, не беспокойтесь об этом, любезный господин де Фронтенак, – громко сказал Сент-Эньян, – старик этот, несмотря на свой почтенный возраст, лучше многих молодых владеет шпагой, хоть она у него и сверкает алмазами.

Пегилен изумлённо воззрился на друга: де Сент-Эньян никогда не участвовал в объяснениях подобного рода, особенно если это никак его не касалось. Надо сказать, причин такого принципиального невмешательства достойный капитан доселе не доискивался, однако читатели «Виконта де Бражелона», безусловно, догадываются, что в данном случае на королевского Меркурия благотворно повлияла памятная беседа с великолепным сеньором Брасье. Тем неожиданнее стала нынешняя выходка фаворита.

– Вот как! – нервно бросил де Вард, скрежеща зубами от унижения. – Не довелось ли вам испытать это на себе, граф?

– К счастью нет, но я знаю людей познатнее меня, удостоившихся такой чести.

– Что же это за принцы?

– Я прощаю ваш тон, милостивый государь, – улыбнулся Сент-Эньян, – так как объясняю его праздным любопытством. Назову лишь два имени, которых с лихвой хватило бы любому задире.

Лицо де Варда стало белее воротника жабо, но он смолчал.

– Слушайте же внимательно, сударь, и запоминайте: господин д'Аламеда убил в поединке герцога Шатильона и ранил кардинала де Реца в бытность того коадьютором.

Громкий ропот пробежал среди присутствующих, шокированных этими громкими именами. Де Вард был поражён не менее остальных, однако сумел сдержаться, ядовито заметив:

– Но господин Шатильон погиб во время Фронды, а испанец, выступавший на стороне бунтовщиков, да к тому же скрестивший шпагу с фрондирующим прелатом, производит в ранге посланника странное впечатление.

– Ваша логика безупречна, граф, и на это нечего было бы возразить, не будь герцог нашим соотечественником.

– Так он француз?!

– Вот именно. А что до поединка с коадьютором, то он имел на него право, сам будучи духовным лицом. В те годы господин д'Аламеда звался аббатом д'Эрбле.

– Аббат! – подчёркнуто презрительно повторил де Вард. – И это он убил Шатильона?

– В честном бою, пистолетной пулей, – увлечённо продолжал выкладывать недавно полученные сведения адъютант его величества, – но будьте покойны: он не всю жизнь посвятил Богу. Молодые годы герцог провёл в полку, который ныне возглавляет барон де Лозен. Видите, господа, какие люди выходят из мушкетёрских рядов, – засмеялся Сент-Эньян.

– Аббат д'Эрбле был мушкетёром? – переспросил сбитый с толку де Вард.

– И каким! Разве друг господина д'Артаньяна мог быть плохим воякой?

– Как?! Герцог знал д'Артаньяна?

– Говорю вам, что он был его близким другом, соратником, короче – одним из четырёх знаменитых. Что с вами, дорогой граф? Вы как будто побледнели?

– Но... как звался он в то время?

– Вас интересует его прозвище? А я, как нарочно, забыл его: они были до того схожи. Нет, погодите, я вспомнил: Арамис... Да-да, Арамис!

– Арамис... Проклятье... – неслышно прошептал де Вард.

– Положительно, вы пугаете меня своей бледностью. Ах, боже мой, я и запамятовал о вашей священной ненависти к покойному маршалу и всему, что было связано с ним. Фи, как это мелко, граф! Такая застарелая злоба давно уже не в моде: забудьте о ней, право слово, забудьте.

И Сент-Эньян, демонстративно повернувшись спиной к изничтоженному противнику, взял под руку капитана мушкетёров, и они проследовали в гвардейский зал, увлекая за собой большую часть собравшихся.

– Благодарю вас, граф, – тихо сказал Пегилен, вышагивая в ногу с де Сент-Эньяном, – но я и сам справился бы с этим делом.

Тот перевёл дух:

– Да кто посмел бы усомниться в вашей смелости, барон? Но ведь и вы знаете меня: разве стал бы я вмешиваться в чужую ссору по собственному почину?

– Это верно. Но что же тогда...

– Тс-с! Приказ короля, – загадочно улыбнулся Сент-Эньян и тут же громко произнёс: – Я слышал сегодня от его величества, что уже на будущей неделе двор переедет в Фонтенбло.

Дамы и кавалеры, следовавшие на почтительном расстоянии от двух фаворитов, при этих словах развили предельную скорость, дозволенную этикетом, и приятели снова очутились в плотном кольце любопытных.

А в те самые минуты, когда Сент-Эньян объяснялся с де Вардом, суперинтендант принимал у себя архиереев ордена Иисуса.

– Приношу вам свои извинения, господа, за скромность кабинета, – сдержанно обратился министр к иезуитам.

Арамис едва заметно кивнул, а д'Олива неуловимо улыбнулся: перед ним Кольбер уже извинялся за то же не так давно. Министр оценил реакцию гостей и продолжал:

– Преподобный отец может подтвердить вам, ваша светлость, что и в этой неприветливой обстановке можно заложить основы европейской безопасности.

На сей раз посол соизволил затруднить себя ответом:

– Не беспокойтесь, господин Кольбер. Знаете ли, мы, служители церкви, обязаны умерщвлять свою плоть, сдерживая тягу к мирским благам. А эта комната, при всей кажущейся скромности, всё же обставлена с непривычной для кельи роскошью.

Кольбер с восторгом принял шутку, столь редкую в устах Арамиса, что он поспешил произвести её в ранг добрых предзнаменований.

– Его величество велел мне засвидетельствовать вам его благорасположение. Он примет вас завтра в одиннадцать часов утра.

– Но вы, несомненно, осведомлены о решении, принятом королём?

– Ах, монсеньёр, его величество отличается той непредсказуемостью, которая была свойственна его славному деду. Наглядное подтверждение тому – прошлые переговоры. Я до самого последнего мгновения не подозревал об истинных планах его величества.

– Однако знали же вы то, что он нашёл нужным сообщить вам?

– Да, но это было... – Кольбер запнулся, потому что едва не сказал «ложью», – это было лишь первоначальным намерением.

Арамис с монахом обменялись многозначительными взглядами, что не могло ускользнуть от внимания суперинтенданта.

– Что-то подсказывает мне, господин Кольбер, что на сей раз первое намерение останется неизменным, – почти слащаво сказал герцог, глядя прямо в глаза министру.

Кольбер, взгляда которого не на шутку боялись первые храбрецы королевства, с лёгкостью отражавший молнии царственных очей, не смог выдержать взора Арамиса, как не мог его выдержать никто, за исключением Атоса и д'Артаньяна. Он опустил глаза и отвечал:

– Коли так, то вы можете быть уверены в благоприятном исходе своей миссии.

– Вы убеждены в этом, господин суперинтендант?

– Говорю вам, монсеньёр, что первоначальное намерение, на которое вы... на которое все мы уповаем, было подсказано, более того – было внушено его величеству человеком, весьма к вам расположенным.

– Бесконечно признателен вам за эту услугу, господин Кольбер. Я уверен, что упомянутый человек – вы, ибо кроме вас у меня не осталось друзей при французском дворе.

Кольбер ответил кивком.

– Итак, его христианнейшее величество видит будущее Франции в союзе с католической Испанией?

– Всё говорит за это, и прежде всего – голос моей совести.

Ни единым взмахом ресниц не выдал герцог д'Аламеда своих сомнений в наличии упомянутой добродетели у министра финансов. Он даже самым дружелюбным тоном отвечал:

– В таком случае я могу быть спокоен, сударь, ибо голос вашей совести – лучшая гарантия для самого взыскательного дипломата. Не так ли, преподобный отец?

Д'Олива, до этой минуты неподвижно сидевший в кресле и уже слившийся с интерьером кабинета, глухо отозвался:

– Что до меня, я никогда не сомневался в мудрости его превосходительства.

Кольбер вновь поклонился, на этот раз – монаху.

– Не зайдёт ли снова речь об активном участии Испанского королевства в военных действиях против Голландии? – упорствовал Арамис. – Поймите, господин Кольбер, что моя настойчивость объясняется лишь неприемлемостью условия, которое его величество соизволил выдвинуть в беседе с преподобным отцом.

Суперинтендант покачал головой и сказал:

– Скорее всего не будет внесено никаких изменений в составленный ранее документ. Что до военной помощи, она вряд ли необходима и уместна в нынешней политической обстановке.

– Целиком поддерживаю вас в этом и разделяю вашу убежденность. Вы понимаете, господин Кольбер, затруднительность нашего положения: ведь если голландцы посягнут на испанские земли, сопредельные с их владениями, нам нелегко будет оказать помощь подданным его католического величества, отделённым от Испании французскими просторами. Не думаю, что Людовик Четырнадцатый будет расположен оказать мне ту услугу, в которой не отказал некогда Франциск Первый Карлу Пятому. А терять Брюссель мы не намерены даже в обмен на всю Фрисландию, – твёрдо закончил Арамис.

– Нет-нет, конкордат касается лишь дружественного нейтралитета, мирных переговоров и послевоенного сотрудничества, не более того.

– Это устраивает всех, – кивнул герцог д'Аламеда.

Кольбер, страстно желавший перейти от государственных дел к обсуждению собственных, но не смевший говорить в присутствии д'Олива, не находил себе места. Арамис понял это и, сделав мимолётный знак иезуиту, громко сказал:

– Простите, господин суперинтендант, но преподобный отец, не имея, подобно вашему покорному слуге, военной выучки, чувствует себя совершенно разбитым после утомительного путешествия. Если это возможно, не соизволите ли вы освободить его от участия в дальнейшей беседе?

– Ну, разумеется, – заторопился министр и позвонил. – Проводите преподобного отца в его апартаменты, – приказал он помощнику, выросшему на пороге.

Как только те покинули кабинет, Кольбер обрёл ясность мысли и с самым невозмутимым видом уселся в кресло, оставленное монахом. Арамис, с большим интересом следивший за его перемещениями, первым нарушил молчание:

– Итак, любезный господин Кольбер, мы остались одни. Давайте поговорим.

ХII. Приказ короля

Накануне вечером король вызвал своего любимца – графа де Сент-Эньяна, который не замедлил явиться на зов с набором свежих сплетен. Людовик, слушавший дворцовую хронику вполуха со скучающим видом, внезапно оживился при упоминании об очередном столкновении Фронтенака с де Вардом.

– Эти двое положительно выводят меня из терпения. Не о них ли толковал ты мне около недели назад?

– У вашего величества прекрасная память, – не слишком тонко польстил Сент-Энъян.

– Они вроде не поделили мундир де Лозена?

– Что-то похожее на то, государь.

– В чём же было дело?

– Но...

– Довольно тайн, сударь! В прошлый раз я не стал вникать в суть, сочтя это случайностью. Но, если стычки повторяются, если им тесно вдвоём при дворе, если им, наконец, так необходимо зарезать друг друга, я желаю знать хотя бы – почему? Король я или нет?

– Виноват, государь.

– Говори.

– Насколько мне известно, поводом к ссоре послужил вовсе не сам барон и, уж конечно, не его плащ.

– Даже так! Меня обманули? Меня?!

– Как можно, государь! Вашему величеству вполне достоверно изложили форму имевшего место объяснения.

– Форму?

– Или, если угодно, личину. Личина же и причина, как известно, две разные вещи, государь.

– Справедливо, хотя и несколько дерзко. В чём же причина ссоры?

– Прошлой или нынешней?

– А разве у них разные причины?

– Прошу прощения, ваше величество. Причина действительно одна.

– Я так и думал. Итак?

– Де Вард всей душой...

– Скажи лучше: всем нутром. Лично я души в нём что-то не замечал.

– Ваша правда, государь. Итак, де Вард ненавидит господина д'Артаньяна.

– Д'Артаньяна?!

– Именно так.

Людовик XIV задумался. По выражению его лица фаворит решил было, что накликать большую беду на голову графа: Король-Солнце питал слабость к д'Артаньяну и чтил его память. Однако уже через минуту монарший гнев сменился живым интересом: казалось, король что-то задумал.

– А что, у де Варда есть веский повод для ненависти? – как бы невзначай поинтересовался он.

– Кажется, покойный маршал доставил много хлопот его отцу.

– Так, так...

– Хлопот или ранений – как будет угодно его величеству.

– Что ж, похвальная сыновняя привязанность, – заметил Людовик к величайшему изумлению Сент-Эньяна.

Затем, подумав, продолжал:

– А Фронтенак, стало быть, заступался за д'Артаньяна?
– Неизменно, государь. Господин де Фронтенак боготворит маршала.
– Похвальное дружеское чувство...
– О, маркизу не выпала честь дружить с господином д'Артаньяном, иначе, возможно, де Вард возненавидел бы и его. Тогда у нас уже было бы смертоубийство!
– Как?! Он, что же, нападает и на друзей моего гасконца?
– Вспомните, государь: он дрался с Бражелоном, а тот был всего только сыном его друга.
– Да, я припоминаю, – раздражённо отозвался Людовик, слегка помрачнев при упоминании Рауля.

Де Сент Эньян мысленно обругал себя за то, что нечаянно вызвал неудовольствие повелителя. Он поспешил направить беседу в более безопасное русло:

– Жаль, что никого из четырёх мушкетёров не осталось в живых. Кто-нибудь из них непременно убил бы графа.

– Ещё жив Арамис, – глухо сказал король, всё больше мрачняя.

– Разве, государь? Но ведь он всё равно что мёртв: никто не знает, что с ним случилось.

– Я-то знаю, Сент-Эньян.

Граф поклонился, признавая превосходство монарха, и застыл в ожидании новостей, чувствуя себя при этом вполне по-королевски. Сам король тем временем, видимо, пришёл к какому-то решению, поскольку увлечённо начал:

– Послушай-ка меня... Этого самого Арамиса, ставшего аббатом д'Эрбле, а впоследствии – ваннским епископом и правой рукой Фуке, сейчас зовут герцогом д'Аламеда. Ты запоминаешь?

– Судите сами, государь: Арамис, д'Эрбле, д'Аламеда...

– Молодец! Знаешь, завтра он прибывает в Версаль в качестве испанского посла. Не удивляйся, прошу: хватит и того, что удивляюсь я сам.

– Слушаю, государь.

– Нужно, чтобы всем стало известно прошлое господина д'Аламеда. Ведь это, клянусь Богом, славное прошлое славного рыцаря. Следует воздать послу почести, как по-твоему?

– Я понял, государь, однако...

– Ты колеблешься?!

– Да нет же. Просто думаю, что для выполнения такой миссии мне не мешало бы самому прежде узнать что-нибудь из его прошлого.

– Ты прав. Ну, что ж... Да взять хотя бы бастион Сен-Жерве. Тебе известна его история?

– Я дворянин, ваше величество.

– Что с того?

– Подвиг на бастионе Сен-Жерве – честь и слава дворянства шпаги. О да, мне известна эта история.

– Вот и хорошо. Далее: под Шарантоном шевалье д'Эрбле застрелил герцога Шатильона.

– О-о!

– Из пистолета, запомни. А чуть позже на дуэли проколол плечо коадьютору.

– Господину де Гонди?.. Кардиналу де Рецу?!

– Ему. Думаю, этого тебе будет достаточно. Прочие его подвиги – не для широкой огласки. Справишься?

– Будет в точности исполнено.

– Дело как раз по тебе, а?

– Сушая правда, государь.

– Значит, завтра утром это будут знать все?

– Все, имеющие уши, ваше величество.

– Не сомневаюсь. И прежде всего – де Вард, не так ли?

– Прежде всего, государь?

– Непременно. Он должен стать главной твоей целью. И к тому же...

– К тому же?..

– Если у всех прочих ты волен вызвать простое любопытство, то у де Варда должен разжечь ненависть.

– К герцогу д'Аламеда?

– Как можно? Нет, не к господину д'Аламеда, не к послу, что ты! К Арамису. К тому самому Арамису, что помогал д'Артаньяну изводить его почтенного родителя.

– Я понял, государь.

– Тогда ступай, да хорошенько всё обдумай. Посол Карла Второго будет здесь завтра около полудня: его карету поручено сопровождать мушкетёрам де Лозена.

– Я не ошибусь, ваше величество, – поклонился де Сент-Эньян, удаляясь.

Оставшись один, Людовик XIV прошёлся по комнате; затем, усевшись на табурет, задумчиво произнёс:

– Быть может, де Вард справится с тем, что не сделала на Бель-Иле моя армия. Ясно одно: Арамис должен умереть...

А фаворит, спускаясь по лестнице, втихомолку рассуждал: «Чёрт меня побери, если я только что не взялся организовать банальное убийство! Хотя состряпать за сутки нового Витри не так-то просто в наше время. Будь что будет...»

ХIII. Сделка

Мы уже видели, что Сент-Эньян с честью выполнил возложенное на него бесчестное поручение. В самом деле: двор оживлённо обсуждал загадочную личность герцога-мушкетёра. Что до графа де Варда, то он дрожал от едва сдерживаемой ненависти к человеку, на котором сосредоточилась вся его неутолимая злоба, делившаяся им ранее на пятерых. План Людовика XIV, таким образом, начал успешно претворяться в жизнь, но дальнейшее его развитие зависело от ловкости де Варда и воли Провидения.

Главное действующее лицо пьесы, разыгрываемой под сводами Версаля, отсутствовало во время сомнительного своего триумфа, никоим образом не входившего в его планы. Зато свидетелем его стал преподобный д'Олива, хорошо помнивший наказ начальника и ловивший поэтому каждое слово. От него, впрочем, и не требовалось особых усилий, чтобы раз десять услышать повторяемое на все лады имя Арамиса. Это обстоятельство сильно взволновало иезуита, однако он был бессилён предпринять что-либо до встречи с генералом: двери посольских покоев охранялись швейцарцами.

Теперь, пожалуй, самое время вернуться к герцогу д'Аламеда, покинутому нами в кабинете суперинтенданта как раз в то время, когда он счёл нужным начать разговор по душам. «Давайте поговорим», – предложил он собеседнику, но эти простые слова, а в особенности – тон, которым они были произнесены, обещал больше, чем то, в чём заключалось спасение дюжины министров. Холодное, как лягушка, сердце Кольбера забилося сильнее, и он с трудом подыскал слова для начала этой жизненно важной для него беседы:

– Монсеньёр, теперь, когда основное дело улажено или почти улажено к обоюдному удовольствию обеих держав, я считаю возможным обсудить проблемы иного характера.

Арамис хранил молчание, руководствуясь поровну деликатностью и осторожностью. Кольбер, расценив молчание как признак участия и заинтересованности, продолжал с нарастающим воодушевлением:

– Военные действия, как это хорошо известно вашей светлости, сопряжены с чрезвычайными расходами. И расходы эти, случается, бывают не вполне оправданы даже при благоприятном исходе кампании: политические выгоды редко выражаются в звоне монет, но они, естественно, куда более желанны, чем многомиллионные контрибуции, которые могут быть и не под силу столь же истощённому войною противнику.

– Противнику, который, в дополнение ко всем убыткам, был ещё и побеждён, а в вашем случае наголову разгромлен, – вежливо уточнил посол.

– Да-да, – поспешно согласился Кольбер, опасаясь упустить нить разговора, – одним словом, эти деньги исчезают бесследно, как порох.

– Позвольте возразить, господин Кольбер. Как солдат, хочу указать вам на то, что порох, сгорая, производит выстрел. А как дипломат, напоминаю: любой выстрел имеет цель, не говоря уж о возможных жертвах.

– Я, верно, обмолвился, – нервно усмехнулся министр, сознавая, что генерал иезуитов играет с ним, как кошка с мечущейся мышью. – Другими словами, средства, вложенные в войну, не скоро вновь обращаются в наличные. С этим вы согласны?

– Бесспорно, господин Кольбер. Хочу только выразить надежду, да что там – полную уверенность в том, что эти расходы никоим образом не могут сказаться на состоянии французской казны. Слава Богу, финансы Франции в надёжных руках.

Каждое слово герцога д'Аламеда кинжалом ранило сердце суперинтенданта. Однако тот нашёл в себе силы поклониться в ответ на изречённую любезность:

– Это могло быть и впрямь так, монсеньёр, если бы не сопутствующие войне обстоятельства...

– Понимаю, – сочувственно кивнул Арамис, – вы изволите говорить о банкротстве Ост-Индской компании?

Министр скрипнул зубами, но при этом откинулся в кресле, рассчитывая, что зубовой скрежет сойдёт за звук потревоженной мебели.

– Я убеждён, что это – временный дефицит. Мадагаскар покорится, кредит вернётся, а с ним и деньги. Ведь вы по-прежнему верны своему принципу, изложенному вами в Блуа: всегда иметь в запасе пять миллионов для преодоления подобных неожиданностей?

– Ах, господин д'Аламеда! – воскликнул слегка выведенный из равновесия суперинтендант. – Все эти неожиданности хоть и неприятны, однако всё же не губительны, а знаете почему?

– С нетерпением жду разъяснения.

– Так слушайте, монсеньёр. И война, и разорения, и кораблекрушения – производные жизнедеятельности государства, а значит – вещи предсказуемые.

– Следовательно?..

– Следовательно, на них всегда можно найти деньги, и верьте – они у меня находятся. Только не поймите меня превратно: говоря «у меня», я подразумеваю «у короля».

– Будьте покойны.

– Но есть в нашем бюджете расходная статья, которая никогда не может быть определена заранее.

– Даже вами?

– Даже мною.

– Полноте, сударь. Вы пугаете меня, что до вас удавалось, поверьте, немногим... В сущности, одному только д'Артаньяну и удавалось.

– Тем не менее это так.

– Что же это за статья, не подлежащая предварительной оценке? Уж не создание ли этого великолепия? – и Арамис выразительным жестом обвёл пространство вокруг.

– О нет. Строительство Версаля поглощает немало золота, это верно, но редко выходит за рамки сметы. Это всё – заведомо оговоренные суммы.

– Я, право, теряюсь в догадках.

– Оно и понятно, монсеньёр. Видно, что вы не были частым гостем при французском дворе.

– Если вы разумеете двор ныне царствующего короля, то не далеки от истины. Что до двора Людовика Тринадцатого, смею вас уверить: я знал его лучше многих других.

– Это другое, совсем другое.

– Да уж, – горько усмехнулся прелат, – наверное, вы правы: сын не слишком похож на отца. Естественно, что и окружение должно быть иным.

– Я говорю не о персонах.

– Значит, об этикете – этом полурелигиозном догмате современности?

«Ну всё, довольно водить его за нос, – подумал Арамис, – а то он в двух шагах от обморока».

Действительно, пот со щёк Кольбера можно было собирать стаканами.

– Нет, монсеньёр. Дворцовые приличия не оплачиваются из государственной казны и, следовательно, мало трогают меня. Я не придворный.

– Видимо, речь идёт о королевских забавах, – милостиво обронил посол давно ожидаемую собеседником фразу.

Вздых облегчения, вырвавшийся из птичьей груди Кольбера, напомнил Арамису шумное дыхание Портоса.

– О да, ваша светлость, вы попали в точку. Но... смею ли быть с вами вполне откровенным?

– Прошу вас всецело положиться на мою скромность, дорогой господин Кольбер.

– Благодарю вас, монсеньёр. В таком случае я сообщу вам, что эти забавы поглощают львиную долю доходов.

– В самом деле?

– Судите сами: за текущий военный год на празднества, балы и приёмы истрчено свыше девяти миллионов ливров.

Сумма не произвела впечатления на генерала ордена, однако она заставила внутренне содрогнуться бывшего ваннского епископа, помнившего крестный путь Фуке. Арамис понял, что пора брать дело в свои руки. Пристально глядя на суперинтенданта, он сказал:

– Будьте же откровенны до конца, господин Кольбер: эти расходы весьма обременительны?

– Да, монсеньёр.

– И в настоящее время они совершенно непосильны для казны, а значит – и для вас?

– Да, монсеньёр.

– А его величество снова потребовал денег?

– Да, монсеньёр...

Каждый из трёх ответов был тише предыдущего, поэтому в последний раз Арамису пришлось напрячь слух, чтобы расслышать шёпот министра финансов. Выдержав паузу, он, как бы размышляя вслух, заметил:

– А я-то, признаться, полагал, будто Людовик Четырнадцатый умеет просчитывать любые комбинации на много ходов вперёд...

Хладнокровие Арамиса и собственное отчаяние на мгновение помutilи разум Кольбера, он буквально взорвался:

– Ах, монсеньёр, да знаете ли вы так же хорошо, как я, человека, с которым мы оба имеем дело? Знаете ли вы его пристрастие к эффектам, оплаченным любой ценой?.. Знаете ли вы... – он умолк на полуслове, не в силах продолжать.

Великий финансист съёжился в своём кресле, как ребёнок. Генерал ордена услышал достаточно; медленно выпрямившись и хищно подавшись вперёд, он вкрадчиво спросил:

– Какая сумма вам необходима?

– Четыре миллиона, – встрепенулся Кольбер.

– Они могут поступить в ваше распоряжение уже завтра в это же время.

Кольбер закрыл глаза: он никогда ещё не чувствовал себя до такой степени счастливым. Ни арест Фуке, ни собственное назначение на должность суперинтенданта не шли в сравнение с нахлынувшими на него чувствами. Из царства грёз его вырвал властный голос герцога д'Аламеда:

– Взамен я ожидаю от вас одной услуги.

Кольбер вздрогнул и уставился на сидящего перед ним человека непонимающим взглядом, в котором мелькнула паника.

– Не беспокойтесь, сударь, – мрачно улыбнулся Арамис, – моя просьба не касается предмета порученных мне переговоров. Я не потребую ключей от крепости.

– Чего же вы хотите, монсеньёр?

– Очень малого и вместе с тем – очень многого.

– Однако будет ли это в моих...

– Это вполне в ваших силах. К тому же, – добавил Арамис, – моё желание отнюдь не разорительно, в отличие от королевских запросов. Итак?

– Итак, я согласен, монсеньёр.

– Но вы ещё не слышали моего условия.

– Вы чересчур порядочны, чтобы требовать чего-либо противного чести, и чересчур мудры – чтобы желать невозможного. Я внимательно слушаю вас, господин д'Аламеда.

– Bravo, господин Кольбер! Вы великий человек. Будьте уверены: вы не раскаетесь в своих словах.

– Я слушаю вас, – повторил суперинтендант.

– Знаком ли вам исповедник её величества, сударь? – спросил Арамис.

– Вы имеете в виду преподобного Паскаля, монсеньёр?

– Именно его. Давно ли он состоит при королеве?

– Уже седьмой год.

«Иными словами – с того времени, как король начал крутить с Лавальер...» – подумал генерал ордена. Вслух же рассчитанно медленно произнёс:

– Так вот, любезный господин суперинтендант. Я желаю иметь право назначить королеве нового духовника.

– Боже мой! – вырвалось у министра, изумлённо уставившегося на посла.

«Что за бред!» – пронеслось в его голове: Кольбер уже сожалел о тех комплиментах, касающихся мудрости посла, которыми он поспешил наградить того.

– Не стоит волноваться, – поднял руку Арамис, – я же не требую немедленной замены, да и её величество возражать не станет.

– А-а! Это меняет дело.

– Не правда ли? К тому же его преподобие, кажется, не молод?

– О да, старик – шестьдесят пять лет, – ответил Кольбер, не сообщив, что названный священник – ровесник самого Арамиса.

Но тот лишь задорно вскинул голову и сказал:

– Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь в случае кончины отца Паскаля?

– Само собой.

– И вы уверены, что король прислушается к вам?

– Вне всякого сомнения: ведь это я и рекомендовал преподобного Паскаля.

– Я верю в вас, сударь. Завтра по окончании переговоров вам будут вручены четыре миллиона ливров.

– Кто передаст мне их?

– Не всё ли равно кто? Главное – вы их получите.

– Верно. Но ведь...

– Вас что-то смущает, господин Кольбер?

– Не то чтобы... Но ведь ваша светлость ничего не получает взамен.

– Как так? А новый духовник её королевского величества? Разве душевный покой дочери Филиппа Четвёртого, моего благодетеля, не стоит четырёх миллионов?

– Безусловно, и я, поверьте, не отказал бы вам в этом и без денег, однако исполнение данного пожелания может затянуться на долгие годы, а мне бы хотелось...

– Пусть это не беспокоит вас, милостивый государь. Я, право, ценю вашу шепетильность, но, знаете ли, неисповедимы пути Господа. Просто не забывайте своего обещания, и предоставьте Богу решать, когда вам сдержать его.

И Арамис поднялся с ужасной улыбкой на устах, давая тем самым понять, что разговор окончен. Кольбер также встал и низко склонился перед герцогом. Он был спасён.

XIV. Замысел Арамиса вырисовывается

Посол покинул кабинет суперинтенданта, и тот же безмолвный помощник проводил герцога д'Аламеда до покоев, где его с нетерпением ожидал отец д'Олива. По взволнованному лицу своего преемника Арамис понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Приложив палец к губам, он обвёл апартаменты красноречивым взглядом и сел рядом с монахом.

– О монсеньёр, – полушёпотом обратился к нему иезуит по-итальянски, – знаете ли вы, о чём в эти минуты рассуждают придворные короля Людовика?

– Могу себе представить, – тихим голосом равнодушно ответил генерал на чистейшем римском наречии, – наверняка о нас с вами, преподобный отец. Это так понятно: ведь не каждый день ко двору являются послы. Хотя, – улыбнулся он, – как раз испанские амбассадоры что-то зачастили, и это также прекрасный повод посудачить. В общем, они говорят о нас, не так ли?

– Нет, монсеньёр, не о нас с вами, а исключительно о вас.

– Странно. Я-то скорее склонен был полагать, что только о вас, преподобный отец, ибо вас-то они знают и помнят.

– Несмотря на это, персона Арамиса занимает их куда больше простого священника.

Впервые за годы своего всемогущества магистр общества Иисуса утратил самообладание.

– Какое имя вы сейчас произнесли? – спросил он внезапно изменившимся голосом.

Иезуит ощутил внезапно подступивший к горлу ком. Набравшись храбрости, он сказал:

– Я никогда не осмелился бы сказать то, о чём обязан молчать, но когда это имя обсуждается на каждом шагу решительно всеми...

– Как! – гневно воскликнул Арамис. – Значит, моя тайна раскрыта? Вы говорите, это знают многие?

– Все, монсеньёр, – неумолимо повторил д'Олива.

– Что вы слышали? – взяв себя в руки, снова тихо спросил генерал.

– К сожалению, немного. Всё же из услышанного можно сделать определённые выводы.

– Какие?

– Я заключаю, что известно практически всё.

– Обо мне?

– О вас и о ваших старинных друзьях. Пока меня провожали сюда, я успел расслышать имена маршала д'Артаньяна и графа де Ла Фер...

Арамис стиснул зубы и смежил дрожащие веки.

– Дважды до меня донеслось имя кардинала де Реца и, кажется, название какой-то крепости.

Арамис широко распахнул глаза и быстро спросил:

– Шарантон?

– Точно так, монсеньёр. Теперь я вспомнил точную фразу: «битва под Шарантоном».

«Невероятно, – размышлял Арамис, – откуда могли узнать все эти бездельники про Шатильона? А про дуэль с коадьютором? Гонди слишком любит себя, чтобы хвастать собственным поражением. Чёрт возьми, да как они меня узнали, наконец? Не сам же Кольбер просветил их. Но если не он, то кто? Кто?..»

Словно проникнул в мысли генерала, монах промолвил:

– Не знаю, поможет ли это прояснить ситуацию, но один из придворных в разговоре с лейтенантом охраны сослался на графа де Сент-Эньяна.

– А! – воскликнул герцог д'Аламеда. – На Сент-Эньяна?

Иезуит утвердительно кивнул.

– Так, так... Я начинаю понимать.

– Правда, монсеньёр?

– О да! Его христианнейшему величеству вздумалось досадить мне, сделав историю моей жизни всеобщим достоянием.

– Досадить? Мне кажется, что для короля это...

– Слишком мелко, хотите вы сказать? Но не забывайте, преподобный отец, что нынешний король Франции подобен солнцу, дарящему свои лучи одинаково щедро и храмовой позолоте, и сточной канаве, не делающему различия между принцем крови и холопом. Людовик Четырнадцатый выше подобных предрассудков. Хотя... кто знает, возможно, это сделано им с единственной целью обезопасить себя.

– Но каким образом?

Метнув быстрый взгляд на иезуита, Арамис бесстрастно отвечал:

– Когда-нибудь вы это узнаете, преподобный отец, но не сегодня.

Монах почтительно кивнул.

– Вам, наверное, лестно будет узнать, что в тот день вы станете обладателем тайны, сделавшей меня тем, чем я являюсь ныне.

Д'Олива вздрогнул, но промолчал. Герцог д'Аламеда насмешливо продолжал:

– По крайней мере, есть одно обстоятельство моей жизни, о котором король точно не рассказал своему фавориту.

– Он не знал или... забыл? – спросил д'Олива, тут же упрекнув себя за наивность вопроса.

– Да нет. От таких воспоминаний не избавляются даже на смертном одре.

После этих слов в покоях повисло грозное молчание. Его нарушил Арамис:

– Суперинтендант теперь наш душой и телом.

Исподволь наблюдая за монахом, генерал с удовлетворением отметил, что отец д'Олива и бровью не повёл при данной новости. Арамис продолжал:

– Я попросил господина Кольбера об одной услуге, которую он немедленно согласился оказать.

– О!

– Более того: он выразил сожаление, что не имеет возможности исполнить просьбу тут же, не сходя с места. Я, как мог, успокоил его совесть. Он стал, знаете ли, на удивление совестлив, наш господин Кольбер.

– Вы говорите о...

– Да, о том деле, которое мы обсуждали в замке перед самым отъездом.

– Понимаю, монсеньёр. Значит, преподобный Паскаль нездоров?

– Плох, очень плох. Со дня на день ожидают самого худшего.

– Храни его Бог. Однако, если бы я мог знать...

– Что, преподобный отец?

– Если бы мне стала известна предполагаемая дата смерти, я...

– Вы?..

– Мог бы заказать службу в ближайшем монастыре ордена.

– Ах, это было бы весьма по-христиански. Ну, что ж, думаю, что отец Паскаль вряд ли переживёт десятое ноября.

– Значит, через две недели, монсеньёр?

– Да, преподобный отец. К тому времени я уже улажу земные дела д'Артаньяна и достойно подготовлю отца д'Арраса к его непростой роли. Он предупреждён, не так ли?

– Конечно, монсеньёр. Он предупреждён и ожидает приказаний в Нуази, под крылом аббата Базена.

– Превосходно! Ему не придётся долго ждать. Теперь слушайте внимательно, преподобный отец: завтра днём я уезжаю в Париж, дабы исполнить последнюю волю моего друга. Это

займёт, может статься, пару дней. Вы за это время найдёте способ передать господину Дюшесу мои опасения относительно состояния здоровья отца Паскаля.

– Господин Дюшес?

– Королевский виночерпий: он вполне наш человек, и совсем недавно получил от ордена семь тысяч экю. Дело в том, что он очень близок к духовнику её величества, и наш священный долг – известить его о дне возможной кончины преподобного отца.

– Будет сделано, монсеньёр.

– Не привлекайте к себе внимания: просто назовите Дюшесу число.

– Десятое ноября...

– Именно так.

– А завтрашний приём, монсеньёр? Вы уверены, что от Испании не потребуют никаких уступок?

– Никаких. Господин Кольбер испытывает слишком большую признательность, чтобы не предупредить подобной неожиданности. Не думайте о переговорах, преподобный отец. Конкордат о нейтралитете – пройденный этап. Теперь следует готовиться к войне.

– Выходит, война неизбежна? Министр говорил об этом?

– Думаю, суперинтенданта хватил бы удар, узнай он об этом сейчас. Всё же война – дело решённое, как любит повторять его величество.

– И предотвратить её никак нельзя?

– Не думаю, что мои замыслы успеют воплотиться быстрее, чем намерения христианнейшего короля. Так что они будут направлены скорее на отражение удара, а не на его предупреждение. Но далеко не всегда победителем в схватке выходит нападающий. Когда король делает своим оружием вероломство, его особа перестаёт быть священной для подданных, и уж тем паче – для людей церкви. В этом деле мне видится лишь одно существенное затруднение...

– Дозволено ли мне будет узнать, какое именно, монсеньёр?

– У замысла есть голова, и даже неплохая, есть твёрдая рука и увесистый кошелёк, но ему не хватает шпаги.

– Шпаги?..

– Я знаю, вы возразите мне, что орден располагает целой армией. Но это всё не то, что нужно мне, и я с удовольствием сменял бы эти полчища на любого из моих друзей. Вот это были шпаги, клянусь честью!

– С нами Бог, монсеньёр.

– Да я не спорю, но это тоже не то. Поверьте, с д'Артаньяном, Атосом и Портосом я чувствовал бы себя намного увереннее, чем со Святой Троицей.

Иезуит ничем не выдал своего религиозного возмущения, а может, он его и вовсе не испытывал.

– В одном я уповаю на Господа, – с чувством сказал Арамис, – может, Он ниспошлёт нам такую шпагу. Воистину, это под силу только Всевышнему.

– Господь не захочет унижения католической Испании, – убеждённо заявил д'Олива и перекрестился.

Герцог д'Аламеда последовал его примеру, затем откинулся в кресле и с самым безмятежным видом принялся насвистывать старинный мушкетёрский марш.

XV. О политике, стилистике и счетоводстве

По завершении утреннего туалета, церемониал которого был подробно описан нами ранее, Людовик XIV велел Кольберу задержаться. Придворные, привычные к привилегиям суперинтенданта, разошлись.

Король был в превосходном расположении духа, и проницательному министру даже не было нужды задаваться вопросом о причине этого довольства. Ему уже доложили, что весь прошлый вечер король протанцевал с маркизой де Монтеспан. Сияя доброжелательной улыбкой, Людовик обратился к Кольберу:

– Не могу отказать себе в удовольствии заметить, что выглядите вы на удивление свежо, дорогой господин Кольбер. Вероятно, неплохо выспались?

– Я имел дерзость улечься в десять часов, – смело отвечал Кольбер, умевший подобрать нужный тон в разговоре.

– В десять, сударь?! – с неподдельным изумлением воскликнул король. – В десять?

– Точно так, государь, – поклонился Кольбер, – в десять.

– Это не слишком похоже на вас.

– Вашему величеству, видимо, благоугодно осчастливить своего слугу воспоминанием о его трудах? В самом деле, на королевской службе я ещё ни разу не спал больше пяти часов в сутки.

– Я об этом и хотел упомянуть, господин Кольбер. Именно ваше постоянное усердие и заставило меня удивиться внезапной сонливости в такой судьбоносный момент. Не примите же моё удивление за неудовольствие.

– Как можно, государь! Впрочем, именно в этот судьбоносный момент я впервые за много лет спал спокойно.

– О, извольте объяснить, сударь: всё это весьма загадочно и любопытно.

– Ваше величество желает узнать, отчего на меня снизошло успокоение?

– А оно снизошло на вас?

– О да, государь, и только благодаря вашей мудрости.

– А-а, вот вы о чём.

– Да, государь, я говорю о договоре, который вы намереваетесь подписать. Как раз вчера я удостоверился в том, что испанцы целиком разделяют ваши устремления...

– Я думаю!

– ...и это внесло в мою душу небывалый покой и умиротворение.

– Не слишком ли большое значение придаёте вы этому?

– Вряд ли можно переоценить перспективы союза между такими державами, как Франция и Испания, но если вашему величеству угодно ещё раз обсудить это...

– Вот именно. Давайте поговорим об испанских делах.

– Я готов.

– Вы сумели отстоять свою позицию?

– Следуя вашим указаниям, государь, я склонил послов к подписанию прежнего соглашения.

– Без поправок?

– Было оговорено особо, что документ не претерпит существенных изменений, – твёрдо сказал Кольбер. – Я лишь исполнял волю вашего величества.

– О, я ни в чём не упрекаю вас, господин Кольбер, и прекрасно помню свои слова. Будьте спокойны! Никаких новых условий? Хорошо. Никаких изменений? Замечательно! Никаких поправок к договору? Прекрасно! Но это всё имеет отношение лишь к политике, не так ли?

– Да, государь, – ответил озадаченный министр.

– Я от души хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Было ли вами сказано, что текст договора останется первоизданным?

– Текст?

– Вспомните же. Упоминали ли вы о неприкосновенности текста, декларируя нерушимость самих условий?

– Текста, государь?

– Да, самого текста. Под текстом я разумею форму изложения этих самых условий, терминологию и грамматическое построение предложений.

– О, я не силён в грамматике, государь, но полагаю, что первенство в дипломатии принадлежит содержанию трактата, а не его стилистике.

– И?..

– Это значит, что послы не станут пенять на стилистические метаморфозы, если они не затрагивают сути проблемы, то есть буквы и духа договора.

– Я именно это и желал узнать, спасибо. Договор при вас?

– Вот он, государь.

– Ну так вот, господин Кольбер, я непременно подпишу его сегодня.

– Превосходно, государь. Я не сомневался в решимости вашего величества.

– Говорю это затем, чтобы вы не волновались попусту. Скажу больше: в документ не будет внесено никаких изменений.

– Рад это слышать, государь, ибо он полностью соответствует интересам Французского королевства.

– Политических изменений, сударь.

– Политических?

– Ну конечно, политических. Я оставляю за собой право на стилистические исправления.

Вы, может, хотите возразить?

– Нет, государь.

– Я так и думал. Да это сущие пустяки, и напрасно вы переживаете. Ради восстановления вашего душевного равновесия я внесу эту поправку прямо сейчас.

– Поправку?

– Да, всего одну. И она столь ничтожна, что господин д'Аламеда наверняка и не заметит её.

– В таком случае стоит ли...

– И в этом, и в любом другом случае – такова моя воля, – живо перебил его король, – и моим министрам следовало бы считаться с нею. Да полноте, господин Кольбер. Считайте это моим капризом или, если угодно, прихотью.

Суперинтендант, знавший цену королевским капризам с точностью до денье, а также лучше других разбиравшийся, во сколько в конечном итоге обходятся казне прихоти Людовика, невольно напрягся в ожидании.

– В договоре, кажется, есть пункт о ненападении Франции на испанские земли?

– Ах, разумеется, государь. Это одно из главных условий... неужели ваше величество желаете править именно его?

– Совсем незначительная поправка, сударь, имеющая к тому же своей целью воздать почести Габсбургскому дому.

– Коли так, государь...

– То вы не против, правда? Вы оправдали мои надежды, господин Кольбер: я знал, что вы сумеете оценить такой жест. В самом деле, в договоре то и дело упоминается Королевский совет, и гораздо реже – Карл Второй, который, несмотря на малый возраст, капризы её величества Марианны и устремления Дона Хуана, всё же король!

– Вы, конечно, правы, государь, – согласился успокоенный Кольбер.

– Думаю, да. Итак, вы согласны?

– Всецело!

– Я рад. Тогда благоволите внести поправку такого рода... Но прочтите прежде этот пункт.

– Читаю, государь: «Французское королевство, в свою очередь, берёт на себя обязательство воздерживаться от любых враждебных действий против испанских владений, а также, буде в том...»

– Довольно, сударь.

– Но тут ещё не всё.

– С меня хватит и этого. Видите, как я неприхотлив.

– Я слушаю, государь.

– Да просто исправьте слова «испанские владения» на «владения, по праву унаследованные его католическим величеством Карлом Вторым от своего отца – Филиппа Четвёртого». Это получится хоть и длиннее, зато не в пример красивее, а главное – дружественнее. Тут и дань памяти моего тестя, и признание прав наследника. Вы знаете, господин Кольбер, что из-за моего брака многие в Европе поговаривают о притязаниях Бурбонов на испанский престол. Мне порядком надоели эти болтуны, а подобной фразой я разом положу конец подозрениям.

– Несомненно, государь!

– Вы, значит, находите мои рассуждения правильными?

– Я нахожу, что они превосходны и вполне достойны вашего величества.

– Эта поправка никоим образом не может повлиять на переговоры, разве не так?

– Разве что положительно, государь. Но...

– Что, сударь?

– Должно ли мне внести эту оговорку везде, где упоминаются «испанские владения»?

– Не стоит, – поморщился король, – это было бы неуместно. Сделайте то, что сказано.

– Это всё?

– Всё, господин Кольбер. В остальном договор останется неизменным.

– Прекрасно! Я немедленно распоряжусь переписать соглашение начисто.

– Сделайте милость. Но прежде расскажите мне об аудиенции, которую вы дали послу.

– Послу?

– Да, послу. Разве вы не отпустили монаха после первых минут разговора?

– Так и было, государь, – признался похолодевший министр. – Преподобный отец почувствовал недомогание и попросил разрешения отдохнуть.

– И вы вели переговоры исключительно с герцогом д'Аламеда? Наедине?

– Да, государь, но нам и не было нужды договариваться о чём-либо: всё было известно заранее. Миссия герцога сводится к завершению посольства отца д'Олива.

– Справедливо. Значит, вы не затрагивали никаких иных вопросов, помимо этого договора?

– Никаких, – осторожно солгал Кольбер.

– И господин д'Аламеда не предавался воспоминаниям?

– Ни разу.

– Неужели он не упомянул даже о д'Артаньяне?

– Ни единым словом. Мы говорили только о политике.

– Удивительно.

– Разве, государь?

– Да-да, удивительно! Весь двор только и говорит о давних похождениях испанского посла, о его былых подвигах, о его боевых товарищах, а сам он даже не вспоминает об этом...

– Как? – упавшим голосом пролепетал министр. – Весь двор?..

– Ну конечно. Вам не мешало бы иногда покидать свой кабинет, господин Кольбер, раз уж вы стали освобождаться раньше десяти, и прислушиваться к тому, о чём говорят при дворе. Ручаюсь, не пожалеете.

– Помилуйте, государь! – воскликнул побелевший Кольбер, не слушая короля. – Откуда могло стать известно вашим придворным прошлое герцога д'Аламеда?

– Арамиса, хотите вы сказать? Во дворце его величают именно так.

– Господи Иисусе... Пусть так. От кого же они это узнали?!

– Полно, сударь! Что это вы разнервничались? Двор знает всё обо всех, и я не вижу, почему герцог должен составить исключение.

– Да потому, что... Но разве вы забыли, государь, о нашем недавнем разговоре?

– Я ничего не забываю, сударь, – высокомерно сказал король.

– В таком случае вы помните, о чём говорила герцогиня де Шеврёз.

– Да правда ли это?

– Святая правда!

– Ого! В прошлый раз вы не были столь категоричны в утверждениях. Но даже если это правда, что с того?

– Что с того?..

– Да, что с того?! – с вызовом бросил Людовик. – Разве я могу запретить своим подданным обсуждать человека на том основании, что он имеет удовольствие возглавлять общество Иисуса?

– Да, государь!

– Что такое? – поднял брови Людовик.

– Вы можете сделать это, и вы должны, обязаны запретить обсуждение под страхом смертной казни! – воскликнул Кольбер, явственно ощутив под ногами финансовую пропасть.

– Да вы рехнулись, сударь! – резко сказал король. – Вы отдаёте себе отчёт в своей дерзости?

– Я? О да, я-то отдаю отчёт себе и по первому требованию готов дать отчёт вашему величеству.

– Что ж, я жду.

– Государь, эти пересуды наносят непоправимый ущерб вашим интересам.

– Не вижу, каким образом.

– Неразумно восстанавливать против себя генерала иезуитов и повелителя Испании, а значит – одного из самых могущественных людей мира. Сплетни могут оскорбить его, ибо он по природе своей весьма скрытен. А оскорблять его было бы уже не глупостью даже, а настоящим преступлением!

– Против кого же?

– Против вас, государь, против мира и против Франции. Герцог д'Аламеда может быть либо несравненным другом, либо страшным в своей беспощадности врагом.

– Но я, сударь, я – французский король и, являясь таковым, свободен от страха перед своими бывшими подданными. Несравненный друг, говорите вы? Я лучше вас знаю цену его дружбе. Герцог д'Аламеда – изменник, и вам это прекрасно известно!

– Осмелюсь заметить, что я не знаю, в чём заключалась его измена...

Если бы Кольбер мог предугадать реакцию Людовика XIV на это замечание, он предпочёл бы скорее проглотить язык, чем высказать его. При воспоминании о преступлении ваннского епископа король утратил всякое самообладание:

– Тысяча чертей! Вам и нет надобности это знать! Если я утверждаю, что герцог – изменник, то вы обязаны принимать это на веру. Я – король, и если только пожелаю, этот проклятый мушкетёр через час будет заточён в Бастилию! Навсегда! Я – король! Я!!!

Кольберу сделалось нехорошо при виде искажённого яростью лица короля. Он согнулся в глубоком поклоне, и это изъявление безоговорочной покорности несколько отрезвило рас-свирепевшего самодержца. Голосом, всё ещё срывающимся от гнева, но лишённым уже следов злобы, Людовик спросил:

– Вы одумались, сударь?

– О да, государь.

– Больше никогда не пытайтесь противопоставить мне другого человека, будь он даже папой или вторым мессией.

– Слушаю, государь.

– Смиритесь с тем, что меня мало заботят личные переживания испанского посла. Пусть его имя обсуждается на все лады – я и пальцем не шевельну. В конце концов, ему должно быть лестно внимание французского двора к его особе, разве не так?

– Наверное, ваше величество, – бесцветно откликнулся Кольбер.

– Так-то лучше, – покровительственным тоном произнёс Людовик. – Я доволен, что мы пришли к единому мнению. Кстати, – добавил он, – я не слышал, чтобы кто-нибудь упомянул о тайном звании господина д'Аламеда. Вы понимаете?

Кольбер поднял голову и с надеждой взглянул на короля:

– Значит ли это, что тайна осталась тайной?

– Да. Говорят лишь об общеизвестных событиях, таких как бастион Сен-Жерве и Фронда, где отличился наш гость. Надо сказать, все слухи весьма и весьма лестны. Как видите, ничего страшного.

– Совсем ничего, государь, вы правы.

– А раз я прав, то делайте своё дело, дорогой господин Кольбер: до приёма осталось чуть более часа, а конкордат ещё нужно переписать.

– Церемония приёма остаётся в силе, государь?

– Да, скромная аудиенция без излишней торжественности. Помпа неуместна в условиях повторной миссии.

– Итак, я могу удалиться?

– Да, можете. Хотя... нет, подождите! Я забыл сказать вам относительно переезда...

– Переезда?

– Да, переезда в Фонтенбло. Я рассказывал вам о нём пару недель назад.

– Я помню, государь.

– Вы, надеюсь, так же хорошо запомнили и сумму, которую я тогда затребовал у вас?

– Отлично помню, государь – четыре миллиона ливров.

– Знаете, господин Кольбер, с тех пор я произвёл перерасчёт.

– Вы, ваше величество?

– Да, я. И убедился в ошибочности названной цифры.

– О! – с плохо скрытой надеждой произнёс суперинтендант.

– Я передумал. Мне потребуется вовсе не четыре миллиона.

– А сколько?

– Пять, и завтра же.

Кольбер стойко выдержал удар – пятью миллионами он располагал благодаря Арамису и собственной предусмотрительности.

– Итак, сударь? – нетерпеливо сказал король.

– Итак, ваше величество получит пять миллионов, – холодно ответил министр.

– Завтра?

– Завтра в час пополудни.

– Чудесно, сударь, чудесно!

– Но, государь, могу ли я смиренно надеяться, что эта цифра больше не увеличится?

– О да, не тревожьтесь, любезный господин Кольбер. Я убедился в вашем несомненном превосходстве, и с нынешнего дня, клянусь, заброшу счетоводство. Не моё это дело, раз я допускаю миллионные просчёты. Нет, пять миллионов – это всё. Должен же и у королей быть предел! – весело сказал Людовик.

«Если бы это было так!» – гневно подумал Кольбер и сдержанно поклонился.

XVI. О том, как Людовик XIV устроил судьбу Маликорна

Выйдя из королевской опочивальни и увидав ожидающего у дверей графа де Сент-Эньяна, Кольбер ответил на его изысканное приветствие безликим кивком. Министр всё ещё находился под впечатлением потери миллиона, который намеревался сэкономить. Несмотря на это, он успел подумать о том, что вроде знаком с дворянином, скромно стоящим подле Сент-Эньяна. В эту минуту из спальни донёсся повелительный голос Людовика XIV:

– Впустить господ де Сент-Эньяна и де Маликорна!

Молодые люди, немедленно утратив скучающий вид, устремились на зов. Как легко можно заключить из предыдущего диалога, король был ещё счастливее прежнего, ибо к радужному настроению прибавились торжество над строптивым суперинтендантом и такая безделья, как сто тысяч пистолей. Сент-Эньян и Маликорн не принадлежали к числу людей, не умеющих выстроить линию поведения по одному движению бровей монарха. Их реверансы потому были не вполне безупречны, а походка – чуть более размашиста, чем дозволялось даже фаворитам. Однако, именно являясь таковыми, они знали, что королю в подобном состоянии скорее по душе некоторая вольность в словах и жестах, нежели скованность и пуританская чопорность.

Расположившись в позолоченном кресле, король обратился к Сент-Эньяну:

– Прежде всего, граф, хочу выразить вам признательность за... вы знаете, за что.

– Кажется, знаю, государь.

– Я обо всём наслышан. Вы весьма изобретательны и находчивы, впрочем, как и всегда.

Поздравляю!

– Ваше величество слишком добры.

– У нас ещё будет время потолковать об этом. А сейчас, дорогой граф, позвольте мне сосредоточить всё внимание на господине де Маликорне. Мы не часто видим его при дворе, и это очень огорчает нас.

– О государь, если это обстоятельство лишь огорчает ваше величество, то меня, поверьте, повергает в полнейшее отчаяние, – отвечал Маликорн с улыбкой, в которой было больше лукавства, нежели грусти.

Де Сент-Эньян тем временем устроился у кресла, на котором восседал Людовик, удобно прислонившись к высокой спинке.

– Это был поистине чёрный день для Версаля, когда вы предпочли службу у принца королевской службе.

– На то у меня была важная причина, которую ваше величество, безусловно, можете понять.

– Как же, как же! Припоминаю, что тут замешана женщина.

– О, государь...

– И прехорошенькая, – заметил король тоном знатока.

– Ах, государь...

– Её зовут...

– Государь, я не называл её имени, – поспешно сказал Маликорн.

– ...Филис, – весело заключил король. – В самом деле, дорогой де Маликорн, ваша щепетильность меня умиляет. Не пытаетесь же вы в самом деле скрыть от своего короля и графа де Сент-Эньяна имя той, которая столько лет зовётся вашей невестой. Я устал ждать того дня, когда вы обратитесь ко мне с просьбой дать согласие на брак с мадемуазель де Монтале.

– Вы ждали семь лет, ваше величество, – без тени смущения на умном лице парировал Маликорн, – и надеюсь, согласитесь обождать ещё чуточку.

– Но чего же? – благодушно осведомился король.

– Я хочу добиться прочного положения в свете.

– Вы шутите, любезный де Маликорн! Как прикажете вас понимать? Вся ваша жизнь или, по крайней мере, известный мне её отрезок – сплошной триумф. Вам двадцать девять лет, вы дворянин с честным именем и, если не ошибаюсь, тридцатью тысячами дохода. Так ли это, отвечайте мне.

– Тридцатью шестью, государь, – мягко поправил Маликорн. – Ваша правда, мой покойный отец оставил меня не совершенно нищим.

– К тому же вы – приближённый моего брата, первого принца крови. И даже доведись вам снова потерять должность, будьте уверены: ваш король слишком любит вас, чтобы не предложить место и почётнее, и доходнее, чем в Сен-Клу.

– Ваше величество вносит меня в список своих вечных должников, – взволнованно сказал Маликорн, с беспокойством подмечая, что говорит вполне искренне.

– Не будем об этом. Мне известно чересчур мало людей ваших достоинств, господин де Маликорн, чтобы ваша судьба не заботила меня. Я желаю, чтобы в самое ближайшее время вы испросили у меня аудиенции.

– Аудиенции? – переспросил разомлевший Маликорн.

– Именно так, дорогой де Маликорн, – аудиенции.

– А для чего, государь?

– Право, это становится забавным! – воскликнул король. – Очнитесь, сударь! Для того, чтобы получить разрешение на свадьбу. Вы не откажете мне в этой малости?

– Ни в коем случае.

– Значит?

– Ваше величество, умоляю дать мне время.

– Только ради вас – пожалуйста. Но не заставляйте меня долго ждать.

– Что вы, государь!

– Три недели.

– Три?..

– Не больше, сударь! – с напускной строгостью оборвал его король. – Я хочу утвердить ваш брачный контракт ещё в этом году.

– Я повинуюсь, государь, – сказал сияющий Маликорн.

– И пусть вас не тревожит приданое невесты, – добавил король с самым приветливым видом, – это моя забота.

– Я... не смею, – пролепетал Маликорн, подавленный обрушившимися на него милостями, – как можно...

Но в эту секунду он перехватил устремлённый прямо на него взгляд королевского адъютанта и замолк. Глаза Сент-Эньяна лучше всяких слов вещали: «Да соглашайтесь же и благодарите, трижды безумец!»

От внимания Людовика не укрылось то, что Маликорн смотрит не на него, а куда-то вбок, и он, в свою очередь, оглянулся на Сент-Эньяна. Но тот, казалось, был всецело поглощён важным процессом сдувания пылинки, севшей на его камзол, и король отвернулся. Перед ним по-прежнему стоял Маликорн, но – уже принявший к сведению молчаливый совет графа.

– Я приношу тысячу благодарностей вашему величеству, – с чарующей кротостью произнёс Маликорн. – Через три недели я снова буду иметь честь беседовать с вашим величеством.

– Итак, решено! – потёр руки Людовик. – День начинается исключительно хорошо. Ещё час, и я чувствую, что сумею переманить вас к себе.

– Государь... – покачал головой Маликорн.

– Нет, ну что это такое! Вы уже почти две недели находитесь в Версале, сударь. Скажите по совести – разве тут не лучше, чем в Сен-Клу?

– Но вашему величеству известно обстоятельство, удерживающее меня в Сен-Клу.

– Настолько хорошо известно, что я даже намерен женить вас на этом самом обстоятельстве. Но если я так настаиваю, то не в последнюю очередь потому, что желаю впредь всегда иметь вас при себе.

– В таком случае, государь, вы отнимете меня у супруги сразу после свадьбы.

– Нет, я сделаю её фрейлиной королевы.

– О!..

– Не привлекательней же, в конце концов, служба у Мадам королевской свиты.

– Но Ора... простите, ваше величество, – мадемуазель де Монтале предана принцессе и, надо думать, любит её всей душой.

– Ну, посмотрим, – сказал Людовик, – всё же передайте ей моё пожелание. И заметьте также, – многозначительно присовокупил он, – что на сей раз это предложение делает ей король, а не... подруга.

Маликорн поклонился.

– Но вы не ответили мне, сударь.

– Как, ваше величество?

– Да, относительно Версаля и Сен-Клу.

– Уместно ли сравнение, государь?

– В плане архитектуры – наверное, нет, но в смысле обычаев – думаю, вполне.

– Обычаев?

– Обычаи – это праздники, приёмы, развлечения, словом – заведённый порядок вещей.

– Я понял, государь. Но поверьте, сравнение архитектурных достоинств было бы куда более лестным для нашего скромного двора.

– Ладно, сударь, не будьте таким скрытным!

– По чести, ваше величество, жизнь в Сен-Клу невыразимо скучна или, вернее сказать – размеренна. И без усилий принцессы мы зачали бы окончательно.

– Вот как! Однако мой брат любит поразвлечься.

– Раньше – возможно, но уже долгое время обходятся почти совсем без этого.

– Филипп скучает? Значит, он хандрит?

– Это так, государь.

– Но у него много друзей.

– Нет, государь. Господин де Вард предпочёл остаться при дворе, граф де Гиш уделяет гораздо больше внимания принцессе, чем его высочеству. Что до господина де Маникана, то он слишком ленив, чтобы находиться возле принца неотлучно. Остаёмся только мы с маркизом д'Эффиатом, да с дюжину его всегдашних дворян, которых принц не подпускает слишком близко.

– Как это печально! Филипп, такой весёлый и общительный, совершенно одинок. В прежние дни у него был по крайней мере Лоррен...

Маликорн с самым невозмутимым видом встретил пристальный взгляд короля, которым тот сопроводил это размышление вслух.

– Кстати, известно ли что-нибудь о шевалье?

– О шевалье де Лоррене?

– О ком же ещё?

– Он в Риме, государь.

– Откуда это известно вам, дорогой де Маликорн?

– Все об этом толкуют, ваше величество.

– Тогда скажите, откуда это известно всем.

– Не знаю, ваше величество. Так говорят...

– Ого! Этак вы заставите меня уверовать, будто ангел Господень просветил обитателей Сен-Клу о местопребывании шевалье.

– Скорее, дьявол... – подал голос де Сент-Эньян, делая знак Маликорну быть более откровенным.

На этот раз король успел заметить жест Сент-Эньяна, однако не подал виду, а лишь внимательно посмотрел на Маликорна.

– Право, государь, – спокойно обратился к нему Маликорн, – присутствие вашего величества оказывает благотворное влияние на мою память. Теперь я припоминаю, что время от времени в Сен-Клу приходят письма...

– Из Рима, не так ли?

– Из Рима, – подтвердил Маликорн.

– Благодарю вас, сударь, – сказал король после минутного молчания, – и не вините себя за свою откровенность, ибо первейшая обязанность дворянина – это честность, тем более в общении с королём.

– Я хорошо это понимаю, государь, – учтиво отвечал Маликорн.

– Вы меня восхищаете, сударь! Я и впредь могу на вас рассчитывать, верно?

– Всецело, ваше величество. Моя шпага и жизнь принадлежат вам.

– О, меня-то больше прельщают ваши ум и находчивость, любезный господин де Маликорн. По этой самой причине я и тороплю вас со свадьбой. Ничто не развивает природную хитрость и изворотливость вернее молодой жены.

– Это верно, государь, хотя бы даже только в моём случае, – подхватил Маликорн.

– Я так и думал. Итак, не забывайте же о своих обязательствах и рассчитывайте на моё к вам искреннее расположение. Сейчас я отпускаю вас, – улыбнулся Людовик, – ибо знаю, что у вас есть спешное дело к мадемуазель де Монтале.

Маликорн, рассыпаясь в благодарностях, отвесил последний поклон и покинул покои короля. В передней он перевёл дух и направился вдоль галереи, вполголоса беседуя с самим собой:

– Если не это называется продать свою душу, то я уж и не знаю, что тогда. В любом случае я, кажется, не продешевил. А впрочем, в чём я ручался, кроме того, что буду служить королю? Разве не в этом заключается мой долг? Конечно, именно в этом! Или нет? Всё же, наверное, в этом, особенно если тем самым я могу послужить себе. А! Нет ничего зазорного в такой службе; это даже почётно: быть полномочным ухом и глазом Людовика Четырнадцатого при Филиппе Орлеанском. Да-да, я тысячу раз прав, и сам д'Артаньян на моём месте не мог быть шепетильнее.

Рассуждая столь незатейливым образом, он добрёл до зала, в котором множество версальских постояльцев томились в ожидании суверена. Не без труда отыскав среди дам Монтале, он взглядом пригласил её проследовать за ним на балкон. Прервав щебет, девушка оставила прочих фрейлин и через пять минут присоединилась к Маликорну.

– Вы, как всегда, вовремя, – сердито обратилась она к нему, – именно сейчас должен появиться король, а я оставила прекрасное место у входа. И всё ради ваших дивных глаз!

– Король занят разговором с графом де Сент-Эньяном, – в тон ей ответил Маликорн, – так что жертва ваша не столь уж велика, милая Ора.

– Ах, боже ты мой, ну, а вам-то почём это знать?

– Я только что из его опочивальни.

– Опочивальни графа?

– Да нет, короля.

– Что это вы там делали? Разве вы присутствовали при утреннем туалете его величества?

– Нет, король был так милостив, что освободил меня от сей скучнейшей процедуры. В самом деле, это означало бы уподобиться всевозможным герцогам и пэрам. Его величество справедливо счёл это чересчур унижительным для моей персоны и соблаговолил принять меня одетым.

– Господи, ну что вы такое говорите?! – ахнула Монтале, испуганно озираясь по сторонам.

– Ах, неужели вам страшно, Ора? Страшно за меня?

– Мне? Вот ещё! Можете говорить, что вам вздумается, – холодно объявила девушка, бросив всё-таки последний взгляд через плечо.

– Нет, признайтесь, что боитесь, как бы какой-нибудь Конде не пронзил меня шпагой.

– Скорее вы проткнёте его своим длинным языком.

– Вы правы, я и впрямь лёгок и очарователен в общении. Благодарю за комплимент, – поклонился Маликорн.

– Я не делала вам никакого комплимента! – вскинулась Монтале.

– Разве это были не вы? Я, видимо, что-то перепутал. Но кто-то же явно осыпал меня сегодня комплиментами! Ах да, вспомнил: это действительно были не вы, Ора.

– Не я?! Кто же тогда?! Отвечайте немедленно!

– Вы ревнуете?

– Я?!

– Вы, вы.

– Неважно! – запальчиво воскликнула Монтале. – Извольте немедленно сказать, кто это наговорил вам любезностей, или...

– Или?..

– Или, клянусь, я сброшу вас с этого балкона! – и Монтале сделала шаг к Маликорну.

– До чего это романтично, Ора! Вы поистине прекрасны в гневе. О, эти поджатые губки!..

– Волокита!

– Эти пылающие щёчки...

– Злодей!

– Эти горящие глазки!

– Чудовище!

– Нет, это становится слишком прекрасным. Я отвечу!

– Отвечайте!

– Но я, кажется, уже говорил, что находился у короля.

– Ну, и что же?

– Так это он и был.

– Король? Король осыпал вас комплиментами?

– Да, представьте, на протяжении получаса или около того.

– С какой же стати?

– Обычное дело. Король узнал, что я при дворе, и счёл нужным воздать мне должное.

– Вы несносны, Маликорн!

– Однако вы же сносите меня уже почти десять лет.

– Вы испытываете моё терпение, предупреждаю!

– Да уж, терпение почти ангельское...

– Что вам сказал король? Это как-то связано с Луизой?

– А вы воображаете, что всё должно быть связано с нею? Нет, милая Ора, должен вас расстроить: скорее всего в ближайшем будущем, напротив, уже ничто в Версале не будет напоминать о герцогине де Вожур.

– Ужасно!

– Печально, да.

– Но что же тогда?

– Вы о моей аудиенции у короля?

– Ну конечно! Говорите скорее.

– Его величество всерьёз озабочен моим будущим...

– Опять вы...

– Нет, на этот раз я серьёзен как никогда. Его величество дал мне три недели на сборы и приготовления.

– Как так?

– Через три недели я обязан явиться к королю во всеоружии.

– О, боже мой!.. Я догадалась. Это ужасно!

– Гм! Я всё же не так трагично смотрю на это. Но посмотрим... о чём вы подумали, Ора?

– Король посылает вас в армию? На войну?!

– Почти так.

– Почти?

– Ну да, почти. Он велит мне жениться на вас.

За этой фразой, с большой натяжкой могущей считаться предложением руки и сердца, последовала длительная пауза, в продолжение которой лицо Монтале принимало последовательно все оттенки красного цвета – от нежно-розового до пунцового. Наконец она переспросила:

– Жениться на мне?

– Точно, – кивнул Маликорн. – Жениться. На вас.

Монтале почудилось, что она уловила в словах Маликорна насмешку, и она гордо вскинула голову. Но в глазах молодого человека светилась такая нежность, что язвительный ответ замер у неё на устах.

– Король сам сказал об этом?

– Он самым категоричным образом приказал это.

– Но почему?

– Говорю же: он любит меня, а также знает, что я...

– Что вы?..

– Люблю вас, Ора, – серьёзно закончил Маликорн.

– Ах!

– Скажите, вы согласны?

– Я... я не знаю.

– Поймите, что я спрашиваю вас скорее из вежливости, потому что это – дело решённое.

Королевская воля священна! – важно заявил Маликорн.

– Да как вы смеете!

– Смею, ибо люблю.

– Я согласна.

– Я так и думал.

– Всё-таки вы чудовище, господин де Маликорн.

– Это неважно. Главное, вы согласны, и это делает меня сразу и счастливейшим из смертных, и вернейшим из верноподданных.

– Но мои родители...

– Неужели вы думаете, что они воспротивятся прямому приказу короля?

– Господин де Маликорн, извольте впредь не называть это приказом!

– Как же прикажете это называть?

– Как-нибудь... иначе. Например, пожеланием.

– Договорились, госпожа де Маликорн.

– Монтале! Мадемуазель де Монтале!

– Правда, я слишком тороплюсь.

– Будьте сдержаннее.

– И это говорите мне вы, Ора?

– Я тоже буду сдержаннее.

- Вы? – недоверчиво спросил Маликорн.
- С этой минуты – да. Положение обязывает.
- Положение? О чём вы? Какое такое положение?
- Положение будущей супруги самого ужасного, невыносимого, самовлюблённого человека в мире.
- Нечего сказать, завидное положение.
- Да уж, не жалею, – улыбнулась Монтале.
- Итак...
- Что?
- Давайте пройдем в зал рука об руку, моя дорогая малютка-жена.
- Пожалуй...

Влюблённые так и поступили, но их появление, увы, не произвело ровно никакого впечатления, ибо как раз в это время в дверях показался король со свитой. На ходу ответив на улыбки нескольких дам, Людовик XIV прошествовал в кабинет, где должен был состояться приём послов.

Было без десяти минут одиннадцать.

XVII. Послы

Пробило одиннадцать. Арамис с д'Олива вошли в кабинет при первом ударе часов, королева с принцессой появились при последнем. Генерал иезуитов блистал в роскошном лиловом костюме, его преемник был облачён в сутану. Но разница в одеяниях с лихвой возмещалась общим выражением лиц, излучающих холодную мудрость.

Увидев герцога д'Аламеда, Людовик, несмотря на всё своё самообладание, невольно вздрогнул. Ледяная улыбка едва коснулась губ кастильского посла.

Арамис немедленно оценил состав приглашённых и остался им удовлетворён: помимо министров и секретарей здесь присутствовали Филипп Орлеанский, принц Конде, маршалы Граммон и дю Плесси, герцог де Вивонн и граф де Гиш. Таким образом, кабинет сейчас освещался самой яркой военной плеядой этой эпохи.

Позади Короля-Солнце стояли де Сент-Эньян и де Лозен. Ради такого события Пегилен надел парадный мундир, которым до сего дня пренебрегал. Сделав над собою усилие, Людовик XIV промолвил:

– Господин д'Аламеда, мы с вами – давние знакомые и, смею полагать, добрые друзья. Поэтому давайте отбросим излишние формальности: высказитесь начистоту, просим вас.

Со стороны короля такое предложение могло показаться либо сознанием собственного превосходства, либо проявлением безотчётной слабости. Глаза вельмож немедленно устремились на него. Арамис, понимая, что предсказуемый Людовик – явление достаточно редкое, справедливо счёл эти слова хитрой уловкой, должной заставить противника раскрыться. Как бы то ни было, все ждали от него ответа, и Арамис заговорил:

– Ваше величество, я счастлив тем, что посланническая миссия, возложенная на меня ещё светлой памяти Филиппом Четвёртым, нашим милостивым повелителем, ставящая своей целью нерушимый союз Франции и Испании, подходит ныне к своему благополучному завершению. Прекрасно, что никакие предубеждения не смогли воспрепятствовать заключению священного договора, которому суждено стать второй прочной нитью, связующей наши державы.

– Второй, сударь? – переспросил король, не в силах отделаться от воспоминаний, вызванных образом ваннского епископа.

– О да, государь, – не меняя голоса, подтвердил посол, – второй, ибо первой, самой драгоценной нитью является её королевское величество, которая, даже став владычицей Франции, навечно останется в наших сердцах испанской инфантой.

С этими словами герцог д'Аламеда отвесил покрасневшей от удовольствия Марии-Терезии поклон, изяществу которого не могли не позавидовать первые придворные щёголи. Отец д'Олива тоже поклонился. Королева ответила Арамису признательным взглядом, а Людовик закусил губу от досады.

Выпрямившись, Арамис продолжал:

– Дружественный нейтралитет Испанского королевства, направленный на скорейшее торжество его христианнейшего величества над врагом, призван доказать наше стремление жить в согласии с французами, волею судеб оберегающими владения испанской короны, соседствующие с Голландией.

Говоря это, Арамис не спускал огненного взора со слегка побледневшего лица Людовика. И то, что он прочёл в глазах короля, заставило его возвысить голос:

– Интересы Франции для нас священны, и я имею полномочия от её величества королевы-матери заявить, что оговоренный нейтралитет немедленно сменится активной помощью в том случае, если Франция подвергнется нападению извне.

Король надменно улыбнулся.

– Это будет сделано по первому слову вашего величества, но слава Богу, в возможность такого вторжения невозможно поверить.

Говоря это, он заметил, как Кольбер что-то шепнул Лувуа, и военный министр, глянув на короля, молча кивнул.

«Ба, а король-то, кажется, всё так же верен своим принципам и по-прежнему правит один. Чёрт меня побери, если хоть кто-то из присутствующих догадывается о его планах», – подумал Арамис.

Людовик сделал шаг вперёд и высокомерно заявил:

– Ваша светлость можете быть уверены, что мы со своей стороны с удовольствием сделаем то же самое для Испании. Просим вас передать это Королевскому совету.

Арамис поклонился.

– Скажите, господин д'Аламеда, не желаете ли вы внести какие-либо коррективы в соглашение, составленное ранее преподобным отцом д'Олива и нашими министрами?

– Я полагаю, всё, что было хорошо месяц назад, хорошо и сейчас, – с прохладцей сказал Арамис.

– Это так, – согласился король, – и мы рады, что наши мнения на сей счёт совпадают. Мы также не находим целесообразными поправки к договору, ибо устремления Франции остались прежними. К тому же, – веско добавил он, – Испания до сих пор неукоснительно соблюдала устную договорённость о нейтралитете, и мы, разумеется, ценим это. Полагаю, нет никакой необходимости откладывать подписание документа. Сделаем это немедленно. Господин Кольбер!

Суперинтендант приблизился к королю, и Пегилен посторонился, уступая ему место.

– Готов ли текст конкордата?

– Вот он, ваше величество, – сказал Кольбер, показывая королю свитки пергамента.

– Вручите его господину Дюфору для прочтения.

Кольбер передал трактат секретарю, и тот приступил к оглашению многочисленных пунктов договора. Арамис внимал ему с полузакрытыми глазами, и никто по его лицу не мог бы догадаться о том внимании, с которым он вслушивается в каждое слово. Так и было: генерал иезуитов мысленно сверял условия с текстом прежнего соглашения, прочно засевшим в глубинах его необъятной памяти. Пока всё было правильно...

Дюфор громко читал:

– ...соблюдать условия дружественного нейтралитета, означенные выше. Французское королевство, в свою очередь, берёт на себя обязательство воздерживаться от любых враждебных действия против владений, по праву унаследованных его католическим величеством Карлом Вторым от своего отца...

Эти слова отдались в ушах герцога д'Аламеда набатом Сен-Жермен-л'Осеруа. Призвав на помощь всю свою сдержанность, он, не меняя отрешённого выражения лица, посмотрел на короля. И был поражён: черты Людовика на неуловимое мгновение исказила гримаса, полная неутолённой ненависти и смертельной угрозы. Никто, кроме Арамиса и д'Олива, не заметил этого. Но только одному Арамису в эту минуту стал ясен адский замысел Короля-Солнце. Перед глазами главы ордена встал текст другого документа – более правдивого и полного. Сопоставив донесение кардинала Херебиа, прочитанное им в его кастильском замке, с пресловутыми стилистическими изменениями в договоре, на которые беспечно пошёл Кольбер, Арамис понял, что времени у него почти не осталось.

Вполуха дослушав прочие пункты соглашения, герцог д'Аламеда произнёс:

– В данном конкордате – всё будущее Франции и Испании. Я от имени Королевского совета подтверждаю это.

– О сударь, то же самое говорим и мы. Мы объявляем об этом! – с внезапной весёлостью воскликнул король. – Пройдёмте к столу, господин д'Аламеда!

За массивным письменным столом Людовик и Арамис подписали копии прочитанного трактата. Затем король громко обратился к герцогу:

– Теперь, ваша светлость, когда ваша миссия и впрямь завершена, – завершена с честью, – не соблаговолите ли вы провести во Франции ещё какое-то время? Мы просим вас и преподобного д'Олива быть нашими гостями на празднестве в Фонтенбло.

Арамис улыбнулся при мысли о том, что скорее сам король будет его гостем – платит-то за развлечения его орден. Мельком взглянув на помрачневшего суперинтенданта, он отвечал:

– Государь, вы читаете в моей душе, как в открытой книге. Я сам собирался просить ваше величество об этой милости, ибо важные дела удерживают меня во Франции.

– Не важнее уже сделанных, полагаю?

– Для политика – нет, для друга – возможно.

– О, понимаю, вы хотите навестить кого-то из старых друзей?

– Нет, государь, только их могилы.

Король видимо содрогнулся:

– Простите, герцог. Это весьма благородно, и мы, разумеется, ни в коей мере не воспрепятствуем вам в этом. Все наши провинции открыты для вас.

– Признателен вашему величеству. Пользуясь вашим позволением, в первую очередь я хотел бы посетить Париж.

– Париж, сударь?

– Да, государь. Там я должен уладить дела моего покойного друга, хорошо знакомого вам.

– Правда? – спросил встревоженный король.

– О да, государь, ибо этот друг – маршал д'Артаньян.

Людовик был сражён поступком Арамиса, самолично раскрывшего своё инкогнито. Арамис же рассудил, что, раз оно раскрыто другими, лучше всего будет не таиться, а разить врагов их же оружием.

Гул, пробежавший среди собравшихся, говорил о том, что эта новость была для них куда важнее политических союзов, с какими бы государствами они ни заключались. В эту минуту придворных не могло бы отвлечь даже известие о войне с императором.

Подавленный король с неохотой произнёс:

– Как! Вы являетесь душеприказчиком графа, господин д'Аламеда? Позвольте же нам удивиться, ибо это – вещь неслыханная.

– Почему, ваше величество?

– Вы, испанский гранд, посол Кастилии, намереваетесь разбираться в делах маршала Франции. На каком основании? По какому, скажите, праву?

– По праву старинной дружбы, государь, а также на основании его личной просьбы.

– Устной, не так ли? – свысока спросил король.

– Нет же, письменной.

– Письменной? Господин д'Артаньян писал вам?

– Да, государь.

– И это письмо?..

– При мне, – и Арамис с лёгким поклоном протянул королю уже знакомое нам письмо. Бегло пробежав его глазами, король, совладав с собой, вернул письмо Арамису.

– Мы не видим никаких препятствий к тому, чтобы вы исполнили последнюю волю маршала, господин д'Аламеда.

– Спасибо, государь.

– Господин д'Артаньян упомянул о том, что его распоряжения способны удивить вас, герцог. Надеюсь, вы немедленно поставите нас в известность об условиях завещания.

– Не премину, ваше величество.

– Коли так, поезжайте.

– Ваше величество отпускаете меня?

– Да, герцог, но возвращайтесь скорее. Через десять дней назначен переезд двора в Фонтенбло. Мы желаем видеть вас там.

– Я там буду, государь. А до тех пор оставляю вместо себя преподобного д'Олива.

– Он будет нашим дорогим гостем. Мы давно знакомы с ним, – улыбнулся Людовик.

– Преподобному отцу можно от души позавидовать. Но следует ли мне отбыть немедленно?

– Как пожелаете, господин д'Аламеда. Разве можем мы приказывать вам?

– Тогда я с позволения вашего величества уеду уже сегодня.

– Так и в самом деле будет лучше. Господин д'Артаньян не любил затягивать с делами. Сделайте же для него то, что он сам непременно сделал бы для вас.

Арамис со странной улыбкой на устах протянул, сверкая глазами:

– Государь, я обещаю устроить всё так, чтобы д'Артаньяну на небесах не в чем было упрекнуть меня...

XVIII. Jésuite de robe courte²

После этого краткого диалога Людовик XIV, казалось, утратил всякий интерес к амбасадору и, переговорив о чём-то с маршалом де Граммоном, покинул зал. Но спустя двадцать минут к нему торопливо вошёл Сент-Эньян. Король тут же обратил внимание на бледность своего наперсника.

– Ах, ваше величество, я бледен от страха, – пояснил Сент-Эньян.

– Что такое?! И ты признаёшься?..

– Нет ничего постыдного в страхе перед необъяснимым.

– О чём ты, Сент-Эньян?

– Я говорю, что суеверный ужас позволителен даже дворянину.

– Суеверный, вот как! Ни больше ни меньше?

– Да, государь.

– Неужто Белая Дама переселилась вслед за двором в Версаль из Лувра?

– Нет, ваше величество, зато другой призрак явился из Эскориала.

– Что? Да говори же толком!

– Государь, я заявляю, что Арамис... простите, герцог д'Аламеда – колдун.

– Вон оно что... Да ты, никак, бредишь, мой милый.

– Хотел бы я, чтоб это было так. Но дюжина свидетелей может подтвердить, что я видел то, что видел.

– Что же ты такого увидел? Может, герцог забылся и вызвал при тебе своего друга – дьявола?

– Хуже того, государь, он усмирил дьявола...

После этих слов Людовик окончательно уверился в безумстве графа и от души расхохотался.

– Вы смеётесь, ваше величество? – оскорблённо спросил Сент-Эньян.

– Смеюсь. А что ещё прикажешь делать?

– Например, задуматься над тем, как это у него получилось.

– Да что? Что получилось? Или ты воображаешь, будто я поверил в твои рассказы? Ну, скажи мне.

– Прошу извинить меня за иносказания, но разве приструнить де Варда не то же самое, что укротить демона?

– А!.. Расскажи-ка мне об этом...

И Сент-Эньян красноречиво поведал королю о том происшествии, которое уже обсуждал весь двор...

А случилось вот что: после ухода короля к Арамису подошёл Кольбер. Поздравив министра с долгожданным подписанием конкордата и, в свою очередь, приняв поздравления с успешным завершением посольства, герцог д'Аламеда негромко произнёс:

– Не беспокойтесь, дорогой господин Кольбер, то, о чём мы с вами вчера толковали, уже доставлено во дворец.

– Благодарю вас, монсеньёр, – ответил суперинтендант тоном, который легко себе представить.

– Это хотя бы частично вознаградит ваше подвижничество, – с расстановкой сказал Арамис, внимательно глядя на Кольбера, – Испания многим обязана вам.

– Я действовал в большей степени на благо Франции, монсеньёр, – учтиво возразил Кольбер, – я французский министр.

² «Мирской иезуит» (фр.)

– А я – испанский гранд, – усмехнулся Арамис, – однако теперь, когда подобные расхождения утратили былое значение, думаю, ничто не воспрепятствует нашей дружбе.

– Монсеньёр, я всегда был и остаюсь вашим покорным слугой.

– Вы уже доказали свою преданность, любезный господин суперинтендант, – заметил Арамис, – шутка ли: убедить короля подписать отвергнутый ранее трактат. Безо всяких условий, почти без поправок. Право, я восхищён!

– Пустое, монсеньёр.

– Да нет же, это удивительно. Ведь документ был принят почти в первоизданном виде.

И вновь министр Людовика XIV пропустил мимо ушей многозначительное «почти» герцога д'Аламеда. Но тот не отступал, решив до конца прощупать собеседника:

– Дайте-ка вспомнить... Кажется, это касалось испанских владений.

– Испанских владений? – как эхо, откликнулся Кольбер.

– Ну да, именно. В самом деле, какая разница – назвать наши земли просто испанскими или унаследованными его католическим величеством... Смысл в принципе один и тот же. Несколько лишних слов – не более того.

– И правда – нет никакой разницы, – с облегчением согласился Кольбер.

– Честно говоря, вышло даже поэтичнее. Право же, я впечатлён, хотя и не знаю, стоит ли музам вмешиваться в дипломатию.

Кольбер улыбнулся, не зная, что ответить.

– Не смею вас больше задерживать, господин суперинтендант, – сказал Арамис, – кажется, вас ждут неотложные дела.

– Меня? Пока нет, уверяю вас.

– Да? А мне показалось, вас кто-то дожидается в вашем кабинете уже четыре минуты.

– А! – невольно воскликнул Кольбер, меняясь в лице: он уловил многообещающий оттенок, которым посол выделил слово «четыре». – Вы правы, монсеньёр, где была моя голова, я и забыл. Прощу прощения, – и министр поспешно удалился.

Герцог д'Аламеда проводил его взглядом, а когда обернулся, перед ним стоял молодой дворянин с красивым, но злым лицом. Прежде чем тот успел открыть рот, Арамис отметил его нервное напряжение, а также припомнил его имя.

– Сударь, – нарочито вызывающим тоном начал молодой человек, – я искал встречи с вами.

– Чему обязан такой честью, господин де Вард? – спокойно осведомился Арамис.

Отец д'Олива, почуявший угрозу, волнами исходившую от мрачной фигуры де Варда, приблизился и встал позади начальника. Несколько опешивший было де Вард быстро пришёл в себя и продолжал:

– Как, сударь, вы сообразовали узнать меня?

– Я не мог этого сделать, ибо никогда не был знаком с вами. Но я узнал в вас сына вашего отца.

Граф побледнел.

– Надо же, какая честь для нашего дома! Оказывается, мой отец знал самого герцога д'Аламеда. А может, у него тогда было другое имя? Может, он тогда не был столь непомерно знатен?

– Всё возможно, сударь, – вкрадчиво отвечал Арамис.

Монах недоумённо внимал этой странной беседе, в ходе которой генерал иезуитов ни разу не среагировал на дерзость де Варда. Казалось, даже обычная непроницаемая холодность покинула Арамиса: он был воплощённой любезностью.

Придворные, также услышавшие обрывки разговора, который сам зачинщик ссоры стремился сделать всеобщим достоянием, стали постепенно придвигаться ближе.

– Возможно! – вскричал граф. – Другими словами, это так и было. И вы, Арамис – так ведь вас звали в те времена? – вы преследовали моего отца подлыми, низкими интригами.

– Граф, это речь французского дворянина?

– Это моя речь, а если кто-то находит в ней что-то предосудительное, то он, сам будучи дворянином, находит и ответ.

– Под ответом вы подразумеваете удар шпагой, не так ли? – простодушно уточнил Арамис.

– Извольте понимать как угодно, – высокомерно заявил граф.

– В таком случае я изволю понять ваши слова единственно верным образом, а именно – как вызов. А воспринимая их так, не могу не заметить вам, что посол – особа священная. Ах, господин де Вард, вам следовало бы помнить об этом. Я-то думал, что нахожусь при галантнейшем дворе.

– И при отважнейшем, сударь, – нетерпеливо прервал его де Вард, – а потому стоит ли ссылаться на обычаи, когда ваша миссия столь блестяще завершена? И это речь испанского дворянина? Будет вам! Я ведь не господин де Лозен, и говорю с вами не от имени короля, для которого вы и впрямь неприкосновенны. Но между дворянами иной сказ, не так ли?

– Не думаю, граф, не думаю. А впрочем, пусть так. Поговорим как дворяне, сколь ни затруднительно мне это с вами. Но... оставим предубеждения. Довожу до вашего сведения, господин де Вард, что, даже перестав быть послом как таковым, я всё же не принадлежу себе, ибо являюсь исполнителем завещания моего друга.

– А-а!..

– Да-да, друга, граф, как бы чуждо ни было это слово для вашего слуха. Вы, может, хотите и к этому что-то добавить?

– Очень хочу. Из-за него-то, из-за этого вашего друга, я и бросаю вам вызов.

– Бросаете вызов? – вскинул брови Арамис. – Но, как я слышал, дуэли во Франции под запретом?

– Ого! Вы, кажется, вздумали учить меня?

– Ничуть, просто припомнил эдикты.

– Вы, очевидно, беспокоитесь об этом даже больше меня, сударь, а ведь вы, как было верно замечено, особа неприкосновенная, – ядовито сказал де Вард. – Не вообразили ли вы себя капитаном мушкетёров, который, сам имея на счету чёрт знает сколько дуэлей, постоянно цеплялся к дуэлянтам? Но вы, герцог, вы не господин д'Арт...

– Довольно, граф! – воскликнул герцог д'Аламеда, впервые обнаруживая признаки гнева и властным движением вскидывая руку.

И тут произошло невероятное: голос де Варда неожиданно сорвался на хрип. Дрожа всем телом, он вытаращенными глазами, полными ужаса, уставился на Арамиса, который, не меняя невозмутимого выражения лица, стоял перед ним всё в той же величественной позе. Свидетели этой удивительной метаморфозы в полнейшем недоумении наблюдали за тем, как де Вард, невероятным усилием воли подавив дрожь, сначала униженно склонился перед послом, а потом, бормоча извинения, вышел из зала.

– Чёрт меня побери... – озадаченно обратился Пегилен к Сент-Эньяну, – чёрт меня побери, если я хоть что-нибудь понимаю. Де Вард... он ведь отступил... да-да, попросту отступил, как побитый пёс.

– А почему, барон? – обеспокоенно спросил Сент-Эньян. – Ведь герцог, как мне показалось, просто поправил парик, вот и всё.

– Кто знает, – попытался улыбнуться барон де Лозен, – может, у него волшебный парик.

– Не думаю, – рассеянно произнёс адъютант его величества.

– Скажите на милость, граф, зачем вы удержали меня от того, чтобы я унял де Варда? – повернулся капитан мушкетёров к приятелю.

– Я?

– Ну да, вы. Вы вцепились в мой рукав и так вращали глазами, что я счёл за благо остаться в стороне.

– Приказ короля, барон, приказ короля, – задумчиво пробормотал Сент-Эньян и устремился к выходу...

А герцог д'Аламеда, обернувшись к спутнику и незаметно вновь повернув перстень печатью внутрь, тихо промолвил:

– Уйдёте отсюда, преподобный отец, у нас тоже есть дела.

Послы покинули помещение, оставив придворных обсуждать немислимое поведение завязанного дуэлиста и колдовские способности герцога д'Аламеда. Оставив дворец, Арамис с д'Олива направились в парк. Когда они в должной мере углубились под сень облетевших деревьев, Арамис сказал:

– Сегодняшний день дал нам многое.

– Помимо очевидного, монсеньёр, – понимающе откликнулся иезуит.

– Да, – усмехнулся герцог д'Аламеда, – кроме договора. Ах, проклятый конкордат, тебе и впрямь суждено изменить судьбы народов. Вы заметили, преподобный отец?

– Что, монсеньёр?

– Как ловко французский король отредактировал документ?

– Нет, – озабоченно покачал головой монах, – я ничего такого не заметил.

– И это понятно. Поправка была безукоризненно скрыта, и не знай я, где её ожидать...

Но она всё же есть, и это заставляет меня дать вам следующие указания.

– Слушаю, монсеньёр.

– До нынешнего дня я не знал, с какой стороны будет нанесён удар Испанскому королевству. А теперь...

– Теперь?..

– Незамедлительно отправьте двух гонцов по разным дорогам к его светлости герцогу Аркосскому. Пошлите с ними копии договора, а на словах велите передать указание самым срочным образом приступить к укреплению пограничных городов Испанских Нидерландов.

– Бельгийские провинции! Неужели?

– Да. И в первую очередь Шарлеруа, Армантьер, Сен-Вину, Дуэ, Куртре и Лилль, – с жутким спокойствием перечислил Арамис.

– Вы полагаете...

– Я полагаю, что королю следовало бы поостеречься вступать в стилистическое единоборство с поэтом и богословом, – процедил Арамис, – я-то более силен в этом, чем бедняга Кольбер.

Монах поклонился.

– Но передать это следует лишь изустно. Кстати, преподобный отец, всё сказанное никоим образом не влияет на прочие наши планы. Это понятно?

– О да, монсеньёр: Дюшес, десятое ноября.

– Хорошо. Положение наше усугубилось, что и говорить, но я верю, что мы выйдем из него с честью. Меня ведь не удалось убить.

– Вы о Франсуа де Варде?

– О нём, о нашем бедном де Варде. Тут король оступился, это надо признать.

– Но разве мог он знать? Даже я не знал...

– Да и не нужно было. *Ordines inferiores*³... он отнюдь не самый полезный член общества.

– Как знать... Вы накануне говорили о шпаге, монсеньёр.

– Говорил.

³ «Низшие чины» (лат.)

- А если граф де Вард...
 - Оставим это, преподобный отец, не продолжайте. Шпага, право слово, не из лучших.
 - Вам виднее.
 - Куда важнее сейчас представить отца д'Арраса королеве и снестись с Мадридом.
 - Это будет сделано.
 - Знаю. А я отправляюсь в Париж. Если не смогу вернуться через два дня, ждите нарочного.
 - А если вестей не будет?
 - Тогда дайте знать провинциалам и отцу Нитгарду.
 - Непременно.
 - Я не уехал бы сейчас, если б что-то не подсказывало мне: тайна, на которую намекал д'Артаньян, может быть нам полезна. Д'Артаньян слишком хороший друг, чтобы не протянуть мне руку помощи даже с того света.
 - Должно быть, так, монсеньёр, – вздохнул иезуит.
 - Простимся же, преподобный отец. Предоставляю вам действовать на своё усмотрение.
 - Прощайте, монсеньёр, храни вас Бог!
- Стройная фигура Арамиса скрылась за деревьями. Д'Олива, потеряв генерала из виду, повернулся и медленно пошёл ко дворцу.
- Через полчаса стало известно, что граф де Вард срочно отбыл в родовое поместье.

XIX. О том, как Маликорн приступил к исполнению королевской воли

Художники должны раз навсегда отказаться от попыток изобразить на холсте выражение лица Людовика XIV после того, как Сент-Эньян рассказал ему о сцене, свидетелями которой мы стали. Сам будучи натурой крайне впечатлительной и суеверной, король почувствовал благоговейный трепет, тут же сменившийся вспышкой безудержного гнева:

– Так значит, наглейший из храбрых испугался? Выходит, меня окружают одни трусы?! Получается, стоит какому-то выскочке чуть возвысить голос, как мои дворяне бросаются врассыпную, а вместо чистосердечного признания в нарушении эдиктов я, король, выслушиваю детский лепет о ведьмах с Лысой горы?! Проклятье! Да пусть хоть вся преисподняя ополчится против меня, я найду, чем ответить. Пусть я погибну, зато тем самым докажу, что короля недаром называют первым дворянином Франции. Пускай это станет уроком моим верноподанным зайцам! Ты говоришь, один де Лозен сохранил присутствие духа? Отлично, нас будет, по крайней мере, двое. За мной, Гасконь! За мной, Беарн! Как видно, мне на роду написано полагаться только на гасконцев. А ты, ты, Сент-Эньян, неужели ты не нашёл ничего лучшего, чем примчаться ко мне с криками о колдовстве? Отвечай же!..

– Ваше величество, но что же мне оставалось делать? – отважился спросить побагровевший фаворит.

– Надо было швырнуть перчатку в лицо де Варду и публично назвать его трусом! – запальчиво воскликнул Людовик.

– Но я не получил на сей счёт никаких указаний, государь, – оправдывался Сент-Эньян, – к тому же я полагал, что граф может ещё быть полезен.

– Ну а как же, конечно, может! В конце концов, должен же я предоставить в распоряжение наших высоких гостей соответствующую прислугу. Думаю, теперь-то де Вард не откажется примерить лакейскую ливрею.

– Осмелюсь заметить, что для этого его надо бы сначала лишить звания гвардейского лейтенанта, – расхрабрился адъютант, чувствуя, что лично его гроза миновала.

– Правда... – одними губами прошептал король. – Ещё и это унижение: лейтенант моей гвардии склоняется перед моим же противником, злейшим врагом королевства. Не бывать же этому! Кликните мне де Лозена!..

Когда через пять минут в дверях показался, как всегда, изящный и самоуверенный Пегилен, Людовик уже совладал с гневом и обратился к своему любимцу самым приветливым тоном:

– Подойдите, дорогой барон, вашему королю есть что сказать вам.

– Приказывайте, ваше величество, – откликнулся гасконец.

– Вы, как я слышал, присутствовали при... маленьком объяснении, имевшем место между господами д'Аламеда и де Вардом.

– О да, государь, объясненьице не бог весть что, – в тон ему отвечал капитан мушкетёров.

– Случай тем не менее прискорбный, и, я уверен, вы не преминете указать нам зачинщика.

– Охотно, поскольку этот зачинщик затеял просто-напросто неприличную ссору.

– Вот как! Что вы имеете в виду, господин де Лозен?

– Только то, – ровным голосом продолжал Пегилен, – что граф де Вард безо всякой видимой причины набросился на посла. И если бы дело дошло до драки, то я...

– Вы?..

– Арестовал бы графа ещё до того, как он сделал бы первый выпад.

– Ого! Да вы сама предупредительность, сударь! – выпалил Людовик, вне себя от того, что его замысел так или иначе был обречён на провал. – Вот так, по собственному почину, без приказа?

– Я лишь исполнил бы свой долг перед короной, государь.

– Так исполните его теперь, капитан, – величественно произнёс король.

– Готов служить вашему величеству. Приказывайте, государь.

– Немедленно возьмите под стражу де Варда.

– По какому обвинению?

– Я полагаю, что король вправе заключать своих подданных безо всяких объяснений, – заносчиво ответил Людовик. – А впрочем, нет: предъявите ему обвинение в оскорблении достоинства посла иностранной державы. Поспешите, барон!

– Ещё одно слово, государь. Сколько лошадей дозволено мне будет взять из конюшни?

– А зачем? – нахмурился король.

– Чтобы догнать графа де Варда.

– Догнать? Он, что же, покинул двор?

– Сразу после оскорбления посольского достоинства, – невозмутимо отрапортовал де Лозен. – Свидетели его отъезда утверждают, что он умчался как одержимый...

Сент-Эньян невольно вжал голову в плечи, ожидая неминуемого взрыва. Пегилен замер в напряжённом ожидании. Но Людовик XIV, казалось, о чём-то задумался. На несколько долгих минут в апартаментах абсолютного монарха воцарилась абсолютная тишина. Фавориты, наблюдавшие за повелителем, изо всех сил старались угадать его мысли. И в ту самую секунду, когда Лозен пришёл к выводу, что де Вард покинет Бастилию только в день собственных похорон, а Сент-Эньян заключил, что графу не миновать эшафота, Король-Солнце разомкнул уста и произнёс два слова:

– Пусть едет.

Вздых недоумения и облегчения вырвался одновременно у адъютанта и капитана.

– Вы отменяете приказ об аресте, государь? – сдержанно поинтересовался Пегилен.

– Отменяю, капитан. Пусть едет, – повторил король.

Де Лозен выслушал и, попросив разрешения уйти, откланялся. От дверей королевских покоев он отправился напрямик в зал Дианы, где герцогиня де Монпансье с нетерпением поджидала своего великолепного возлюбленного. Надо сказать, что за последние несколько дней барон немало преуспел в осуществлении своего сокровенного замысла, так что его величество уже с более тщательно скрытым неудовольствием поглядывал на свою нелюбимую кузину. Это служило неистощимым источником весёлости принцессы и честолюбия Лозена: они почти не расставались. Придворные с недоумением и даже завистью следили за этой необычной парочкой, гадая, в какую романтическую ловушку заманивает тщеславный гасконец неискушённое сердце внучки Генриха IV. Герцогиня просто светилась счастьем, слушая непринуждённую болтовню признанного сердцеда.

– Как ты думаешь, Маникан, чего добивается наш друг? – насмешливо спросил приятеля де Гиш, увлечённо наблюдавший за Пегиленом.

– Полагаю, большего, чем ты.

– Господин де Маникан!

– Разве я что не так сказал? – с самым невинным видом осведомился Маникан. – Это всё моя рассеянность: отвечаю, даже не расслышав вопроса. Только что мне, например, послышалось, будто ты спросил, какого я мнения о госпоже Монако.

– Да чего ради я спрашивал бы твоего мнения о моей сестре? Все знают, что Катрин была любовницей Пегилена.

– Но, возможно, у меня на её счёт особое мнение, – выпятил грудь Маникан.

– Допустим. Но ты ответил: «большого», а не «более высокого». А?

- Неужто так и сказал? Ничего себе... Выходит, я ко всему ещё и путаю слова. Горе мне!..
- Ладно. А теперь отвечай всерьёз: к чему может стремиться Лозен в отношении Великой Мадемуазель?
- Да к герцогской короне, клянусь спасением души.
- Всё шутишь...
- На этот раз – нет. Ты только послушай, до чего же звучно: его светлость Пегилен, герцог де Монпансье. Породниться с королём: вот чего жаждет и добивается наш драгоценный гасконец.
- Может, ты и прав, – пожал плечами де Гиш, влюблённо глядя на принцессу Генриетту, играющую в карты.
- Ещё бы я не был прав. Да ты спроси у него сам, изволь, если желаешь: тебе он не соврёт. Ах, вот с кого бы взять тебе пример, друг мой: сколько вокруг незамужних светлостей. Вот хотя бы, взгляни: Шарлотта де Кастельно – чем не предмет обожания? Чудо как хороша! Но нет же, я угадываю ответ...
- Моё сердце мне не принадлежит.
- Вот! – горестно воскликнул Маникан. – Так я и знал!..
- Что я могу с собой поделаться? – вздохнул граф.
- Знай, – флегматично продолжал щёголь, – ты единственный Граммон, начисто лишённый всяких задатков честолюбия. Ну да, конечно, ты знатен, как Монморанси, и храбр, как Баярд, но из-за своей страсти лишаешь себя простых человеческих радостей вроде премилого герцогства.
- Это от меня не убежит.
- Знаю, знаю. Вопрос в том, намерен ли ты, в свою очередь, передать титул досточтимого маршала по наследству, или и его сожжёшь на алтаре неземной любви? Весьма требовательное, чёрт возьми, чувство, если ради него угасает знатнейший род Франции. Ну, не за тебя ли прочат дочку канцлера? А ты... ты...
- Поговорим о чём-нибудь другом, Маникан.
- Изволь. О чём же?
- Да вот хотя бы о Маликорне. Не он ли это пробирается к нам?
- Да, это он собственной персоной. Чем не образец для подражания? На этом-то хитреце фамилия Маликорнов не зачахнет, это точно.
- О! Так он женится?
- Узнай сам. Господин де Маликорн!
- К вашим услугам, дорогой де Маникан, – отозвался Маликорн, подходя к друзьям.
- Маникан только что сразил меня новостью, – обратился к нему де Гиш.
- Какой же, граф?
- Он утверждает, что вы надумали сочетаться браком, любезный де Маликорн. Это верно?
- Разве могу я уличить друга во лжи, даже если он и погрешил против истинного положения вещей?
- А!.. – со смехом воскликнул де Гиш, а Маникан с вытянутым лицом открыл было рот для ответа.
- И уж тем более не стану делать этого в том случае, когда он глаголет истину.
- Так это правда? С мадемуазель де Монтале, не так ли?
- Вы очень догадливы, граф, – улыбнулся Маликорн.
- Когда же?
- Как только его величество соизволит подписать брачный договор.
- Ну, это не затянется.

– Как знать! Конкордат с испанцами заставил нас поволноваться, а ведь и там требовалась одна только подпись.

– Однако пренебрежением к собственной персоне вы не страдаете, – усмехнулся де Гиш, – надо же: сравнить свой брачный контракт с государственным соглашением! Я бы до такого не додумался. Но знаете: сдаётся мне, король относится к вам лучше, чем к кастильской хунте. Желаю вам большого счастья, дорогой де Маликорн. Мадемуазель де Монтале – чудесная девушка, и я надеюсь, что мы славно отпразднуем вашу свадьбу в милом Сен-Клу.

– Смело рассчитывайте на это.

– Берегитесь, как бы нам не пришлось напомнить об этом обещании.

– Ора заслуживает много большего, чем я могу предложить. Поэтому не взыщите.

– Счастливцев вы, дорогой мой, – вздохнул де Гиш, крепко пожимая руку Маликорну, – я от души рад за вас.

– Надо же! А в глазах твоих угадывается скорее не радость, а чувство иного рода, не менее, впрочем, сильное, – голосом актёра-трагика перебил его Маникан.

– О чём это вы? – подозрительно сощурился де Гиш.

– Зависть, милый друг, банальная человеческая зависть застит ваш взор, – нравоучительно изрёк Маникан.

– Ах, до чего лестно было бы мне предположить, что моему счастью завидует один из Граммонов, – поспешно вмешался Маликорн, чувствуя неловкое замешательство де Гиша, – но увы, это совершенно невозможно.

– Почему же? – через силу улыбнулся де Гиш.

– По той простой причине, что я – не король, – учтиво заключил жених.

Отвесив любезнейший поклон, граф удалился, недоумевая, какая злобная муха укусила нынче Маникана. Оставшись лицом к лицу со старым другом, Маликорн также вопросительно взглянул на него. В ответ Маникан рассерженно всплеснул руками:

– Вы можете удивляться или нет, как угодно. У меня есть свои причины поступать таким образом, как вы видели. И не спрашивайте меня, иначе, клянусь, я забуду, что я дворянин и ваш друг, и на этом самом месте...

– Что? – пролепетал Маликорн, ничуть не сбитый с толку этой тирадой: сердитый Маникан являл собою, разумеется, редкостное зрелище, но он уже знал, как вызвать того на откровенность.

– Что вы сделаете? – проговорил он как можно нерешительнее.

– Что? Да совру вам. Совру, слышите? Совру беззастенчиво и неумело.

– Ну, так я не буду вас спрашивать, – твёрдо сказал Маликорн.

– Правда? – недоверчиво покосился на него Маникан.

– Не буду, – пожал тот плечами.

– Тогда я приоткрою для вас завесу, но только чуть-чуть, согласны?

– Ах, боже мой, не нужно.

– Однако...

– Не стоит, право!

– Ну же, я ведь соглашаюсь только ради вас.

– С вашего позволения, я хотел бы остаться непосвящённым в эту тайну.

– Но я настаиваю!

– Друг мой, вы надрываете мне сердце своей мольбой... Я в замешательстве.

– Соглашайтесь, прошу.

– Будь по-вашему. Я сдаюсь, сразите же меня наповал.

– Наконец-то! Дело в том, что... э-э...

– Ну?

– Это весьма деликатная тема.

- Вот уж и первое препятствие. Увольте, Маникан.
- Да нет же, слушайте: дело в том, что герцогу надоело быть изгоем в собственном доме, и он...
- Герцогу Орлеанскому, не так ли?
- Само собой. Итак, он с некоторых пор с большим, нежели когда-либо, неодобрением, склонен наблюдать за... вы понимаете, за чем именно.
- Кажется, понимаю. Неужели возвращаются прежние времена с постоянно обновляющимися любовными треугольниками и галантными похождениями? Так принц недоволен нашим другом?
- Никто не знает, на кого сердится его высочество, но то, что сердится, – это точно. Началось это после получения некоего письма.
- Письма, вот как? – насторожился Маликорн.
- Из Рима, друг мой, – заговорщицки подмигнул ему Маникан, – и с тех-то пор принц ходит мрачнее тучи.
- А давно ли доставлено письмо? – с самым равнодушным видом поинтересовался снедаемый любопытством Маликорн.
- Дайте-ка вспомнить... Кажется, это было как раз накануне прибытия послов... нет-нет, днём раньше. Точно!
- Значит, третьего дня?
- Верно.
- Послание от шевалье де Лоррена, не правда ли?
- Думается, да, – загрустил Маникан.
- И вы именно поэтому пытаетесь пресечь увлечение графа? Поздновато, дружище. Его излечит теперь только новая страсть либо смерть. Да и так ли уж велика опасность? Не мог же шевалье своим письмом пробудить в принце супружескую ревность: это не в его духе, да и к тому же вовсе ему не выгодно. Ревность, знаете ли, тень любви, а если наш господин внезапно восплачет страстью к жене, несчастный шевалье рискует закончить свои дни в обществе князей церкви. Достойное общество, вполне под стать де Лоррену.
- Да уж.
- По-моему, принц попросту зол на принцессу за её причастность к ссылке его любимца. А письмо всего лишь заново всколыхнуло недобрые воспоминания; это пройдёт, уверяю вас, – убеждал друга Маликорн, сам ни минуты не веря в то, что говорит.
- А ведь и правда, – просиял Маникан.
- Граф волен по-прежнему безумствовать и страдать: с этой стороны ему ничто не грозит.
- А принцесса?
- Это дело другое: тут мы бессильны. Но будьте спокойны, – поспешно продолжал Маликорн, увидев, как вновь осунулось лицо Маникана, – я знаю одну ловкую особу, которая сумеет позаботиться о Мадам.
- Действуйте, дорогой друг, действуйте! Вы знаете: граф де Гиш умеет быть благодарным. Маликорн в ответ лишь вежливо кивнул головой. Сейчас его не интересовала благодарность ни одного графа на свете, ибо он знал: королевская признательность способна его самого сделать графом. Только что он приступил к исполнению воли суверена. И приступив к нему, узнал, что над домом брата короля, первого принца крови, сгущаются тучи.

XX. Фаворитки

Прежде чем из моря вышла земля, появился род Рошешуар» – гласил напыщенный девиз знатнейшей семьи Пуату. Семья Мортемар де Рошешуар по праву гордилась своими традициями и великим прошлым: одна из дочерей этого дома была когда-то замужем за Эдуардом Английским. Что до настоящего, то оно украсило венец рода ещё двумя самоцветами монаршего внимания: герцог де Вивонн стал крестником Людовика XIV и Анны Австрийской, а его сестра, Атенаис де Монтеспан, наследовала Лавальер.

Принадлежность к сему выдающемуся семейству избавила в своё время юную мадемуазель де Тонне-Шарант от необходимости прибегать, подобно Монтале и Луизе, к тайному покровительству для того, чтобы попасть ко двору. Напротив, принцесса самолично пожелала иметь столь знатную девицу в штате своих фрейлин. А позже, когда сам король включил Лавальер в свиту Марии-Терезии, гордая испанка, в свою очередь, приблизила к себе маркизу де Монтеспан. Увы, это принесло лишь новые страдания обманутой королеве. Что правда, то правда: Людовик в полной мере осознал ошибку и дал отставку фаворитке – той самой, на пути к сердцу которой растоптал два благороднейших сердца Франции. Но бросил он её лишь для того, чтобы целиком отдаться новому увлечению.

Итак, герцогине де Вожур предложено было не участвовать больше в королевских прогулках и выездах, а также по возможности избегать придворных развлечений. В то же самое время звезда новой фаворитки сияла день ото дня всё ярче, и даже если Король-Солнце обедал в обществе своих приближённых (а в подобных случаях полностью исключалось присутствие дам), рядом с ним, на месте королевы, зачастую восседала прекрасная Атенаис. Вещь, в бытность Лавальер неслыханная!

Достоин удивления то, что придворные, не устававшие злословить по адресу невинной девушки, вверившей свою честь первому дворянину королевства, с чувством, близким к восторгу, восприняли возвышение супруги маркиза де Монтеспана. «Наконец-то, – говорили версальские обыватели, – у нас появится подлинно королевская любовница, которую можно поставить в один ряд с Дианой де Пуатье и Габриэль д'Эстре...»

В самом деле, в отличие от Луизы, прятавшей свою любовь в гроте, под люком Маликорна и в тиши альковов, торжествующая Атенаис выставляла свою страсть напоказ, чему, впрочем, после смерти Анны Австрийской нимало не противился сам король, давно пресытившийся робостью прежней избранницы. Он забыл уже её жертвенность и самоотречение в те дни, когда та разрывалась между чувством к нему, своему суверену, и привязанностью к Раулю де Бражелону. Он не помнил, как она добровольно заточила себя в монастыре кармелиток, лишь бы не явиться камнем преткновения между ним и его семьёй. И наконец, он похоронил в своей памяти – памяти, которой так восхищался д'Артаньян, – все те клятвы, что шептал ей в упоении первого поцелуя и в горячечном бреду тайных встреч.

В эти дни Людовик XIV часто говаривал своему адъютанту: «Я любил мою Луизу, Сент-Эньян, но я не люблю герцогиню де Вожур». Да, к своему званию королевской фаворитки Луиза получила и деньги, и поместья, но как же мало значили они в сравнении с былым счастьем! С какой радостью рассталась бы она со всеми титулами и привилегиями, составляющими предмет зависти двора, за один его благосклонный взгляд. Но увы – глаза короля намертво приковала к себе её подруга, и несчастной Луизе довелось в полной мере испытать ту чашу, что приняли некогда по её вине королева и принцесса.

Предоставленная себе самой, Луиза невольно стала присматриваться ко всему, что раньше ускользало от её внимания, сосредоточенного на любимом. Многие стали ей понятны из того, что прежде казалось непостижимым и необъяснимым; ей открылась изнанка Версаля. Она была единственной, кто сразу и без посторонней помощи узнал в облике герцога д'Ала-

меда старинного друга графа де Ла Фер, и это обстоятельство пробудило в её и без того израненном сердце мучительные воспоминания. Правда, для неё оставалось загадкой, отчего Арамис, рискуя вызвать королевский гнев, всем своим видом выказывал пренебрежение объекту обожания Людовика, всячески подчёркивая своё почтение к Марии-Терезии. Подобное обстоятельство трудно было объяснить даже тем, что он представлял Испанию: всем было известно, что инфанта для Мадрида – отрезанный ломоть, который скорее затрудняет отношения с Францией, а не наоборот. С гораздо большим основанием герцог мог рассчитывать на успех своей миссии, поступая подобно всем остальным посланникам, то есть совершенно противоположным образом. Свои соображения Луиза, впрочем, держала при себе, да никто, за исключением Монтале, и не стал бы выслушивать сомнения и домыслы опальной герцогини.

Атенаис же, даже заметив невнимательное отношение к ней сурового испанского гранда, тут же выбросила это из головы: столь ничтожным казалось ей это в сравнении с окружающим её всеобщим преклонением. Боже, как она была счастлива! И уж конечно, не столь мимолётно, как эта простушка Лавальер, не сумевшая удержать августейшую любовь. Не напрасно, ах не напрасно берегла она себя от ухаживаний доброй половины мужчин при дворе, включая де Сент-Эньяна и де Лозена. Действительно, как можно глядеть на них, когда есть король? В этом Луиза права, но только в этом! Во всём остальном будет права Атенаис! Её глубокие синие глаза сверкали, как море, о котором говорилось в девизе её семьи.

Недаром посвятил ей герцог де Сен-Симон такие строки: «Она всегда была превосходной великосветской дамой, спесь её была равна грации и благодаря этому не так бросалась в глаза». Тщеславие Монтеспан и в самом деле было беспредельно: осмеливалась же маркиза всерьёз утверждать, будто она знатней самого короля!

В эти послеобеденные часы Атенаис возлежала на софе в роскошных даже по версальским меркам апартаментах. Те замки, что возводила она в своём неуёмном воображении в эти минуты, отнюдь не казались воздушными, учитывая положение её возлюбленного, и потому она целиком отдавалась безумным фантазиям. Легко понять её неодобрительную реакцию на внезапное вторжение:

– Кто там? – спросила она резким голосом, который, отметим, в значительной мере смягчился при общении с королём.

– Это я, – прозвучал кроткий ответ, и на пороге комнаты появилась Луиза.

У кого хватило бы сердца разозлиться при виде столь нежного создания? Атенаис не просто разозлилась она пришла в ярость.

– Ах, это ты, – ничуть не меняя тона, продолжала она, – что там стряслось?

– Её величество требует тебя к себе...

– Ого, требует! Что это ей приспичило?

– Королева хочет, чтобы ты помогла ей выбрать драгоценности на вечер, – отвечала Лавальер, будто не замечая вызывающей грубости подруги.

– На вечер? Так, значит, она выйдет вечером из своего заточения? Поди ты, какая новость!

– Государь изволил пожелать, чтобы её величество присоединилась к нему на сегодняшнем представлении.

– Как мило! Мир и гармония вернулись в семью. Похоже, скоро Версаль превратится в Аркадию, кавалеры – в аркадцев, а дамы – в пастушек... как раньше. Помнишь, Галатея?... ах, прости – Луиза?

Девушка вздрогнула и умоляюще взглянула на Атенаис. Однако та безжалостно продолжала:

– Так значит, король пригласил жену на спектакль? А она и рада этому, верно? Я так и знала! Ну что ж, каждому своё.

– Атенаис!..

- Королеве – спектакль, мне – король...
- Прошу тебя...
- Ей – вечер, а мне – ночь, – не сводя синих глаз с побледневшего лица Лавальер, закончила маркиза.
- Я пойду.
- Нет, погоди! – вскричала Атенаис, легко соскочив с дивана и схватив её за руку. – Почему же ты сама не выбрала с ней украшения?
- Её величество потребовала, чтобы ей помогала ты... – пыталась объяснить Луиза.
- Ну нет! Как бы не так! Ей хорошо известно, что ты понимаешь в этом куда больше меня. Но ты, наверное, разыграла целую комедию: мол, де Монтеспан тут незаменима, и всё прочее. А королева и рада покрасоваться передо мной, да? Скажи, рада?
- Атенаис... – в ужасе прошептала Луиза, испуганно вглядываясь в расширившиеся зрачки соперницы, поглотившие всю синеву глаз. – Успокойся...
- Успокоиться, ещё чего?! Я знаю, она не нарадуется возможности блеснуть передо мной. Знала бы она, до чего мне безразлично то, что она сидит рядом с ним. Ведь глаза его в это время обращены ко мне. Ко мне, слышишь?!
- Остынь, Атенаис, – твёрдо произнесла Луиза.
- Что это с тобой? Никак вспомнила прежние дни, когда он глядел на тебя? Ну, признайся, что это было восхитительно. Ну, ответь.
- Луиза молчала, едва сдерживая себя.
- Хорошо, не отвечай, но скажи по крайней мере – ведь она тогда казалась тебе жалкой, правда? Жалкой и слабой?
- Она казалась мне настоящей королевой, – решительно отвечала Луиза, – а жалкой и слабой, как ты говоришь, я считала только себя.
- Да ты... ты... Ты такой и осталась, хромоножка, – с неожиданной ненавистью прошипела де Монтеспан, – оттого и потеряла его: король не переносит ничтожеств.
- Он любил меня, – просто возразила Лавальер, – и ты это знаешь. Ты тогда была рядом, но он даже не замечал тебя. Теперь всё наоборот. Знаешь ли ты, что это означает?
- Что же?!
- То, что лишь одна женщина достойна его любви. Только одна...
- Уж не ты ли? – презрительно уточнила Атенаис.
- Нет. Я не стою ничьей любви, ибо пожертвовала этим правом – правом на любовь, правом на преклонение и обожание, – в угоду страсти. Нет, Атенаис, это не я.
- Так, значит, я? – радостно осведомилась фаворитка.
- И не ты. Ты нарушила узы более священные, нежели я, и потому тоже заслуживаешь лишь сожаления. Бог нам судья, но он видит, как вижу я, что не ты – эта женщина.
- Кто же? – одними губами спросила прекрасная маркиза.
- Она носит имя богоматери, ибо сама – почти святая. Это наша королева, Атенаис, та самая королева, что сейчас требует нас к себе. Идём же!

С независимым видом приняв преподанный урок, Атенаис проследовала за Луизой в покои Марии-Терезии. Безучастно глянув на обеих своих соперниц – бывшую и настоящую, – королева велела им помочь ей одеться. Проворно разложив драгоценности из шкатулки на столике, Атенаис принялась их перебирать, всю щебеча об их достоинствах, в то время как Лавальер прислонилась к стене, стараясь забыться...

Её мысли были далеко – в тенистых рощах Сен-Реми, где безмятежно протекали детство и юность будущей королевской фаворитки. Разве могли тогда её соседи помыслить, какое ослепительное и трагическое будущее ожидает эту хрупкую девочку, с восторгом сжимавшую руку своего высокого и сильного друга, своего рыцаря. Рауль... Каким далёким казался он ей теперь, и одновременно с тем – каким до боли близким. Её жизнь (она это хорошо понимала)

оказалась пустой и бессмысленной, невероятной и головокружительной. Но если бы ей предложили прожить её заново, она не изменила бы ни одного своего поступка, не вычеркнула бы ни дня. Бог должен её понять: она жила ради пяти лет упоительного счастья, за которые можно отдать всё на свете.

Но эти годы пролетели, и теперь требовалось подумать о будущем для себя и детей. И это самое будущее неодолимо влекло её в прошлое – в то прошлое, где до сих пор ничего не изменилось, за исключением одного: теперь не было ни Рауля, ни Атоса. Дрожащими губами Луиза шептала:

– Домой... В Блуа...

Она наконец решилась.

XXI. Завещание д'Артаньяна

В то время как Маликорн приступал к сложному расследованию, а красавица Атенаис выясняла отношения со своей менее удачливой соперницей, Арамис в герцогском экипаже мчался в Париж. Вихрем проделав путь от Версаля до столицы, ещё засветло он услышал, как застучали колёса кареты о камни парижской мостовой. Выглянув в окошко, почувствовал, как на него накатывает горячая волна внезапной слабости: он въезжал в тревожную обитель своей юности, в город, видевший его мушкетёром, аббатом, фрондёром, епископом; солдатом Людовика XIII и противником Ришелье, соратником Фуке и врагом Мазарини. И вот теперь Париж, равно жестокий к нему во всех ипостасях, принимал в его лице не вестника мятежных принцев, но посла мощной державы; не главу сельской епархии, но генерала величайшего духовного ордена; наконец, он, Арамис, был ныне не фаворитом госпожи де Шеврёз, а всесильным сеньором д'Аламеда, вдохновителем Совета Кастилии. Он воистину достиг вершин божественной власти и человеческого могущества, но великий город, словно бросая ему вызов, оставался равнодушным к невероятному перевоплощению своего пасынка, ни на миг не замедлив будничного движения.

Озирая с непонятной тоской проплывавшие мимо мрачные стены домов, Арамис вдруг вспомнил, какой фурор произвёл д'Артаньян по прибытии своём в Менг полвека назад на мерине апельсинного цвета. Да что там д'Артаньян: разве сам он, Арамис, в те далёкие годы, пролетая, бывало, на взмыленном коне через заставу, не ловил на себе вдсятеро больше восхищённых, завистливых либо, на худой конец, вызывающих взоров, нежели сейчас, в роскошной карете с герцогским гербом, овеванный небывалой славой и отмеченный печатью абсолютной вседозволенности? Всё просто: преклонение и обожание – сладкие дары безденежной юности, подобно тому как обеспеченная зрелость приносит уважение и страх, а позлащённая старость – раболепие и ненависть. Есть лишь одно чувство, которое человек способен пронести через всю жизнь, не умалив и не замарав. Имя этому чувству – дружба. Да, у Арамиса не было больше друзей: ушёл добрый Портос, умер от горя благородный Атос, погиб отважный д'Артаньян... Не было друзей, однако оставался ещё долг перед одним из них, исполнение которого сильнее всего прочего удерживало ныне Арамиса на этом свете, и он надеялся, что оно потребует немалых усилий, а главное – времени, ибо его-то, времени, как раз и требовало главное призвание генерала иезуитов. Кроме того, сие священнодействие – дань усопшему товарищу, другу, брату – создавало иллюзию того, что сама дружба не умерла. И будет жива до тех пор, пока жив он – последний из четырёх мушкетёров. И станет жить после него, пока не умрёт память об их подвигах. А значит, их дружба будет бессмертна.

Карета достигла аристократического квартала дю Марэ с его лёгкими светлыми фасадами. Дом графа д'Артаньяна располагался рядом с отелем принца Конде: их разделял лишь кусок полуразрушенной стены, сложенной ещё во времена Карла VI. Это свидетельствовало не только о внушительном состоянии хозяина, но и об особом положении д'Артаньяна при дворе Короля-Солнце – положении, достичь которого было почти невозможно.

Лошади с шумом въехали во двор маршальского особняка. Арамис порывисто отворил дверцу и вышел из кареты, озирая окрестности с неизъяснимой пьянящей радостью. Почти одновременно с этим наверху парадной лестницы показалась мрачная фигура, замершая, как показалось прелату, в почтительном поклоне. Сердце Арамиса заколотилось сильнее: что это за странная личность живёт под кровом его друга? Не имея возможности хорошо разглядеть её в сгустившихся сумерках, герцог д'Аламеда стал быстро подниматься по лестнице. От таинственного обитателя опустевшего дома его отделяло уже только пять-шесть ступеней, когда до него донёсся дребезжащий стариковский говор:

– Добро пожаловать, сударь, добро пожаловать. Как же я рад вас видеть!

Арамис остановился как вкопанный, пристально вглядываясь в очертания согбенной фигуры седовласого старца, который, по-видимому, отлично знал неожиданного посетителя, и чьи интонации всколыхнули в его душе столько воспоминаний.

– Я уж думал – не доживу... Эх, радость-то какая!..

– Планше! – с чувством произнёс генерал иезуитов.

– Да, ваша светлость, это ваш старый Планше. Я-то вас сразу узнал по вашей осанке и отличной выправке. Походка у вас прежняя, ну и... да что это я? Простите, сударь, простите старика.

– Планше, друг мой! Так ты здесь, в доме д'Артаньяна?

– Кому же, как не мне, стеречь добро моего господина? Я же был его управляющим, и каким!.. Но, видать, дурной из меня слуга...

– Отчего же, Планше? – спросил Арамис, обнимая прослезившегося старика.

– Да ведь я не умер вслед за ним, как Мушкетон – вслед за господином Портосом... ох, виноват: за господином дю Валлоном де Брасье де...

– Оставь это, друг мой, полно, – ласково произнёс Арамис, – лично мне гораздо милее слышать имя Портоса. А д'Артаньян, уж поверь мне, ни за что не пожелал бы стать причиной гибели своего преданного оруженосца. Он хорошо сделал, оставив тебя мне в помощники... Ты ведь знаешь, зачем я здесь, Планше?

– Ей-ей, не знаю, сударь, но всё равно: это для нас большущая честь и радость. Проходите, вы здесь дома.

– Нет, погоди, – насторожился Арамис, пропустив мимо ушей словечко «нас», сорвавшееся с уст славного Планше, – да неужто тебе и впрямь не известна причина моего приезда?

– Как перед Богом, ваша светлость, – ничегошеньки мне не известно, но мы всё равно ждали вас. И вот – дождались...

– Почему же ты ждал меня, раз ни о чём не знал?

– Нет, я знал, знал, что последний друг моего господина не оставит этот дом без хозяина. Мы думали, мы надеялись, что вы приедете, сударь, и наконец-то вы здесь!

– Ты сказал «мы», Планше?

– О господи, ну конечно, «мы»! Вы ведь не знаете, господин д'Эрбле... нет, прошу прощения, господин...

– Д'Аламеда, – улыбнулся Арамис.

– Ну, вот именно так... Так мне и сказал господин д'Артаньян, уезжая на войну: «Запомни, Планше, запомни накрепко: если я не вернусь, после меня на этой земле останется мой друг Арамис, которого теперь зовут герцог д'Аламеда. Во всём повинуйся ему, как будто он – это я».

– Спасибо тебе за это воспоминание, друг мой. И если хочешь, можешь называть меня д'Эрбле.

– Что вы, монсеньёр! – испугался Планше. – Не говорите этого, а то я не стану называть вас иначе как «ваше высочество»!..

– Но ты что-то собирался сказать. Что это за «мы»?

– Ах, ну да, – лукаво улыбнулся Планше, – знаете, Гримо ведь тоже тут.

– Гримо здесь, в этом доме?

– Да, господин д'Артаньян забрал его к себе после смерти графа де Ла Фер и молодого господина Рауля. Целый год он не проронил ни слова, а теперь нас тут всего двое, и мы целые дни и ночи напролёт всё вспоминаем, вспоминаем... То есть вы понимаете: вслух вспоминаю в основном я, а наш молчун по-прежнему верен себе. Но я, между прочим, понемногу стал понимать его жесты.

– Где же славный Гримо?

– Я здесь, сударь, – послышался голос из тёмной глубины гостиной, и на свет вышел иссохший старик.

Арамис протянул ему руку, а тот, схватив его ладонь обеими руками, в которых ещё чувствовалась былая сила, поцеловал её.

– К старости лет он сделался несносным болтуном, – доверительно сообщил Арамису Планше, – порою может полминуты говорить без умолку. Но всё равно тут очень тоскливо. Хорошо, что вы приехали, монсеньёр. Отчего же вас так долго не было? Ох, простите...

– Не извиняйся, Планше. Я и в самом деле припозднился: к сожалению, письмо д'Артаньяна дошло до меня совсем недавно.

– Хозяин писал вам? О господи, ну да, конечно, писал! Как мне, дураку, в голову не пришло? Он, верно, написал, чтоб вы тут не забывали нас. Ведь это всё теперь – ваше.

– Нет, Планше.

– Ваше, ваше. И этот дом, и Брасье, и Пьерфон, и Ла-Фер, и...

– Милый друг, – мягко прервал его Арамис, – я приехал не за этим.

– Но не оставите же вы нас опять в одиночестве, сударь? – взмолился старик. – О, я знаю, вы не поступите так со мною и Гримо.

– Конечно, нет, добрый мой Планше. Я и явился-то сюда для того, чтобы устроить всё согласно желанию д'Артаньяна.

– Коли так, я спокоен: господин д'Артаньян не пожелал бы мне дурного. Ведь так, ваша светлость?

– Несомненно, он крепко любил тебя. А теперь скажи мне: где находится портрет Генриха Четвёртого?

– Короля Генриха? Так вы знаете о портрете, монсеньёр?

– Д'Артаньян писал мне о нём, – уклончиво ответил герцог д'Аламеда, – кажется, кисти Монкорне?

– Ей-богу, не знаю. А ведь хозяин, никак, не только о нём, об этом господине Монкорне, писал вам, верно, сударь? Ведь в письме и обо мне сказано, так?

– О, разумеется, и о тебе, и о Гримо, – не сморгнув солгал Арамис, глядя на молчаливого слугу Атоса, склонившего белую голову в знак признательности, – д'Артаньян призывал меня позаботиться о вас обоих.

– Слава богу! – с жаром вскричал растроганный Планше.

Честный пикардиец забыл уже, как несколько минут назад герцог неподдельно удивлялся его присутствию не только в доме, но и на этом свете вообще. О нём взялись позаботиться – и он был счастлив этим.

– Так как же портрет? – напомнил Арамис.

– Ах, да он же висит в кабинете графа.

– В самом кабинете, вот как? – переспросил несколько озадаченный прелат.

Он-то скорее ожидал увидеть пресловутую картину в одной из галерей или над лестницей – в таком месте, где тайник меньше бросается в глаза. С другой стороны, кто рискнул бы обыскивать дом маршала Франции, приближённого Людовика XIV?

– Да, в кабинете, как раз напротив портрета графа де Ла Фер...

Арамис невольно вздрогнул при этих словах старого слуги и в полном молчании прошёл вслед за двумя товарищами в просторный кабинет со стенами, увешанными всевозможным оружием. Но не шпаги и эспадоны приковали к себе взор испанского посла. Со стены на изумлённого Арамиса смотрели мудрые очи его старинного друга – такого, каким он видел его когда-то давным-давно на улице Феру. Лебрен, скопировавший изображение с медальона Бражелона по заказу д'Артаньяна, вложил в портрет всю свою душу, и оттого лицо Атоса выглядело необыкновенно одухотворённым, а рыцарские латы, отягощающие иные холсты, лишь придавали зримое ощущение необыкновенной силы, заключённой в графе де Ла Фер.

Ни малейшего намёка на ревность не пробудило в душе герцога такое дружеское внимание: он лучше других знал о сыновней привязанности д'Артаньяна к Атосу. К тому же, как говаривал отважный гасконец Анне Австрийской, «граф де Ла Фер не человек, граф де Ла Фер – полубог». Так может ли высокий церковный иерарх ревновать к созданию божественного происхождения? О нет, тысячу раз нет!

– О друзья мои, где вы? – беззвучно прошептал он.

– Вот он, король Генрих, – услышал он голос Планше, доносящийся будто издалека.

Арамис перевёл взгляд на другую стену и сразу узнал Беарнца, так похожего на самого д'Артаньяна. Чёрные глаза великого монарха глядели с вызовом на дерзкого, осмелившегося поднять руку на его внука. Арамис спокойно выдержал острый взгляд Генриха IV в полном сознании собственной правоты: он действовал в интересах другого отпрыска Бурбонов, вот и всё. Так в чём же мог упрекнуть его грозный король? И генерал общества Иисуса гордо вскинул голову.

– Знаешь, любезный мой Планше, – обратился он через несколько мгновений к замечтавшемуся управляющему, – я был в пути полдня и, сам не знаю почему, страшно проголодался.

– Ах, монсеньёр, простите старого дураля, – в отчаянии вскричал Планше, старательно заламывая руки, – не извольте беспокоиться, умоляю вас: через час вас будет ожидать самый изысканный стол во всём Париже!

С этим воинственным воплем наш старый знакомый, увлекая за собою Гримо, выбежал из кабинета так быстро, будто у пресловутого ужина нежданно-негаданно выросли мускулистые ноги и он во всю прыть улепётывал от Планше. Герцог д'Аламеда дождался, пока смолкнет топот; затем, подойдя к дверям, плотно затворил их. Оставшись наконец один с неведомой доселе волей достойнейшего мужа Франции, которую ему, величайшему гранду Испании, ещё только предстояло раскрыть, он вновь погрузился в раздумья.

Действительно, было над чем поразмыслить достойному прелату... О чём хотел уведомить его д'Артаньян в Блуа и – не уведомил? На что намекал в своём более чем таинственном послании? Чем намеревался поразить воображение самого Арамиса, – что сделать было – и мушкетёр знал это наверняка – весьма и весьма затруднительно? Но, с другой стороны, разве говорил когда-нибудь д'Артаньян попусту? Разве не достигал всегда желаемого либо обещанного им, что было для него равноценно? Разве не читал он подчас в его, Арамиса, душе, как в открытой книге?

Едва ли в намерения мушкетёра входило изумить герцога д'Аламеда передачей ему своего имущества. Хотя кому ещё мог завещать состояние д'Артаньян, если не ему? До чего же сложно разгадать намерения и мотивы хитроумного гасконца: не в пример сложнее, нежели дипломатические интриги короля Людовика, пусть он и мнит себя политическим гением. На своём жизненном пути д'Артаньян знал лишь двух достойных соперников – великого кардинала и его, своего товарища по оружию. Но Ришелье признал себя побеждённым, а теперь и Арамис чувствовал себя совершенно беспомощным перед торжеством более могучего и изощрённого разума.

Оставив попытки предвосхитить развязку, герцог д'Аламеда решительно направился к портрету Генриха IV и с величайшей осторожностью снял его со стены. Ему открылась миниатюрная копия того знаменитого кромвелевского хода, через который в своё время ускользнул от них Мордаунт. Решительно, д'Артаньян с годами не утратил чувства юмора.

Благоговейно достав из тайника единственный хранившийся в нём предмет – довольно увесистый ларец с серебряной инкрустацией, – Арамис бережно перенёс его на письменный стол, содержащийся, как и весь дом, в безупречном порядке преданным Планше. Медленно обойдя стол и заняв место в высоком кресле, украшенном графским гербом, он неподвижно замер. Несколько бесконечных минут он не мог заставить себя прикоснуться к стоявшей перед

ним святыне; затем, непроизвольно осенив себя крестным знаменем, открыл ларец и извлёк оттуда свиток пергамента.

С этого момента неведомо откуда взявшаяся слабость покинула его, словно от прикосновения к завещанию друга ему передалась сила самого д'Артаньяна. Он решительно сломал печать и развернул пергамент, гласивший:

«Я, Шарль Ожсьё де Батиц де Кастельмор, граф д'Артаньян, капитан-лейтенант гвардии роты мушкетёров его христианнейшего величества Людовика XIV, пребывая в здравом рассудке и трезвой памяти, что может самолично подтвердить король, поставивший меня во главе своих войск, излагаю в настоящем документе свою последнюю волю и посему прошу считать его моим завещанием.

Мне пятьдесят девять лет и, не считая свой возраст старостью, я всё же полагаю необходимым заручиться в преддверии будущей кампании отпущением грехов. А посему прошу всех моих ныне здравствующих врагов, которых, впрочем, не должно быть слишком много, а также их потомков, простить мне то зло, которое я мог когда-либо им причинить. В этом руководствуюсь прекрасным и в высшей степени похвальным примером моего незабвенного друга Портоса...»

Арамис прервал чтение для того, чтобы утереть выступившую на лбу испарину.

«Милостью Божией и дружеской в настоящее время в моём владении состоят:

Родовое поместье Артаньян на берегу Адура близ Вик-де-Бигора, которое я за долгое время навещал лишь дважды: в 1645 году, то есть накануне Фронды, и двадцать один год спустя, то есть немногим менее года назад;

Графство Ла-Фер, завещанное мне моим другом – благороднейшим рыцарем Франции, которого я почитал и до самой смерти буду почитать как отца;

Замок Бражелон близ Блуа, завещанный упомянутым выше графом Арманом де Силлегом де Ла Фер после кончины его сына, которого я считаю и своим сыном, – виконта Рауля Огюста-Жюля де Бражелона;

Поместье Пьерфон в Валуа и прилегающие к нему земли, леса, луга и озёра;

Поместье Брасье в Суассоне с замком, лесами и пахотными землями;

Имение Валлон в Корбее, доставшееся мне, как и предыдущие два, от Рауля Огюста-Жюля де Бражелона, унаследовавшего их от барона Исаака дю Валлона де Брасье де Пьерфона;

Коттедж на берегу Клайда близ Глазго и прилегающие к нему восемьсот арпанов земли, подаренные мне моим другом Джорджем Монком, герцогом Олбермельским, вице-королём Ирландии и Шотландии;

Участок Батиц, относящийся к судебному округу Люпиака в приходе Мейме, который я включаю в список лишь для порядка, ибо он не представляет собою почти никакой ценности;

Девяносто три фермы в Турени, Гаскони и Беарне, составляющие в совокупности девятьсот сорок арпанов;

Три мельницы на Шере;

Три пруда в Берри;

Кабачок «Нотр-Дам» на Гревской площади Парижа.

Всем этим имуществом я обязан своему отцу и друзьям, живым и почившим, да примет их души Господь. Что до моих собственных заслуг, то за сорок с лишним лет безупречной службы его величество пожаловал мне:

Поместье Кастельмор на границе Арманьяка и Фезензака, дающее право на графский титул;

Поместье Ла Плэнь, а именно: замок, луговые угодья и воды;

Небольшое имение Куссоль;

Дом по соседству с отелем Сен-Поль в парижском квартале дю Марэ.

Что касается движимого имущества, то список его составлен моим управляющим – господином Плание...»

Арамис улыбнулся, увидев упоминание о слуге, верой и правдой служившем д'Артаньяну ровно столько, сколько сам д'Артаньян служил Франции. Вместе с тем он поневоле преисполнился восхищением при перечислении владений своего друга, прибывшего сорок четыре года назад в Париж с восемью экю в кармане. Любопытно, как же распорядился он этим поистине громадным состоянием? Сам Арамис не испытывал ни малейшего желания взваливать на себя такой груз. Человеку, владеющему всей Испанией, нужны ли кусочки Франции?..

«До прошлого года я полагал, что, подобно моим друзьям, умру бездетным, утешая себя лишь тем, что у меня есть друг – проживающий в настоящее время в Испанском королевстве дон Рене д'Аламеда, которому я и завещаю своё имущество. Однако, посетив, как было сказано выше, в прошлом году своё родовое имение, я узнал, что у меня есть взрослый уже сын, родившийся в 1645 году. Его мать, достойная вдова, принадлежащая к старинному дворянскому роду, посвятила ему свою жизнь и умерла четыре года назад. Две недели мы были с ним неразлучны и, смею полагать, он и в самом деле привязался ко мне, как к отцу, хотя у меня так и не осталось смелости открыться ему. Я не забрал его с собой, ибо он дал матери обет не покидать дома в течение пяти лет со дня её смерти. Тем не менее настоящим признаю Пьера де Монтескую своим родным сыном и оставляю ему всё моё вышепоименованное недвижимое и движимое имущество, чтобы хоть в малой степени возместить годы разлуки с человеком, не ведавшим, что имеет счастье пребывать отцом столь отважного дворянина.

Но, поручая шевалье де Монтескую, которому с момента оглашения настоящего завещания надлежит именоваться графом д'Артаньяном, хлопоты о моей собственности, приносящей триста пятьдесят тысяч ливров годового дохода, я поручаю самого наследника заботе его светлости герцога д'Аламеда – моего душеприказчика и единственного друга. завещаю ему отцовскую любовь и беспокойство за будущее моего сына, равно как и сыну моему – почти-тельность к достойнейшему дворянину, которого мне всегда было милее называть просто Арамисом и другом которого я до последнего дыхания пребываю.

Писано в Версале 17 ноября 1667 года».

Арамис пробежал глазами размашистую подпись капитана мушкетёров и в изнеможении откинулся в кресле. Впервые за всю свою долгую жизнь он был на самом деле потрясён. Д'Артаньян и в этом оказался прав...

XXII. Пьер де Монтескью

Молодому человеку хотелось бури. Вокруг же, доколе хватало глаз, природа была бесцветна и невозмутима. Тусклое осеннее солнце простирало к нему свои безжизненные лучи, отрешённо лаская смуглые щёки. Птичья стая, выпорхнувшая из-за холмов, не приветствовала его, по обыкновению, бурливыми криками, а безмолвно унеслась в бледно-голубые дали. И даже водопад, низвергаясь со скалистых круч, не радовал сегодня оглушительным хаосом огненных брызг, будто сам речной бог сдерживал прохладные потоки.

Жадно вглядываясь в горные просторы, тщетно искал он чего-то нового в дивном полуденном пейзаже, до зубовного скрежета знакомого ему с малых лет. Душистый, тёплый гасконский воздух, в котором привык он купаться, следуя за ветром, казался ему сегодня терпким на вкус. Ему грезились жаркие схватки и неистовые погони, пушечная пальба и лязг металла: всё то, что таил в себе необъятный, дурманящий, головокружительный мир. Всё то, что тогда принято было называть настоящей жизнью. Всё то, что скрывали от него сторожевые горы.

Горы именовались Пиренеями. Юношу звали Пьером де Монтескью.

Ну, не странно ли, что молодому пылкому дворянину не довелось до двадцати трёх лет окунуться в стремнину битвы? И это в те годы, когда короли и рыцари Европы сходились в поединках, обнажая вместо шпаг армии и государства; когда Испания, как поговаривали в округе, только и ждёт случая вцепиться в спину Франции, пока его величество диктует свою волю сломленным голландцам. Сломленным – не без участия того славного дворянина, что приезжал два года назад. О, граф д'Артаньян – вот это отменный мужчина, солдат до мозга костей, воин, закалённый в тысячах стычек. А разве не был граф в его, Пьера, возрасте уже лейтенантом цесарского легиона мушкетёров? И сегодня, именно сегодня, в последний день пятилетнего заточения, на которое обрёл он себя по воле матери, сам господин д'Артаньян – его покровитель, друг и наставник – приехал бы за ним и увёз на войну: ведь именно об этом они тогда условились. Слово д'Артаньяна было так же незыблемо, как и Пиренеи; о, в этом Пьер не усомнился бы ни на минуту, но увя... Все надежды его были уничтожены роковым залпом голландской батареи. Известие о гибели графа д'Артаньяна, в последние мгновения жизни ставшего маршалом Франции, облекло в траур окрестные поместья, преисполнив сердца соседей великого мушкетёра скорбной гордостью. Но больше других страдал, конечно, он, ибо никто из прочих гасконских дворян не знал графа так, как сумел узнать его за несколько долгих дней он, Монтескью. Удивительно, что такой человек, как господин д'Артаньян, не только удостоил своим вниманием безвестного юношу, мать которого, впрочем, он знал едва не с колыбели, но и провёл с ним всё то время, что навещал свои имения. Это обстоятельство, служившее предметом зависти прочих земляков капитана, даже послужило впоследствии причиной пары дуэлей, возымевших своим итогом то, что самые отъявленные гасконские забияки дали зарок Пречистой Деве не ссориться с этим дьяволом Монтескью, которого, мол, сам д'Артаньян обучил своим коронным приёмам. Надо сказать, они не слишком погрешили против истины, но с тех пор для Пьера, связанного цепкими узами обета, не стало иных развлечений, кроме прогулок по горам, охоты да занятий в обширной библиотеке, имевшейся в замке. К чести молодого человека заметим, что третье он в основном предпочитал первому и второму, а потому, несмотря на вынужденную замкнутость, сумел, сам того не ведая, стать одним из образованнейших людей своего поколения. Мы и вовсе не рискуем ошибиться, добавив: одним из искуснейших фехтовальщиков того времени. Просто насмешница-судьба по сей день позволила ему продырявить лишь двух мелкопоместных дворянчиков. Ему, сыну человека, которому то же Провидение уготовило в прошлом столько захватывающих приключений!

Таков был шевалье де Монтескью, не подозревавший о том, чья кровь струится в его жилах, туманя взор и обжигая рвущееся в атаку сердце. Ибо храбрый д'Артаньян впервые в

жизни проявил слабость, за что потом корил себя многократно, и... отложил объяснение до следующего своего визита на родину, которому уже не суждено было состояться.

Попробуем описать его внешность... Впрочем, это ни к чему, если читатель способен живо представить облик самого д'Артаньяна на заре повествования. Освежив в памяти образ беарнца, въезжающего на оранжевом коне в славный город Менг, он окончательно сложит себе зрительное представление о его сыне. Одним словом, де Монтескую чрезвычайно походил обликом на д'Артаньяна, и данное обстоятельство наполняет смыслом избитые изречения вроде «он возродился в своём потомстве».

Мать Пьера, Жанна де Гассион из древнего графского дома Фезензаков, овдовевшая спустя полгода после свадьбы с Генрихом де Монтескую, была единственной владелицей обширных владений, приносивших ей, а теперь Пьеру до тридцати тысяч дохода, что было просто неслыханным богатством для Гаскони, да и не только. Располагая немалыми средствами, достойная женщина сделала всё возможное для того, чтобы воспитать сына подобающим образом. Это ей удалось: юноша с успехом сочетал в себе лучшие качества д'Артаньяна и Арамиса, свободно изъясняясь на двух мёртвых и четырёх живых языках, цитируя Платона и заочно дискутируя с Аристотелем. Манеры Монтескую не оставили бы равнодушными первых придворных красавиц, а храбрость, в свою очередь, давала манерам сто очков вперёд. Короче говоря, шевалье де Монтескую не имел ничего общего с портретом молодой дворянской поросли Беарна, увековеченным впоследствии Ростаном:

*«Вот младшие дети Гаскони,
Бретёры с младенческих лет,
Бахвалы, что вечно трезвонят
О предках, гербах и короне:
Знатнее мошенников нет...»⁴*

Нынче истекал срок, назначенный сыну Жанной де Гассион с высоты смертного одра. Бедная мать лелеяла надежду избавить сына от опасностей и тягот войны, неотвратимо надвигавшейся на Францию, но вместе с тем не нашла в себе сил оставить отца в неведении о сыне, написав письмо капитану мушкетёров с указанием вручить тому лично в руки, буде он снова посетит родные края. Это случилось, как нам уже известно, по прошествии трёх с лишним лет...

Приняв наконец твёрдое решение, Пьер улыбнулся горам. Завтра же он соберёт всё необходимое и пустится в дорогу, чтобы предложить свою шпагу его величеству. Он сошлётся на графа, и тогда король не сможет ему отказать в службе: кому не известно, что господин д'Артаньян был правой рукой Людовика XIV? И он добьётся, сумеет достичь того же, чего достиг д'Артаньян: ведь тот сам предсказал ему это.

Сомнения покинули юношу, и одновременно с тем вернулось ощущение реальности: вдохнув посвежевший воздух полной грудью, он услышал величавый гул водопада, перебиваемый тысячей других звуков. И среди них... нет, это не просто чудится ему, это и впрямь как будто конский топот. Взбежав на пригорок, юноша окинул дорогу зорким взглядом и ясно увидел облако пыли, в котором неслась чёрная карета, запряжённая четверкой сильных коней.

Стоит ли говорить, что карета направлялась напрямиком к замку Монтескую?

⁴ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

XXIII. Встреча

Однажды в разговоре с Фуке Арамис, бывший тогда ваннским епископом, заметил, что при необходимости д'Артаньян побежит быстрее самой быстрой лошади. Но сын славного мушкетёра, даже унаследовав всю его силу и выносливость, не мог всё же поспеть за целой упряжкой. И потому, несмотря на всю спешку, наш новый знакомый вбежал во двор Монтеस्कью лишь через пять минут после прибытия таинственной кареты. Из сбивчивых объяснений переположившейся челяди он уяснил только, что из чёрного экипажа, стремительно влетевшего в ворота замка, вышел чёрный же старик и немедленно направился в дом, даже не представившись.

Именно с этого момента читатель может открыть счёт различиям, существующим между характерами д'Артаньяна и де Монтеस्कью. Бережно храня память о вспыльчивости друга Атоса, Портоса и Арамиса, он, казалось бы, вправе ожидать того же и в его отпрыске. Однако перед автором романа, а тем паче романа исторического, вовсе не стоит цель возродить в очередной книге образ полюбившегося ранее героя. Довольно и разительного внешнего сходства, что, впрочем, совсем не редкость, когда речь заходит об отце с сыном.

Итак, Пьер был совершенно чужд взрывным проявлениям гасконского темперамента, а потому выслушал возгласы прислуги разве что с удивлением и той потаённой радостью, с которой он встречал все перемены в своей размеренной жизни. В первую минуту он даже не удосужился задаться вопросом: кто же этот таинственный гость, нарушивший патриархальный покой средневекового замка?

Как и следовало ожидать, незнакомец дожидался хозяина в обширной зале, обрызганной цветными лучами, струящимися сквозь узорчатые стёкла. Сердце юноши забило чаще: он, не ведавший страха, почувствовал невольный трепет при виде этого совершенно не знакомого ему человека. В свою очередь, Арамис, давно расставшийся с чувствами, отличающими смертных от существ высшего порядка, издал почти неслышное восклицание. Но звук этот, навряд ли способный потревожить хотя бы паука в его тенётах, в устах герцога д'Аламеда был сродни воплю матерей египетских.

И не удивительно: ведь взору генерала ордена явился д'Артаньян – красивый, молодой и стройный – такой, каким он знал друга в окопах Ла-Рошели. Не в силах отвести глаз от изумительного лица Пьера, он бормотал: «Друг мой, я верил, я так верил в это...» Сделав шаг навстречу владельцу замка, он торжественно произнёс:

– Прошу вас простить мне бесцеремонное вторжение в ваши владения. Меня оправдывает лишь то, что двигала мною в основном забота о собственно ваших интересах, господин... де Монтеस्कью.

– Вот как! – с чарующей улыбкой отозвался молодой человек. – Мои интересы?

– Ваше недоумение вполне естественно, но верьте мне: скоро всё прояснится.

– Позволено ли мне будет прежде узнать ваше имя?

– Оно едва ли скажет вам о многом, шевалье. Тем не менее открою вам, что я – испанский гранд, посол его католического величества во Франции, герцог д'Аламеда.

– Посол... герцог... – ошеломлённо повторил юноша, приближаясь к визитёру.

– Судя по всему, моя фамилия не слишком популярна по эту сторону Пиренеев, – произнёс Арамис, словно не замечая замешательства собеседника, – но смею заверить, что я располагаю отменными рекомендациями.

– Бог мой, что вы, монсеньёр! О чём вы говорите? Это великая честь для моего скромного дома – принять посланника Испанского королевства. Позвольте, я сделаю распоряжения относительно комнат и обеда.

Арамис учтиво кивнул и, пока Монтескью отдавал слугам быстрые, по-военному чёткие приказания, с неизъяснимой нежностью любовался живым воплощением старого друга. Правда, жесты юноши, его манера держаться упорно подсовывали его памяти другой образ из его бурного прошлого... Герцог старался понять, кого же ещё напоминает ему сын д'Артаньяна, но облик этот то и дело ускользал из его залитого светом бесконечной радости сознания.

Отпустив слуг, Пьер пригласил гостя в библиотеку. Выразив искреннее восхищение книжным собранием, Арамис начал разговор, с которого, собственно, и начинается сие повествование:

– Признайтесь, господин де Монтескью, что вы были немало удивлены внезапным визитом незнакомого дворянина, да к тому же, – он промедлил секунду, пристально глядя в глаза Пьеру, – чужестранца.

– О, испанцы едва ли могут считаться чужаками в Гаскони, – непринуждённо отвечал юноша, – что до удивления, то меня больше всего поразила ваш французский. Я и сам владею кое-какими навыками кастильского наречия, но при этом едва ли сойду в Мадриде за местного жителя подобно тому, как вы, без сомнения, сходите в Париже.

– Ну, в этом-то всё и дело. Если я говорю по-французски, как француз, этому есть только одно объяснение: я и есть ваш соотечественник. И то, что в настоящее время я являюсь амбасадором Эскориала, вовсе не мешает мне оставаться французским дворянином.

– Для меня, в самом деле, чрезвычайно лестно повстречать человека, сумевшего так возвыситься за границей, – сдержанно заметил Монтескью.

Признание гостя заставило его насторожиться: ведь не каждый день слышишь об испанском герцоге французского происхождения. Не изменник ли этот старый идалго, в котором чувствуется неведомая, но страшная, стихийная сила? Не намерен ли он попытаться и его, Монтескью, склонить к предательству своей страны? Не является ли странный визит одним из множества подобных, нанесённых поместным гасконским дворянам? Быть может, это первый шаг к открытию военных действий? Кто знает? Как бы то ни было, он – посол, а это обязывает каждого порядочного человека к известной почтительности...

Арамис без труда разгадал ход мыслей гасконца, вызванных его же откровениями, а потому поспешил разрядить обстановку:

– Этот край для меня был и остаётся единственной родиной, поэтому я стараюсь навещать сюда как можно чаще. В последний раз я побывал здесь незадолго до войны и увёз на груди превосходное напоминание о Франции – орден Святого Михаила.

После этих слов Пьер слегка расслабился: не мог же Людовик XIV таким образом вознаграждать изменника. По крайней мере, так думалось сыну д'Артаньяна, ещё не преуспевшему в версальских интригах. Напряжение спало, но повисло молчание, которое становилось уже неловким, когда тот же Арамис вновь нарушил его:

– К сожалению, в прошлый свой приезд я не простился с другом – единственным, оставшимся в живых, который погиб вскоре в Голландии.

– Это весьма печально, – тихо произнёс Пьер, – я хорошо понимаю ваши чувства, монсеньёр, ибо и сам потерял на этой войне очень близкого мне человека.

– Война с голландцами – серьёзное испытание для Франции, как первый конфликт нового царствования. Моё посольство, собственно, и заключалось в поддержке французского вторжения со стороны Испании. Теперь, после подписания конкордата, декларирующего, помимо прочего, нейтралитет Мадрида, мирные соглашения будут куда выгоднее для обеих наших держав.

– Мир и согласие между Испанией и Францией всегда были залогом их могущества, – осторожно подтвердил Монтескью, теряясь в догадках, чего ради именитый вельможа доверяет ему дипломатическую хронику Версаля.

– В настоящее время ваша светлость, вероятно, направляетесь домой? – мягко осведомился он.

Интонации его голоса сумели наконец отворить двери сознания Арамиса и, закрыв глаза, он не прошептал даже, а выдохнул:

– Рауль...

Действительно, своей обходительностью и светлым благородством юноша сильно напоминал сына графа де Ла Фер, состояние которого он, ещё сам того не ведая, унаследовал.

– Монтескью ведь расположен по дороге к испанской границе... – донеслось до него сквозь туман грёз.

– Да, вы правы, – согласился Арамис, тепло глядя на гасконца, – этот гостеприимный дом и впрямь находится на пути к Мадриду, но на сей раз я направляюсь не туда.

– Прошу прощения, – смутился Пьер, – я ни в коем случае не желал показаться любопытным.

– Полноте, это вовсе не секрет, ибо я уже достиг места назначения.

– Места назначения? – непонимающе переспросил молодой человек. – Так место вашего назначения – Гасконь?

– Верно, а если быть совершенно точным – замок Монтескью.

подавив возглас изумления, юноша вопросительно посмотрел на Арамиса:

– Так у вашей светлости дело ко мне?

– Скорее – у моего друга.

– Вашего друга? Кто же он, монсеньёр, и почему сам не...

– Он погиб, как я уже имел честь сообщить вам, – погиб при осаде небольшой фрисландской крепости...

– Не может быть!.. Но ведь именно во Фрисландии... Боже! Ответьте, как звали этого человека, монсеньёр? Назовите его имя.

– Маршал д'Артаньян.

Пьер порывисто вскочил со своего места и прошёлся по комнате. Затем, остановившись и глядя в распахнутое окно на белёсое ноябрьское небо, прошептал:

– Я ждал, я надеялся... Я знал, что граф не оставит меня так, не простившись...

Потом, не оборачиваясь, заговорил громче:

– Прошу вас принять тысячу благодарностей за эту весть, монсеньёр; я всей душой любил господина д'Артаньяна.

Арамис также поднялся и, протягивая ему свиток пергамента, размеренно сказал:

– Это завещание д'Артаньяна. Прочтите его, шевалье.

Юноша, погружённый в свои размышления, с видимой неохотой принял свиток из рук Арамиса и стал невозмутимо читать. Но дойдя до последнего параграфа, внезапно побледнел и, не в силах вымолвить ни слова, уставился на герцога. Арамис же, выпрямившись во весь свой прекрасный рост, сверкая огненным взором, произнёс:

– Да, это правда, господин д'Артаньян!..

XXIV. Первые три дня франко-испанского союза

А что же д'Олива? Чем был занят преемник Арамиса всё то время, пока начальник путешествовал по Франции? Удовлетворить любопытство читателя несложно: ведь он и сам, верно, догадывается, что достойный прелат истово служил делу ордена.

Во исполнение воли генерала преподобный отец подстерёг королевского виночерпия в одной из потаённых галерей. Бесстрастно выслушав из уст священника два заурядных по звучанию, но страшных по смыслу слова, Дюшес молча кивнул седеющей головой и быстро удалился. Участь исповедника Марии-Терезии Австрийской была решена...

Став таким образом (в который раз!) в один ряд с небожителями, ведающими судьбами рода человеческого, иезуит назавтра испросил аудиенции у самой королевы. Аудиенция была дана и затянулась часа на четыре. Людовик, которому об этой встрече незамедлительно сообщил Сент-Эньян, сначала насторожился и даже выразил некоторую обеспокоенность. Но появление Атенаис сделало своё дело: минутою позже солнцеподобный монарх был уже всецело поглощён ею, предоставив супруге вволю тешиться беседами со служителями церкви.

Примечательно, что после сего продолжительного общения Мария-Терезия тут же отказала в приёме преподобному Паскалю, сославшись на недомогание. Причина представилась духовнику тем более убедительной, что он и сам со вчерашнего вечера чувствовал себя не лучшим образом, смиренно перенося приступы тошноты, перемежающиеся нещадными резами в желудке. Предоставленный самому себе, он поспешил слечь с тем, чтобы больше уж не подниматься до десятого ноября. Как и было predetermined.

Утром отца д'Олива разыскал в Версале гонец, отправленный Арамисом перед отъездом в Гасконь. Записка, вручённая иезуиту, гласила:

«Будучи посвящён в тайны мёртвых, имеющие значение для живых, срочно отбываю к испанской границе. Препоручаю вас чести и гостеприимству французского двора вплоть до встречи в Фонтенбло.

Герцог д'Аламеда».

Воздев очи к расписному потолку, д'Олива перекрестился и пошёл справиться о здоровье брата своего во Христе. Но в коридоре был остановлен военным министром, любезно приветствовавшим посланника:

– Желая и вам доброго дня, монсеньёр, – отвечивал иезуит.

– Благодарю, преподобный отец. День и впрямь обещает быть добрым – третий день нашего союза.

– Э-э, господин де Лувау, если мы, политики, будем считать дни этого союза, то что останется делать народам, живущим в постоянном страхе перед войной. Будем же готовы потерять счёт годам мирного благоденствия наших держав.

– Немногие желают этого больше меня, отче.

– Прекрасно, что в числе упомянутых немногих состоит и господин суперинтендант. Сие обстоятельство существенно укрепляет мою веру в завтрашний день.

– Не премину сообщить господину Кольберу о ваших суждениях, весьма для него лестных. Я сейчас направляюсь к нему.

– Буду премного благодарен, сын мой...

Приняв благословение священника, Лувау вошёл к Кольберу, застав того за изучением географической карты. Обратив к молодому вельможе почти улыбающееся лицо, министр дружелюбно молвил:

– Не подлежит сомнению, что в эти утренние часы господина военного министра привело ко мне какое-то неотложное дело?

– Разве это настолько очевидно?

– Я уже немолод, господин де Лувуа, и давно читаю в людских сердцах не по слогам. А когда вижу, что блестящий придворный, занимающий один из высших государственных постов, заходит в кабинет такого человека, как я, то вправе же я заключить, что совершает он это не забавы ради. Что, не так?

– При всём моём уважении, монсеньёр, это лишь половина правды. Я всегда, поверьте мне, очень высоко ценил возможность общения с вами...

– Вы льстите старику, сударь. Это чересчур благородно с вашей стороны.

– Нет, не говорите так. Если бы мне вздумалось уместить суперинтенданта, я бы уж сумел подыскать комплименты поцветистее. Теперь же я говорю лишь то, что думаю.

– Пусть так. Спасибо за искренность, но вы тем не менее не станете отрицать, что у вас ко мне дело?

– Не стану, монсеньёр, это так.

– Дело государственной важности, полагаю? – уточнил Кольбер с тем оттенком снисходительности, который так легко выдать за вдумчивость.

Лувуа попался на удочку, но всё же заметно покраснел. Глядя прямо в глаза министру финансов Людовика XIV, он твёрдо произнёс:

– Судите сами, монсеньёр: не так давно вы ставили это дело на одну доску с военно-политическим союзом двух стран.

– А-а, вот вы о чём...

– Вам угодно было вспомнить, о чём идёт речь, не правда ли?

– Нет, господин де Лувуа.

– Нет? – с нажимом переспросил военный министр.

– Разумеется, нет, ибо я никогда и не забывал об этом. Итак, вы честно выполнили свои обязательства и теперь требуете от меня того же?.. Что ж, справедливо.

– Я совсем не то хотел сказать, господин Кольбер, – сокрушённо покачал головой Лувуа, – от подобных формулировок, право, веет холодом.

– Что делать, я – финансист. Бросьте, господин де Лувуа, не сердитесь: знайте, я по-прежнему принимаю ваши заботы близко к сердцу.

– Правда?

– О да. Но ответьте мне...

– Что, монсеньёр?

– Отчего вы вспомнили об этом именно сегодня?

Лувуа на секунду смешался, затем с трудом выговорил:

– Но... ведь теперь, когда испанские дела улажены...

– Сегодня?

– Когда голландская кампания завершена или почти завершена...

– Сегодня, господин де Лувуа?!

– Когда определены сроки мирных переговоров...

– Прекратите, господин де Лувуа! На вопрос о личных ваших переживаниях нет нужды отвечать лекцией о внешнеполитическом положении Франции: для этого я располагаю отчётами вашего ведомства и этой картой. Так что же?

– Извольте, монсеньёр, я буду прям: мне претит сама мысль о том, что я в недалёком будущем вынужден буду обратиться к Лозену: «ваша светлость». Достаточно ли это откровенно?..

Положа руку на сердце, вовсе это не было откровенностью со стороны Лувуа: притчей во языцех стало при дворе Короля-Солнце более чем вольное обращение министра с герцогами и пэрами. Не пытаясь умалить заслуг главы военного ведомства, признаем, что действовал он при этом, руководствуясь не честолюбием даже, а банальным тщеславием. Один пример: свои письма к герцогам Лувуа с некоторых пор начинал обращением «сударь» вместо принятого

«монсеньёр». И поскольку такой номер прошёл сначала с одним, а потом и со вторым, и с третьим герцогом, не встречая сопротивления со стороны сиятельных особ, данный обычай укоренился в Совете: примеру молодого сановника охотно последовали и другие государственные секретари. Не исключая, кстати, и господина Кольбера, который тем не менее отвечал коллеге:

– Вполне откровенно, этого я и ждал. Запомните на будущее, что мы сможем добиться куда большего, не скрывая друг от друга хотя бы своих целей, благо они у нас общие.

– Запомню.

– Чудесно! Вернёмся к нашему гасконцу. Он, само собой, далеко не д'Артаньян, однако храбрости ему не занимать, равно как и королевского расположения. Впрочем, что я говорю вам об очевидных вещах?

– Но ведь...

– Знаю, знаю, – поморщился Кольбер, – только не надо вновь напоминать мне о данном слове. Разрази меня гром, вы же мой компаньон в этом деле, а не кредитор. С компаньонами же я всегда безукоризненно честен. До конца.

– Я ни на минуту не усомнился в вас, монсеньёр!

– В самом деле? – пожал плечами суперинтендант. – Выходит, мне показалось. Неважно.

Остановить барона можно...

– О-о!

– Да-да, можно, несмотря на его триумфальное шествие по ступеням трона.

– Но, господин Кольбер, его величество благоволит к Лозену и, по слухам, вот-вот даст своё согласие на его помолвку с принцессой.

– Ах, господин де Лувуа, если бы все слухи сбывались, ваш покорный слуга был бы уже давно оскоплён, обезглавлен, колесован, четвертован и сожжён. Что есть слух? Немилосердно преувеличенный пьяный бред лакея или раздутая выдумка пажа? Полноте! К тому же, фавор – явление зыбкое и преходящее.

– Но им нельзя пренебречь, – возразил Лувуа.

– Верно, но разве я обещал, что опала де Лозена воспоследует немедленно? Нет, господин де Лувуа, свалить фаворита – дело нелёгкое, не то что свести Францию с Испанией. Следует набраться терпения и ждать.

– Ждать! Но чего же?

– Случая – лучшего из всех помощников.

– Разумно ли полагаться в подобном деле на случай? – усомнился помрачневший министр.

– Почему бы и нет, коль скоро пресловутый случай будет любовно и тщательно взлелеян и выпестован в этих стенах?

Сказав это, Кольбер со значением посмотрел в глаза Лувуа. Этот пронзительный взгляд выдающегося государственного мужа обещал больше, чем то, на что могло рассчитывать честолюбие всех членов Совета. Сразу уверившись в неизбежном исполнении всех, не вполне ещё понятных ему замыслов, молодой военный министр грациозно поклонился.

– А теперь мне нужна ваша помощь, – прервал паузу Кольбер.

– К вашим услугам, – откликнулся Лувуа.

– Сделайте милость, скажите мне... Нет, погодите. Вы понимаете, что это строго конфиденциально?

– Я всё понимаю, сударь, – улыбнулся Лувуа.

– В таком случае скажите: с момента вашего назначения рассматривалась ли в штабе возможность столкновения с испанцами?

– Ах, господин Кольбер, конкордату всего три дня, а вы уже помышляете о войне?

– Я?! Клянусь, что нет. Но отвечайте же.

– Извольте. Разумеется, такая возможность рассматривалась. Это первейшая обязанность нашего министерства – перебирать всех возможных противников, и даже их коалиции.

– Меня интересует исключительно Испания.

– Как и короля, – кивнул Лувуа, – кастильцев мы обсудили, кажется, со всех сторон.

– Вот как! Его величество так интересуется Испанией?

– Больше, чем кем-либо.

– Интересно... Каким же образом вы работали?

– Простите? – переспросил Лувуа.

– Как моделировался вооружённый конфликт?

– С помощью таких вот карт, монсеньёр, – показал он на топографическое чудо, разложенное на столе.

– Не затруднит ли вас? – попросил Кольбер, уступая место у карты военному министру.

– Взгляните, монсеньёр, – указал молодой человек, – вот эта линия – цепь приграничных городов Испанских Нидерландов. Вот Шарлеруа, вот Дуэ, а вот здесь и Лилль. Захват крепостей и городов предполагался в следующей последовательности...

– Однако, у вас были далеко идущие планы, господин де Лувуа, – усмехнулся Кольбер, внутренне содрогаясь. – Думаете, испанцы сдали бы вам свои города, да ещё и в вами же избранном порядке? Но постойте: в этих случаях всегда рассматривалась именно Фландрия?

– Неизменно, монсеньёр: Фландрия и Геннегау, а война с Голландией могла бы при случае стать превосходной школой для войны с валлонами, не так ли?

– Храни нас Бог от такой предусмотрительности, – вздохнул Кольбер.

Он, казалось, задумался о чём-то важном. И мысли, приходившие ему в голову, были далеко не благостными. До ушей военного министра донеслось глухое бормотание, которое Кольбер и не пытался скрыть:

– Чёртова стилистика... Проклятое крючкотворство...

Суперинтендант был всё ещё очень далёк от помыслов о самом страшном. Тем не менее именно на третий день франко-испанского союза в Версале поселился призрак грядущей Деволюционной войны.

XXV. Переезд

Переезд королевского двора из версальской резиденции в Фонтенбло, о котором было столько разговоров в последние недели, наконец стал реальностью: великолепный караван, составленный из повозок и экипажей, двинулся в путь. Стояла чудная солнечная погода; лёгкий ветерок взметал снежинки, игриво осыпая ими, словно драгоценной жемчужной пудрой, лица разгорячённых всадников. Дорожные происшествия сделали своё дело, рассеяв кавалькаду на пару лье, но это обстоятельство ничуть не омрачало радости августейших путешественников, следовавших в авангарде.

Король с королевой разместились в головной карете кортежа. Семь долгих лет, полных тревог, тайн, жертв и волнений, прошло со дня памятной поездки из Фонтенбло в Париж, во время которой Людовик объяснился в любви Лавальер. Теперь он был абсолютным монархом, сильнейшим из христианских государей, уже выигравшим свою первую войну. Он, Людовик XIV, Людовик Непобедимый, как величала его госпожа де Монтеспан, после смерти Анны Австрийской не считал более нужным утаивать от жены, да и от всего света, свои сердечные привязанности; напротив, он только и ждал случая блеснуть своей безраздельной властью и вседозволенностью. Но Мария-Терезия, угадывая намерения жестокого супруга, строго блюла придворный этикет, лишь отвечая на его вопросы. По этой самой причине разговор двух царственных особ был исполнен воистину королевского величия, не покидая рамок государственной политики:

– Переговоры, о которых запросили голландцы, я думаю поручить военному министру, – говорил Людовик. – Коль скоро он вкупе с Кольбером сумел пересилить мою волю, так уж наверное сможет продиктовать её побеждённым.

– Уверена, что господин де Лувуа оправдает все надежды вашего величества. Он, по моему убеждению, выдающийся человек.

– Уж не потому ли вы благоволите к министру, что он в своей стратегии ориентируется на поддержку ваших соотечественников, Мария?

– Не только, ваше величество. Просто я рада, что вы воздаёте должное усердию одного из талантливейших советников вашего величества, подсказавшего решение...

– Решение, радующее вас, не так ли?

– Решение, мудрость которого вы сами признали не так давно.

– Признал или нет – кому какое дело? – живо возразил король. – Я действовал так, как подсказывало мне время. Время и разум, но не сердце, учтите это, сударыня, ибо сердце моё отвернулось от Мадрида после смерти вашего досточтимого отца. Я не доверяю испанцам, а потому оставляю за собой право принять все возможные меры предосторожности.

– Ваше величество в своём праве, – покорно согласилась Мария-Терезия, наклоня голову, чтобы скрыть гнев, блеснувший в её кротком взгляде.

– Никакие из них, право, не будут лишними, – увлечённо продолжал король, будто не слыша её слов, – отец мой, да и сам я в годы Фронды достаточно натерпелись от Испании. О, разумеется, сударыня, со дня заключения нашего брачного договора многое изменилось. Но в том-то и беда, что политические устремления Эскориала легко меняются по любому поводу.

Мария-Терезия Австрийская вспыхнула, услышав из уст мужа оскорбительное упоминание о своей свадьбе как о чисто политическом акте. Уязвлённое габсбургское самолюбие побудило её гордо выпрямиться, хотя в уголках глаз вскипели слёзы.

– Разве мадридский двор дал вашему величеству повод для подозрений? Если так – скажите, и я всецело поддержу ваше стремление обезопасить себя и Францию путём отступления от условий конкордата.

– Да кто же толкует о таком отступлении? – холодно проронил Людовик. – Меры предосторожности и открытое нападение – разные вещи, путать их недопустимо. Во всяком случае, в одном я могу поклясться. . .

– В чём? – вырвалось у королевы.

– Ни одно моё решение, а тем паче действие, не будет противоречить двусторонним договорённостям с Испанией, будь то брачный контракт либо трактат о нейтралитете. И столь же священна для меня буква испанского закона, – загадочно заключил король, приведя Марию-Терезию в недоумение.

Помолчав, прибавил:

– Разве можно меня упрекнуть во враждебности к соседям? Разве я не принял за полтора года три испанских посольства? Разве не простил измену герцога д'Аламеда? Не заставляю же меня, в самом деле, принимать кастильских послов в Фонтенбло, а между тем они приглашены туда.

– Всё это так, ваше величество.

– А коли вы согласны, пусть испанцы довольствуются этим и не претендуют на большее. В Европе может быть только один первый среди равных, а я весьма расположен оставаться им и впредь. Вильгельм Оранский уже признал это, и, если понадобится, за ним наступит черёд других гордецов. . . Ну и устал же я в этой карете. Господин де Маликорн!

– К вашим услугам, государь, – раздался голос у левой дверцы экипажа.

– Послужите своему королю так, как вы один умеете это делать, дорогой де Маликорн: раздобудьте мне где-нибудь лошадь.

– Лошадь для вашего величества уже готова, – последовал немедленный ответ.

– Воистину чудесник! – воскликнул король и, обращаясь к супруге, проронил: – Ваше величество, надеюсь, простите мне, если я проедусь верхом?

Мария-Терезия безмолвно кивнула, и Людовик тут же вскочил на коня, поданного ему хитроумным стремянным. Чуть поотстав от королевской кареты, монарх обратился к нему:

– Да вы просто кладёте моих исполненных желаний, господин де Маликорн. Будьте уверены: я найду способ отличить вас.

– Ваше величество уже вознаградили меня сверх всякой меры, – запротестовал Маликорн.

– До чего же вы обяжете меня, если перестанете напоминать об этих мелочах. Благодарность короля должна быть по меньшей мере королевской. Но, как бы я ни был признателен вам, не просите меня освободить вас от данного слова: мне будет очень жаль отказать в просьбе человеку ваших заслуг.

– О нет, государь, – просиял Маликорн, – я и не помышляю об этом. Совсем наоборот: желание вашего величества видеть меня мужем мадемуазель де Монтале я расцениваю как величайшую милость, какую добрый король может оказать подданному.

– Замечательному, верному подданному, сударь, ибо лишь д'Артаньян и де Сент-Эньян превзошли вас заслугами перед троном. Впрочем, у вас-то всё ещё впереди. Кстати, не расскажете ли о последних новостях?

– Новостях, государь?

– Ну, разумеется. Только что я имел беседу с королевой о перспективах союза с испанцами. Теперь самое время поговорить об итало-французских сношениях.

– Ах, это.

– Вы начинаете понимать, не так ли?

– Само собой, государь. Мне в самом деле есть что сообщить вашему величеству.

– Я весь внимание, – кивнул Людовик, одновременно делая знак придворным, заметившим гарцующего на коне короля, держаться поодаль, – говорите, сударь.

– По всей видимости, переписка его высочества с шевалье де Лорреном не только не прекратилась, но и ещё более оживилась со времени пребывания монсеньёра при дворе.

– По всей видимости?

– За это время им было получено два письма из Ватикана.

– Вот как?

– Да, государь, два. И смею полагать, именно они сделали принца таким, каковым мы видим его теперь.

– Таким, как теперь? – обернулся Людовик к собеседнику. – То есть наиболее мрачным из всех моих родственников?

– О, я далёк от таких оценок, государь.

– Зато я близок к ним, господин де Маликорн. Не волнуйтесь, я всё понимаю. Итак, вы полагаете, что хандра моего брата, о которой я устал уже слушать, происходит от каких-то писем?

– Думаю, так.

– Но на каком основании, сударь? Я, конечно, ничуть не сомневаюсь в ваших способностях, а всё же любопытно было бы узнать содержание этих писем. Хотя я, наверное, требую от вас чересчур многого...

– В известной степени – да, государь, – таинственно улыбнулся Маликорн, ничуть не смутившись, – но хотя бы частично, пожалуй...

– Ого! Да вы чародей, сударь! – вскричал король. – Так что же?

– Ваше величество, я не рождён дворянином, а потому мне позволительны некоторые действия, несовместимые с... Вы понимаете, я сделал это лишь из любви к вашему величеству.

– Что? Что сделали, господин де Маликорн?

– Не всякую бумагу можно доверить даже пламени, государь, – скромно заметил Маликорн, – иногда в огне сохраняются обрывки...

– О! – только и мог вымолвить король. – О!..

С трепетной осторожностью приняв обгоревший клочок бумаги, исписанный крупным почерком фаворита герцога Орлеанского, он прочёл:

«...ибо она встала между мною и...
...Гиша, а потому король никогда...
...причине вам, монсеньёр, следует...
...больше не встретиться, либо устранить...
...единственный путь...»

С минуту король обдумывал прочитанное, затем произнёс:

– Bravo, Маликорн! Вы совершили то, что было бы под силу одному д'Артаньяну: вы совершили невозможное. Бесподобно! И я, в самом деле, не понимаю вашей странной щепетильности; служить королю – почётно, сударь, а служить так, как умеете вы, – почётно вдвойне. Вы, вероятно, не думали об этом?

– Признаться, думал не раз, государь, иначе и не отважился бы на такое.

– Вы необычайно изобретательны! – продолжал восхищаться король.

Людовику было невдомёк, что упомянутый способ выживания сведений вовсе не является изобретением Маликорна; более того – что этот метод много лет с успехом используется его же слугами, подкупленными кардиналом Херебиа.

Из содержания драгоценного обрывка письма де Лоррена, несмотря на его туманность, король сумел сделать определённые выводы. Во-первых, что речь в письме шла о принцессе; во-вторых, что шевалье призывает своего покровителя к каким-то действиям, направленным

на его возвращение во Францию; в-третьих, эти действия, видимо, нанесут ущерб сестре английского короля, что сейчас недопустимо.

Решив обдумать ситуацию в Фонтенбло, король ещё раз поблагодарил Маликорна и, прищипнув лошадь, направился к четвёртой карете, шторы на которой были отдернуты всё то время, что король ехал верхом. Поравнявшись с экипажем, Людовик осадил коня и приветствовал Атенаис, зардевшуюся от гордости. Её триумф был полным, ибо в противоположном углу кареты сидела Луиза.

Король, искусно намекнув, что отказался от общества Марии-Терезии ради прекрасных глаз маркизы, не стал углублять тему и перевёл разговор в русло празднества. Монтеспан, больше всего на свете ценившая дорогие развлечения, с радостью откликнулась:

– Как, ваше величество, на переезд истрачено пять миллионов?

– Или будет истрачено, маркиза, что не меняет дела. По крайней мере, так утверждает господин Кольбер, а ведь он в таких делах знаток.

– Я слышала, наш милый суперинтендант уже несколько дней назад отправился в Фонтенбло, чтобы лично руководить приготовлениями.

– Вас не обманули, сударыня, это личная инициатива министра, и весь двор, право, должен быть признателен ему за такое рвение. Ведь даже враги суперинтенданта не скажут, будто он старается для себя, – рассмеялся король.

– Правда, правда! Господин Кольбер не любит веселиться, то ли дело господин Фуке: вот это был танцор! Как он... – тут Атенаис в ужасе осеклась, увидев окаменевшее лицо возлюбленного.

Всякого другого на месте Монтеспан ждала бы неминуемая опала, если не ссылка, но, поскольку это была всё же она, королю оставалось лишь подавить вспышку гнева. И он сдержался. Да и сама маркиза, осознав оплошность, всеми силами старалась загладить вину. Устремив на Людовика томный взор, она проворковала:

– Ах, государь, я буду так счастлива вновь очутиться в заснеженных садах Фонтенбло. Эти празднества наверняка станут самыми пышными из тех, что мы видели: господин Кольбер обещал нам спектакли, балы в водных павильонах, концерты, балет... О, как это чудесно!

– Не забывайте об игре в снежки, сударыня, – напомнил повеселевший король.

– Ни за что! Я обожаю снежки. А ведь в этой игре когда-то не было равных барону де Лозену.

– Почему вы сказали «когда-то», маркиза? Разве мог его кто-то превзойти с прошлой зимы?

– Вы правы, государь, не мог. Но ведь новый чин барона, наверное, ограничивает его в развлечениях такого рода... Вспомните: господин д'Артаньян был таким серьёзным.

– Да то ведь д'Артаньян, – озадаченно сказал король. – Впрочем, это правда: Лозен – капитан мушкетёров. Да и бог с ним, с этим званием: мы сегодня же велим включить зимние забавы в список обязанностей наших офицеров. Решено! В ознаменование победы мы устроим штурм снежного бастиона. Осталось лишь уточнить поле битвы; как вы считаете, сударыня?

Подумав несколько секунд, Атенаис звонко воскликнула:

– Нашла! Где же, как не возле королевского дуба?! Он, кстати, будет превосходным укрытием для атакующих.

Говоря это, Атенаис краем глаза следила за реакцией Лавальер. Лицо Луизы при упоминании королевского дуба стало бледнее снега – казалось, она умирает. Отвернувшись к правому окну кареты, она пыталась принять отсутствующий вид, но ни от соперницы, ни от бывшего любовника не укрылось её состояние.

Даже намёка на жалость не шевельнулось в эту минуту в сердце Людовика. Громко засмеявшись, он отвечал прекрасной маркизе:

– Что ж, блестящий выбор! Мы видим, в стратегии и тактике вы смыслите не меньше, чем в нарядах. Королевский дуб, надо же! Забавно, забавно... Быть посему! А теперь простите, мы немедленно отправляемся разыскивать господина Вало.

– Господина Вало, королевского врача? Разве вам нехорошо, государь?! – воскликнула Атенаис.

– Благодарю, с нами всё в порядке, чего не скажешь о вашей спутнице, которая, кажется, вот-вот потеряет сознание, – и, круто повернув коня, король поскакал за доктором.

Маркиза де Монтеспан резко обернулась и смерила Луизу ненавидящим взглядом. Герцогиня де Вожур, белая как мел, откинулась к стенке кареты. Прикрыв восхитительные голубые глаза, едва дыша, она больше не сдерживала слёз.

XXVI. Идея Кольбера

Уже два дня, несмотря на обильный снегопад, серебристые рощи Фонтенбло оживлялись бесчисленными праздничными увеселениями. Всё, что обещал двору суперинтендант финансов, то есть всё, на что могло хватить пяти миллионов ливров в 1668 году, было представлено в лучшем виде. Примечательно то, что Кольбер расходовал деньги иезуитского ордена с распорядительностью хорошего приказчика: определение Фуке как нельзя лучше оправдывало себя в эти холодные ноябрьские дни. Однако ни придворные, ни тем более сам король не могли уличить министра в скарденности: празднества, устроенные им, поражали воображение, намного превосходя всё виденное ими в военное время.

Как знать, быть может, на состояние умов в большей степени повлияла победная эйфория: придворное славословие и простая человеческая радость достигли, казалось, своего апогея. За два дня капитан мушкетёров не зафиксировал не то что стычки, но даже размолвки – настолько всех захватил единодушный восторженный порыв. Правда, следует заметить, что бесшабашный Пегилен был куда более увлечён ухаживанием за герцогиней де Монпансье, нежели наблюдениями, да и отсутствие в Фонтенбло главных смутьянов – де Лоррена и де Варда – также добавляло спокойствия.

Как бы то ни было, к концу второго дня празднеств решительно всем и каждому – от Кольбера до последнего лакея – стало ясно, что ни излишним, ни возлиянием, несмотря на обилие и первого, и второго, не вместить того моря восторга, коим переполнились сердца придворных со дня известия о капитуляции голландцев. Имена д'Артаньяна и Лувуа не сходили с уст пылкой молодёжи, на все лады обсуждавшей личную доблесть и политическую мудрость обоих. Поскольку самому д'Артаньяну этот фимиам был уже безразличен, то военный министр вдыхал его дурманящий аромат за двоих, уже снисходительнее поглядывая на галантные похождения де Лозена. Этому имелось, помимо удовлетворённого самолюбия, ещё одно, более прозаическое, объяснение: в одной из бесед накануне отъезда Людовик XIV сказал, что наградой министру за великолепное завершение дела маршала д'Артаньяна могло бы стать какое-нибудь славное герцогство либо пост канцлера. Так что в тёмном тоннеле для Лувуа забрезжило целых два выхода – обещанный суперинтендантом и задуманный королём. Слитые воедино, они являли бы собой настоящие райские врата, но до поры до времени осторожный и умудрённый опытом царедворец старался об этом не думать.

Ни прогулки, ни балы, ни спектакли не смогли остудить воинственного пыла аристократической молодёжи. Не приходилось рассчитывать также и на то, что её отвлечёт инсценированная осада снежной крепости, над которой потехи ради маркиза де Монтеспан предложила водрузить одно из захваченных у противника знамён... Снежки вместо ядер не могли удовлетворить дворян. Они с презрением поглядывали на бастион, сооружавшийся у королевского дуба с величайшим тщанием и искусством лишь затем, чтобы быть уничтоженным в несколько минут.

И тогда суперинтендант, непревзойдённый мастер изящного компромисса, уловив настроения двора, нашёл выход из создавшейся патовой ситуации. Решение было, возможно, не ослепительно оригинальным, но это ничуть не умаляет его значения и того мужества, которого оно стоило. Ведь Кольберу, как никому другому, ведом был нрав Людовика, и он отлично сознавал, в какой гнев приведёт короля намёк на отмену снежной забавы, задуманной им совместно с любовницей. Вместе с тем он понимал, что показное рвение во время штурма столь же легко может вызвать высочайшее раздражение. Именно поэтому он совершил поступок, по поводу которого даже Фронтенак, недолголюбивавший Кольбера, был вынужден воскликнуть: «Соломонов суд!»

Лучшей характеристикой этому решению может послужить нижеследующий диалог, в котором приняли участие два уже известных читателю героя романа:

– Что ты скажешь по поводу предложения Кольбера, а? Вот так молодец!

– А что такое? Я ничего не знаю, друг мой.

– Как! Вот уже час это обсуждают буквально все, а ты, дорогой мой, по обыкновению витаешь в облаках?!

– Должно быть, все думали, что уж мне-то всё известно лучше других, и потому никто не удосужился сообщить мне новости.

– А ведь и правда! Как это Маникан ещё не у твоего уха?

– Поверишь ли, с утра не могу нигде его разыскать. Должно быть, волочится за фрейлинами; в итоге я ни о чём не осведомлён.

– Ладно, рассказывай сказки!

– Говорю же, я узнаю, если ты мне расскажешь, не иначе.

– Будь по-твоему.

– Значит, ты всё же просветишь меня?

– А то нет?! Я не желаю, чёрт побери, чтобы мой друг, сын маршала де Граммона, делал круглые глаза, узнав обо всём от дворцовых сплетников.

– Благодарю. Ты настоящий друг, Пегилен, да к тому же верный страж моей фамильной гордости, – усмехнулся де Гиш.

– Довольно лести, граф, я, право, смущён! – важно заявил капитан мушкетёров.

– Итак?

– Итак, главный распорядитель празднеств, высокочтимый господин суперинтендант, устраивает завтра большую охоту.

– А! Охота?

– На сей раз всё по-настоящему, не то что у тебя с де Вардом. Загонщики, доезжачие, гончие, главный ловчий – всё как положено. Только, умоляю, постарайся завтра вооружиться чем-нибудь посерьёзнее пары дуэльных пистолетов.

– Обещаю взять три пистолета.

– Вот это дело! Этак ты снова станешь центром всеобщего внимания и обожания. Подумать только, каким ангелом становится человек на смертном одре! Я нисколько не стремлюсь умалить твоих достоинств и добродетелей, но чёрт возьми!.. Когда на пятый день твоего... э-э... охотничьего недуга дамы восклицали «Святой Гиш!», – это был уже перебор, милый мой.

– Что не мешало им по выздоровлении восстановить в памяти дополненный список моих грехопадений, – улыбнулся де Гиш.

– Одно немислимо без другого! В каждом херувиме, знаешь ли, заключена частица дьявола, да и у чертей по воскресеньям, бывает, немилосердно зудит между лопатками. При дворе грешник куда популярнее монаха, тебе ли не знать этого? Вот и получается, что ты был героем целых два месяца; но теперь очередь других, возможно даже – моя. Будь же заправским игроком, дай шанс менее удачливым соперникам.

– Не себя ли ты величаешь неудачником, Пегилен? В таком случае поздравляю: ты скромнее, как Иосиф. Тебе, королевскому фавориту, капитану мушкетёров, преемнику великого д'Артаньяна, не хватает ещё и славы мученика? Недурно!

– Ах, между мною и моим предшественником есть три существенных различия.

– Каких же, барон? Сделай милость, объясни мне эту загадку.

– Охотно. Как я уже говорил, есть три различия, и вот первое из них: я не граф.

– Это святая истина, пока ты не граф, – кивнул де Гиш, – далее?

– Во-вторых, я – не маршал Франции.

– Однако даже сам господин д'Артаньян стал им лишь в последний день жизни, – заметил де Гиш, – в то время, замечу, он несколько превосходил тебя возрастом. Я не ошибаюсь?

– О нет, маршалу и впрямь было шестьдесят лет.
– Следовательно, у тебя в запасе ещё лет тридцать беспорочной службы.
– Думается, это так, хотя тот же маркиз дю Плесси – мой ровесник, а ему звание маршала было пожаловано сразу вслед за д'Артаньяном. Но, как бы то ни было, ты проливаешь бальзам на мои раны, граф, хотя есть ещё одно...

– Ах, да!

– Третье различие.

– Я весь – уши, капитан.

– Третье различие... на сей раз утешить меня не удастся даже тебе...

– Послушаем, Пегилен.

– Итак, третье и главное различие между мною и покойным маршалом заключается в том, что я – не д'Артаньян, – закончил де Лозен с самой скорбной миной.

– Действительно, тут уж ничего не попишешь! – воскликнул де Гиш, не в силах удержаться от смеха. – Довольствуйся тем, что ты – гасконец, как и он, милый друг. И ради того чтобы ты не был столь безутешен, ибо это – горе непоправимое, я...

– Ты?..

– Согласен оказать тебе услугу.

– Какую именно?

– На завтрашнюю охоту я возьму с собой отменный карабин.

– Здорово!

– Таким образом, я окажусь в безопасности, а тебе будет предоставлена полная возможность картинно дать растерзать себя клыкам... Кстати, кого собираются затравить?

– Грозу окрестных селян – волков.

– Значит, клыкам серого хищника. Это будет потрясающе! Скажи, ты доволен?

– Насколько может быть доволен смертный! Я благодарен тебе, мой верный товарищ, ты снова, в который раз, жертвуешь собой, уступая мне лучшую долю. Сердце моё переполняет признательность.

– Ещё бы! Умереть на глазах у короля, можно даже сказать – за короля! О, не удивлюсь, если тебя посмертно сделают герцогом и пэром. Вперёд, мушкетёр!

Сотрясаясь от хохота, Лозен сделал шаг назад, намереваясь отвесить де Гишу шуточный поклон. При этом он едва не сбил с ног человека, спешившего куда-то и оказавшегося в этот момент на пути энергично-грациозного движения гасконца. Ощувив толчок, Пегилен порхнул в сторону и обернулся, готовый принести извинения даме и сделать замечание мужчине. Но, встретив ледяной взгляд бездонных серых глаз, невольно сник и почтительно поклонился:

– Прошу простить мне мою неловкость, преподобный отец.

– Не стоит, господин барон, – сдержанно отозвался д'Олива, – вы ничуть не потревожили меня. Наоборот, кажется, это я помешал вашей оживлённой беседе. Это так, господин граф? – обратился он к де Гишу.

– Что вы, отче! – поклонился и граф. – Мы с бароном рассуждали о самом заурядном предмете...

– Об охоте, – вставил де Лозен.

– Прекрасно, – бесстрастно молвил иезуит.

– Но ведь церковь, кажется, порицает охоту? – разошёлся Пегилен, не обращая внимания на сдерживающий жест друга.

Гасконцу вдруг стало неловко от того, что он на секунду смешался при виде испанского посланника, и теперь он старался поставить самого проповедника в неловкое положение.

– Охота есть занятие мирское и тщетное, – отвечал д'Олива, – но, уж конечно, более угодное Господу нашему, нежели праздные, суетные забавы, царящие вокруг.

– Выходит, скоро мы совершим богоугодное дело, почти священнодействие. Лично я намерен возложить на алтарь никак не меньше трёх пожирателей упитанных агнцев.

Отец д'Олива молчал: казалось, поток богохульств, извергаемый бароном (и на который, заметим, бравый капитан никогда не отважился бы в присутствии французского священника), совсем не задевает его (да так оно, в сущности, и было).

Обстановку разрядил де Гиш, громко сказав:

– Дело в том, что на завтра назначена охота на волков, преподобный отец.

– Я не слыхал об этом, – откликнулся монах, впервые обнаруживая интерес к собеседнику.

Де Гиш почувствовал себя не в своей тарелке:

– Но... разве не видите вы с господином суперинтендантом?

– Очень часто: в последний раз мы расстались три часа назад.

– В этом всё дело. Известию об охоте чуть больше часа.

– Понятно, господин граф, благодарю вас. Прощайте, господин барон, – бросил он Пегилену.

– Прошу вас, благословите охотников, отче, – попросил де Гиш, стремясь до конца загладить выходку приятеля.

Исполнив его просьбу, д'Олива удалился. Глядя ему вслед, граф сказал капитану:

– Что это на тебя нашло?

– Сам не знаю, Гиш. Взгляд этого монаха показался мне недобрый.

– Гневным, вызывающим, злым?..

– Нет, не то. Просто я знаю, что он наш враг, что он желает французам зла.

– Не больше, чем любой кастильский подданный, – пожал плечами де Гиш, – положительно, капитанский мундир сделал тебя чересчур мнительным. Сам-то ты, что же, желаешь Испании исключительно блага?

– Ты прав, конечно, – выдохнул де Лозен. – Надо держать себя в руках.

– Он посол, – мягко напомнил граф.

– Да-да, посол, – рассеянно отвечал барон, – ты прав, ты чертовски прав.

А в это время отец д'Олива, встревоженный известием о неожиданной охоте, грозившей увести двор далеко от Фонтенбло, вновь и вновь мысленно возвращался к скупым строчкам письма, полученного только что от Арамиса:

«Возвращаюсь завтра. Испросите у его величества аудиенции для меня в полдень».

Впервые в жизни иезуит был не в состоянии исполнить приказ генерала ордена.

XXVII. Охота на волков

Этим утром королевская резиденция в Фонтенбло стряхнула с себя сон задолго до восхода солнца. Топот, смех, бряцание железа, конское ржание и оглушительный лай переположили округу, извещая местных жителей о начале большой охоты. И не зря: десятки крестьян, похватав дубины, цепи и вилы, вышли на охоту, движимые стремлением истребить волков. Общий порыв и единение сословий вызывали невольную улыбку.

В это время всеобщей суеты, когда приготовления к облаве ненадолго затмили верно-подданнические помыслы, король, уловив минутку, встретился с маркизой де Монтеспан в уединённом павильоне. Высокие окна, плотно задрапированные тяжёлыми занавесями, даже в яркий полдень не пропускали солнечных лучей, делая это помещение лучшим прибежищем для нетерпеливых любовников. Сейчас комната освещалась единственным факелом в руке графа де Сент-Эньяна.

– Прекрасное утро, Атенаис, – нежно произнёс Людовик, сжимая кончики пальцев маркизы, – но оно становится ещё упоительнее от того, что я могу сказать: люблю тебя.

– А я, государь, слабая прислужница ваша, я, не смея любить, боготворю ваше величество.

Людовик XIV, падкий на лесть даже совершенно незнакомых ему людей, приходил в состояние неопишуемого экстаза от фимиама любимых им женщин. И после этих слов, произнесённых Атенаис сладостно-исступлённым голосом, он покрыл руки фаворитки жаркими поцелуями, приговаривая:

– Не говори так, душа моя; не прислужница ты, а владычица моих чувств, моих помыслов, всей души моей.

– Ах, государь, – вздохнула Атенаис, качая прекрасной белокурой головкой.

И поскольку вздох маркизы походил больше на рыдание, король насторожился:

– Что может тревожить, сударыня, вас – возлюбленную короля Франции?

– Я говорила о своей слабости, государь.

– А я ответил вам, что вы – властительница моего сердца! – запальчиво возразил Людовик.

Грустно улыбаясь, де Монтеспан продолжала:

– Это величайшее в мире счастье, государь, но оно лишь делает меня ещё беспомощнее.

– Беспомощнее?!

– Беспомощнее или, по крайней мере, уязвимее.

– Для кого же?

– Для моих врагов – лиц могущественных и высокопоставленных.

– Высокопоставленных, вот как, – процедил Людовик, – надо же, какие занятные слова вы употребляете в моём присутствии, Атенаис.

– О, ваше величество, для такой женщины, как я, достаточно могущественной считается любая герцогиня, не говоря уж о...

– О королеве, так? – нетерпеливо закончил король.

Атенаис не ответила, лишь утвердительно кивнув. Король на минуту задумался, и по выражению его лица стало заметно, что он принял какое-то решение.

– Скажите мне, дорогая, – ласково обратился он к возлюбленной, – каких герцогинь поминали вы только что?

– О, всего одну, – быстро молвила Монтеспан, и в тоне ответа, помимо её воли, прозвучала ненависть.

– Я догадываюсь, кто это.

– Небеса одарили ваше величество большой пронизательностью.

- Всё же назовите её.
- Пристало ли мне жаловаться, государь?
- Мне решать – пристало или нет, – твёрдо заявил король.
- Я повинуюсь.
- Её имя?
- Оно хорошо известно вашему величеству, ибо это – герцогиня де Вожур. Ни один мускул не дрогнул на лице Людовика – иного ответа он и не ждал.
- Чем же она не угодила вам?
- Но, государь... – предостерегающе сказала Монтеспан, поводя взором на Сент-Эньяна, углублённого в изучение настенного портрета Анны Австрийской работы Рубенса.
- Король не принял протеста:
- Говорите смелее, Атенаис, – только и произнёс он.
- Хорошо, государь. Луиза делает всё возможное для того, чтобы воспрепятствовать нашим встречам.
- Ну, даже если и так, она в этом не очень-то преуспевает, а? – усмехнулся Людовик XIV.
- Нет, не могла такая жалоба разгневать тщеславного монарха: напротив, ему доставляла истинное наслаждение напряжённая борьба, которую вели придворные дамы за высочайшее расположение. Атенаис осознала допущенную оплошность и повела атаку с другой стороны:
- Зато она преуспела во многом другом.
- Слушаю вас, сударыня.
- Не проходит и дня, чтобы она не унизила меня в глазах королевы и, что ещё ужаснее, в глазах других фрейлин.
- В самом деле? – нахмурился король.
- Увы, государь, это правда. В довершение всего прочего она постоянно твердит о пагубности моей любви к вашему величеству.
- Что?! – громовым голосом вскричал король, забыв о тайне утреннего свидания.
- Такая любовь оскорбляет Бога, говорит Лавальер, ибо никто, кроме королевы, не имеет на неё права. По её утверждению, я ничуть не любима вашим величеством... но, господи, разве я когда-нибудь осмеливалась рассчитывать на такое счастье? Зачем же терзать мне сердце, напоминая об этом? Что я сделала ей, что она мучает меня столь безжалостно? – притворно разрыдалась красавица.
- Людовик, усмотревший в поступке Луизы прежде всего посягательство на его прерогативы и надругательство над его чувствами, мгновенно вскипел:
- Да как смеет она судить о моём сердце? Разве я уже не король? Горе тем, кто встанет между нами! Наша любовь оскорбляет Бога? Да хотя бы и так... но нет, этого не может быть: чем могут задеть Творца чувства христианнейшего короля? И о чём думала она сама... раньше? Какая неслыханная дерзость, какое низкое коварство! Успокойся, Атенаис: никто начиная с этого дня не станет относиться к тебе иначе, чем к королеве. Прости мне те мучения, что ты вынесла по моей вине, душа моя, умоляю... увидишь, как я искуплю свою вину. Клянусь...
- Ах, государь, разве есть на свете награда дороже этих ваших слов? – кротко сказала Монтеспан.
- Само совершенство! – восторженно воскликнул король, раскрывая ей объятия.
- Но... обещаете ли вы обойтись с Луизой не слишком сурово? – настойчиво спросила Атенаис, приникая к его груди.
- В словах её звучало сострадание; на самом же деле таким «благородным» участием она из самого сердца короля вырывала приговор.
- Вы воплощённое великодушие, Атенаис!
- Обещайте, государь, умоляю.

– Даю слово дворянина.

– Разве могу я не верить вашему величеству? Но вполне возможно, что вы и сами не в состоянии оценить силу собственного удара. Я вся трепещу при мысли об участи несчастной герцогини.

– Вы сочувствуете ей, вы? – недоверчиво осведомился Людовик.

– Кому, как не мне, сострадать той, что была покинута вами, государь? Произойди это со мной, я бы просто умерла от горя; Луиза до сих пор жива, значит – любила меньше меня, но я всё же жалею её.

– Вы самая благородная женщина из всех известных мне. Чего вы желаете?

– Немногого, государь. Просто знать, что намерены вы предпринять по отношению к Луизе.

– Зачем?

– Чтобы в том случае, если наказание окажется чересчур суровым, на коленях умолять ваше величество смилостивиться над той, что причинила мне столько мук.

– Вам не придётся просить за герцогиню де Вожур, сударыня, – взволнованно произнёс Людовик XIV, – я намерен обойтись незаслуженно мягко с виновницей ваших драгоценных слёз.

– Доброта вашего величества не знает границ, – пролепетала Монтеспан, уже казня себя за излишнее рвение.

– Моя доброта порождена вашим милосердием, Атенаис. Вы будете мною довольны.

Темнота, окутывавшая их, скрыла от короля мертвенную бледность, покрывшую лицо фаворитки. Маркиза де Монтеспан в самом деле испугалась, что горькая чаша минует Лавальер. «Дура, какая же я дура...» – приговаривала она про себя.

– Госпоже де Лавальер в самое ближайшее время надлежит... – король выдержал театральную паузу, в продолжение которой маркиза переживала все муки ада, – надлежит сложить с себя все придворные обязанности и отправиться к себе в поместье, – твёрдо заключил он.

Вздых облегчения, вырвавшийся из груди Атенаис, ещё раз укрепил короля в убеждении относительно бесконечной доброты его восхитительной любовницы. Кровь прилила к перламутровым щекам маркизы, и она, порывисто схватив царственную длань, поцеловала её.

В это мгновение одна половинка двери, ведущей в коридор, тихонько приоткрылась, наполнив павильон сонмом звуков. В образовавшуюся щель просунулась голова капитана мушкетёров, охранявшего вход в приют Венеры.

– Все в сборе и ожидают ваше величество, – сообщил Пегилен.

– Я иду, барон, – ответил король и, сделав знак адъютанту следовать впереди с факелом, вышел из комнаты об руку с Монтеспан.

Охотники, выстроившиеся на дворе в строгом соответствии с этикетом, приветствовали короля радостными криками и звуками рожков. Людовик XIV, на секунду остановившись, кивнул собравшимся и вскочил на великолепного английского жеребца.

Через пять минут охотничья процессия, во главе которой следовал король в сопровождении герцога Орлеанского, принцессы Генриетты, Великой Мадемуазель, маркизы де Монтеспан, принца Конде, военного министра, графа де Сент-Эньяна и капитана мушкетёров, выехала из Фонтенбло. Спустя ещё час блестящее общество прибыло к месту сбора, где были уже сервированы столы с вином и закуской. Подкрепившись сам и пригласив к столу дам, король подошёл к маркизу д'Оллонэ – главному ловчему Франции.

– Ручаетесь ли вы, господин д'Оллонэ, что волки не ушли из круга?

– Государь, я самолично обошёл их с двумя доезжачими и могу заявить с полной уверенностью, что три крупных волка – в кругу.

– Отлично, маркиз, отлично!..

Ровно в девять король, приняв из рук главного ловчего традиционный жезл с копытом кабана, предназначенный для отвода веток во время бешеной скачки по лесу, приказал «набрасывать» гончих. Придворные, снова сев на коней, двинулись к месту охоты. Маркиз д'Оллонэ оказался прав: наведённая на след ищейка немедленно стронула громадного матёрого волка, который в страхе перед множеством вооружённых людей бросился прочь, преследуемый своей гончих. Охота началась...

Людовик XIV первым поскакал за гончими, за ним последовали прочие охотники. Рядом с королём мчалась маркиза де Монтеспан в голубом платье. Лёгкий морозец разрумьянил её лицо, одухотворённое сознанием одержанной над соперницей победы. Король, всецело поглощённый погоней за волком, и придворные, занятые тем, чтобы не отстать от короля, казалось, забыли о маркизе. А та, заметим, вовсе не была столь же блестящей наездницей, как Лавальер, и потому стала постепенно отставать от группы, окружавшей короля. Это не тревожило Атенаис: главная её цель была достигнута. Она сразила Луизу, а волка пусть затравят другие.

Мимо де Монтеспан вихрем проносились всадники, сотрясая лесной воздух громкими криками. Атенаис уже едва различала коричневый берет короля. Вот в последний раз мелькнул хвост его буланого коня и скрылся в пролеске. Лай умчавшейся своры усилился: видно, сомычков спустили очередную стаю гончих...

Вскоре фаворитка, не прилагавшая особых усилий для того, чтобы не отбиться от охоты, потеряла из виду последнего конника. Через некоторое время стихли и звуки фанфар, так подходившие к её настроению. Остановив лошадь, она ещё несколько минут вслушивалась в музыку леса, стараясь определить место гона. Ничего не услышав, она весело улыбнулась, не обнаруживая никаких признаков волнения, вполне, казалось бы, объяснимого в такой ситуации.

Детство, проведённое в чашобах Пуату, научило будущую маркизу де Монтеспан превосходно ориентироваться в лесу: она не сомневалась, что без труда выйдет к месту сбора. Ведь так она и поступала множество раз, едва ли не на каждой третьей охоте. Поэтому, развернув лошадь, она пустила её вскачь в обратном направлении, размышляя о горизонтах, открывающихся перед ней с удалением от двора Лавальер.

В этот счастливый день она станет подлинной королевой Франции – королевой не по званию, но по праву, а дети её – её и Людовика – будут герцогами и пэрами. Уж она-то сумеет ослепить двор такой роскошью, которая и не снилась этой наивной дурочке Луизе. И когда вновь начнётся война (она не может не начаться, ведь её возлюбленный так честолюбив и пылок), она уговорит короля отправить в окопы маркиза де Монтеспана. А там – шальная пуля, и... В конце концов, только кровью и можно смыть то унижение, которому муж подверг её год назад, подняв крик, что король, видите ли, уводит от него законную супругу. Атенаис и сейчас содрогалась при воспоминании о пощёчинах, которыми он при всех награждал её, неистово крича: «Я стыжусь, что моя обезьяна вместе с королём развлекает чернь!» Людовик XIV велел ему тогда убираться в своё имение, а маркиз... что сделал этот мерзавец Пардайан? Подумать только: приказал слугам обрядиться перед отъездом в траур и собственноручно приколотил к крыше кареты олени рога! Какой стыд, боже! Нет, только смертью оплатит он ей за тот позор: кто знает, может, Господь и захочет повторить для неё историю Урии и Вирсавии, только вот современный Давид едва ли составит в раскаянии новую Псалтырь. О, если умрёт её муж, тогда... Ах, в этом случае...

В тот самый миг, когда мечты вознесли Атенаис над ступенями престола и под пение херувимов бережно усадили на подушки трона, случилось неожиданное. Низко висящая ветка раскидистого дерева, под которой она благополучно проскакала каких-нибудь полчаса тому назад, зацепила развевающийся по ветру шлейф её платья и высадила маркизу из седла так стремительно, что она поначалу даже не сообразила, что произошло.

Упав в мягкий сугроб и даже не поранившись, она приподнялась и проводила взглядом лошадь, легко умчавшуюся прочь. Встав на ноги и стряхнув с подола снег, она посмотрела по сторонам. До места сбора оставалось ещё примерно пол-лье, за это она могла поручиться. Ну, что ж, придётся преодолеть их пешком: это будет даже забавно.

Однако, сделав несколько шагов, Атенаис остановилась; ей почудился шорох в зарослях орешника. Сомнения недолго терзали прекрасную маркизу: из кустов показалась ошетилившаяся волчья морда. Хищник был ещё больше поднятого собаками самца. Одним прыжком он оказался на тропинке перед оцепеневшей от ужаса женщиной. Оскалившись, он отступил и изготовился для прыжка.

Не помышляя о сопротивлении или бегстве, Атенаис нашла в себе силы лишь для долгого пронзительного крика...

...Поднятый волк демонстрировал чудеса скорости, спасая свою жизнь: за ним по пятам неслась целая свора вязких гончих. Хищник, пытаясь сбить собак со следа, постоянно петлял, и очень скоро звуки гона раздавались уже в совершенно противоположной стороне. Внезапно силы изменили ему, и гончие, почуяв это, в несколько прыжков настигли его и вцепились в жертву.

Король, не отстававший от своры, подал сигнал главному ловчему. Маркиз д'Оллонэ, свирепо улыбаясь, спешил и обнажил охотничий нож. Приблизившись к огрызающемуся волку, он одним ударом вогнал блестящую сталь ему под лопатку. Зверь, выгнувшись в агонии, дёрнулся и затих. Главный ловчий, не обращая внимания на разъярённых собак, терзавших труп зверя, снегом очистил кровь с лезвия и подошёл к королю.

– Bravo, сударь! – воскликнул Людовик XIV, разгорячённый скачкой.

Д'Оллонэ поклонился.

– Однако же, вы обещали нам трёх волков, – возбуждённо напомнил король.

– Так и есть, государь, и если... – маркиз не закончил фразы: перекрывая лай и урчание гончих, лесную тишину прорезал отчаянный женский крик.

И тут придворные, находившиеся возле короля, впервые увидели, как страшно побледнел Людовик. Исключение составляли лишь герцог Орлеанский с принцессой, выдавшие короля в момент встречи с близнецом в Во. Не сказав ни слова, король пустил коня с места в карьер по направлению к тому месту, откуда донёсся крик. Вслед за ним, промедлив самую малость, бросились все остальные. Казалось, люди уподобились кентаврам, а лошади сговорились доказать наездникам, что не олени – самые быстрые животные на земле. Спустя пару минут кони вынесли охотников к зарослям орешника, где им открылось страшное зрелище.

Маркиза де Монтеспан, дрожащая от страха, стояла, прислонившись спиной к дереву, а перед ней, загораживая её своим телом, стоял молодой человек, сжимавший в руке окровавленный кинжал. У ног его лежал огромный волк с распоротым брюхом. Юноша поднял голову и, видя устремлённые на него изумлённые и испуганные взгляды, изящно поклонился сначала королю, затем – дамам.

Соскочив с коней, король, принц и де Лозен приблизились к нему.

– Мы не знаем вашего имени, сударь, – произнёс Людовик с плохо скрытой дрожью в голосе, – но с этого дня извольте считать в числе ваших должников короля Франции... а также весь французский двор.

– Вы герой, – сказал герцог Орлеанский, глядя в смоляные глаза юноши, – ведь это чудо, настоящее чудо, что вы оказались здесь в эту минуту...

– Но назовите себя, сударь, – попросил король, – дабы мы знали человека, которому так обязаны.

– Представьте же его величеству, граф, – раздался голос, заставивший короля содрогнуться, и на тропинке показался герцог д'Аламеда, ведя в поводу двух вороных коней.

Сделав над собой невероятное усилие, Людовик перевёл взгляд с Арамиса на юношу, лицо которого вдруг показалось ему странно знакомым.

Тот снова поклонился королю и сказал:

– Граф д'Артаньян к услугам вашего величества...

XXVIII. Accipe hunc gladium cum Dei benedictione⁵

Д'Артаньян! Какую бурю изумления и противоречивых эмоций вызвало это громкое имя в толпе охотников! Как затрепетали чуткие сердца придворных, всегда умеющие предвидеть грядущие перемены. Как засверкали глаза вельмож, будь то недоброжелатели или поклонники великого маршала.

Д'Артаньян. Это имя, набатом прогремевшее в утренней лесной тиши, не оставило равнодушным никого. Оно являлось источником и крушением множества надежд, оно возвышало и низвергало в прах, оно лечило и ломало хрупкие сановные судьбы.

Д'Артаньян... Кому было невдомёк, что в решительный миг, когда слово это, подобно разящей шпаге, сверкнуло под сводами вековых деревьев, рядом с Королём-Солнце зажглось новое светило. И в момент своего рождения, согласно всем законам астрономии, имя, восставшее из могилы, затмило даже звезду царственного Бурбона. Ибо, вопреки вероятию, в противовес любым ожиданиям, Людовик XIV был, очевидно, поражён гораздо больше своих впечатлительных подданных. Прямой, открытый взор юноши, волею судеб мгновенно вознесённого к вершине придворного олимпа, казалось, загипнотизировал короля.

А между тем холодный и быстрый ум монарха, напротив, работал с чрезвычайным напряжением. Рой мыслей, усиленно скрываемый видимой оторопью, пронёсился в его голове:

«Д'Артаньян... Что это значит? Что это, ради всего святого, может означать? Какой-нибудь родственник, не иначе... Но молод, очень молод... Племянник? Невозможно: у моего гасконца не было ни братьев, ни сестёр. Граф... Он назвал себя графом. На каком основании?»

⁵ «Вручаю тебе меч сей с благословением Господним» (лат.)

Впрочем, было же завещание. Что завещание – может, подделка? Нет, нет, я ведь знаю нотариуса... О чём это я? Ведь никто ещё в глаза не видал никакого завещания. Но кто же этот человек? Боже, как он похож на д'Артаньяна, да и величает себя д'Артаньяном... Проклятый д'Эрбле: это наверняка его козни! Просто очередная интрига... нет – очередной заговор против меня. Неугомонный старик, ты переполняешь чашу моего терпения. Я уничтожу тебя, будь ты хоть самым папой!.. А! Кого я обманываю?! «Будь он папой!» Всё дело именно в том, что он не какой-нибудь папа, иначе... Потом, после о нём... В конце концов, король должен, обязан судить обо всём беспристрастно. Сейчас я узнаю, кто он такой, почему так себя называет и как тут очутился... Нет, последний вопрос я не задам: его появление, в конечном счёте, пошло мне на пользу... Спасло Атенаис...»

Генерал иезуитов, не спускавший глаз с короля, без труда догадался о ходе его мыслей. Ему стало понятно, что король похож на ту чересчур осторожную и хитроумную рыбу, которая, едва завидев червяка, сразу задаётся философским вопросом: что бы ему тут делать? В итоге терпеливый рыбак непременно поживится этой перехитрившей саму себя добычей. Что ж, Арамис достаточно терпелив, а д'Артаньян, несмотря на его молодость и подкупающую простоту, вовсе не беспомощная наживка: недаром же он не расставался с юношей ни на час в течение недели, готовя к этой главной встрече. Пробил час первого полёта: клубочек снят – пусть сокол расправит крылья. Взгляды ученика и наставника скрестились: Арамис ласково кивнул д'Артаньяну. Немедленно раздался голос короля:

– Поразительно! Мы полагали, что давно отучились удивляться, но сейчас, нисколько не сомневаясь в правдивости услышанного, повторяем: это поразительно... граф.

– Высокая честь быть причиной удивления вашего величества приводит меня в смятение, – отвечал молодой человек.

– Можете успокоить себя тем, сударь, что мы и сами пребываем в небывалом смятении.

– Если оно вызвано моим появлением, я в отчаянии, государь.

– Зачем же так, граф? Вы легко можете доставить королю душевный покой всего несколькими словами.

– Я готов, ваше величество.

– Прежде всего: кем вы приходите к покойному маршалу д'Артаньяну?

Внутренняя дрожь, незаметная для короля и свиты, зато хорошо понятная Арамису, охватила гасконца. Глядя прямо в глаза королю, он произнёс:

– Я его сын.

Гул, пробежавший среди придворных, ещё более прежнего поражённых этим заявлением, вернул Людовику дар речи. Но когда он собрался задать следующий вопрос, то увидел, что юноша протягивает ему бумаги. Нервным движением, не вполне достойным короля, он взял завещание и в течение бесконечных минут изучал его, вчитываясь в каждое слово документа. Наконец, собравшись с духом, он поднял взгляд на молодого человека и церемонным жестом вернул завещание. Преодолевая волнение, Людовик XIV провозгласил:

– Господа, извольте приветствовать графа д'Артаньяна – сына и единственного наследника нашего маршала.

Д'Артаньян почувствовал, как у него перехватывает дыхание. Сердце его колотило в грудь, будто желая вырваться из плена и остыть в снегу. Он был всё-таки всего лишь юношей – не чуждым, правда, известного лоска, но не знакомым с подлинным блеском и славой. И теперь, когда на него обрушилось разом и то и другое, он был слегка оглушён.

Сквозь густой и плотный туман, которому (он знал это точно!) неоткуда было взяться посреди ясного дня, доносились до него слова придворных дам и кавалеров. На их приветствия и представления он отвечал в полнейшем соответствии с этикетом и предписаниями Арамиса. Благодаря этому, а также удивительной внешности д'Артаньяна, двор нашёл его оча-

ровательным молодым человеком. Последним к нему подошёл капитан королевских мушкетёров. Любезно представившись, он сказал:

– Знайте, господин д'Артаньян, что я бесконечно горд званием преемника вашего знаменитого отца. Можете быть уверены: я не посрамлю его славы.

– Не смею усомниться в этом, барон; я много слышал о вас от его светлости герцога д'Аламеда.

– Его светлость оказал мне великую честь, вспомнив о нашем знакомстве. Но позвольте теперь мне, граф, на правах земляка, выразить надежду, что вы пойдёте по отцовским стопам, избрав военную карьеру.

– Всей душой желаю того же, но это всецело зависит от воли его величества, – улыбнулся д'Артаньян, – однако я весьма тронут вашим участием, господин де Лозен.

– Рассчитывайте на меня, граф; я всегда буду рад помочь вам, – обещал Пегилен.

– Прекрасные слова, – одобрил король, уже усевший в седло успокоившуюся маркизу де Монтеспан, – благородная речь, достойная благороднейших дворян Франции. Но давайте продолжим разговор в замке. Охота на сегодня окончена, господин д'Оллонэ. В путь, господа! Господин д'Артаньян, господин д'Аламеда, прошу сопровождать нас...

Сказав это, Людовик XIV вскочил на коня, и охотники двинулись в обратный путь, на сей раз – неспешно, ибо король не желал обгонять Атенаис. И хотя единственным предметом всеобщего обсуждения являлся случай с волком и последовавшая за ним сцена, главный герой этих событий всю дорогу о чём-то негромко переговаривался с испанским послом, не удостоив даже взглядом судачивших о нём вельмож.

По возвращении в Фонтенбло король провёл д'Артаньяна и Арамиса в свой кабинет, пригласив туда же отца д'Олива и нескольких приближённых. Это были Кольбер, Лувуа, Сент-Эньян, Лозен и Маликорн.

Суперинтендант, которому его секретарь сообщил только, что ко двору вернулся герцог д'Аламеда и король немедленно требует министра к себе, казался несколько взволнованным. Он вконец перепугался, когда увидел возбуждённое лицо короля. Из всех присутствующих лишь он да монах не догадывались о причине высочайшего волнения. Однако д'Олива, видя невозмутимость начальника, успокоился: коли генерал непостижимым образом поставил на своём и добился полуденной аудиенции у короля, намеревавшегося охотиться целый день, значит – так оно и должно быть. В самом деле, разве есть что-то невозможное для главы общества Иисуса?

Людовик XIV, окинув быстрым взглядом собравшихся, отрывисто произнёс:

– Преподобный отец и господин суперинтендант, представляем вам молодого отважного дворянина, продолжателя одного из древнейших родов королевства – рода, которому сам Господь не дал угаснуть с уходом от нас храбрейшего из французов. Это сын преданнейшего нашего рыцаря – граф д'Артаньян.

Кольбер, которого нелегко было чем-либо смутить, впервые выразил изумление на людях. Поклонившись д'Артаньяну, он глухо произнёс:

– Я знал вашего отца, сударь. Великий был человек...

– Как и подобает истинному д'Артаньяну, – продолжал король, – граф стал известен нам в результате замечательного подвига. Сегодня он спас от неминуемой смерти одну из фрейлин королевы; это ко многому обязывает не только спасённую даму, но и короля, ибо мужу должно воздавать за услуги, оказываемые его супруге. Мы хорошо сознаём, граф, что человек, унаследовавший четыреста тысяч годового дохода, едва ли нуждается в воздаянии, хотя бы и королевском. Несмотря на это, надеюсь, что вы не расстроите нас отказом.

Упоминание о невероятном богатстве молодого д'Артаньяна заставило содрогнуться даже такого вполне обеспеченного человека, как Лувуа. Спокойствие сохранил лишь Кольбер,

привыкший иметь дело с миллионами. Сам д'Артаньян, будто не замечая реакции окружающих, просто заметил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.